

ЭЛЕКТРОННОЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

«Мировая наука»

<http://www.science-j.com>

ISSN 2541-9285

УДК 004.02:004.5:004.9

ББК 73+65.9+60.5

Свидетельство о регистрации
средства массовой коммуникации
ЭЛ № ФС 77 - 68842
от 28.02.2017г.

Выпуск № 9(66) (сентябрь, 2022). Сайт: <http://www.science-j.com>

Редакционный совет:

*Абдуллаев Ф.Т., доктор философии педагогических наук (PhD),
Жуманов О.С., кандидат педагогических наук, доцент,
Зарайский А.А., доктор филологических наук, профессор,
Калимбетов Х.К., доктор экономических наук (PhD), доцент,
Мырзанов Б.Ж., доктор экономических наук (PhD), доцент,
Паксютова Е.В., кандидат технических наук, доцент,
Постюшков А.В., доктор экономических наук, профессор,
Ражабов Г.К. Доктор философии по педагогическим наукам (PhD),
Ромашкин Т.В., кандидат экономических наук, доцент,
Смирнова Т.В., доктор социологических наук, профессор,
Тягунова Л.А., кандидат философских наук,
Устинова Н.Г., кандидат экономических наук, доцент,
Федорова Ю.В., доктор экономических наук, профессор,
Фролова Н.Б., кандидат физико-математических наук, доцент*

© **Институт управления и социально-экономического развития, 2022**

ОСНОВНОЙ РАЗДЕЛ

УДК 621.646.616

*Абдеев Т.Р.
главный инженер
Уфимский универсальный механический завод
Россия, Уфа*

МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ НАДЕЖНОСТИ ШАРОВЫХ КРАНОВ

Аннотация: в данной статье рассматриваются методы повышения надежности шаровых кранов путем повышения твердости рабочих поверхностей.

Ключевые слова: трубопроводная арматура, запорная арматура, шаровый кран, надежность, карбид вольфрама.

*Abdeev T.R.
chief engineer
Ufa Universal Mechanical Plant
Russia, Ufa*

METHODS FOR IMPROVING THE RELIABILITY OF BALL VALVES

Abstract: this article discusses methods for improving the reliability of ball valves by increasing the hardness of working surfaces.

Keywords: pipe fittings, shut-off valves, ball valve, reliability, tungsten carbide.

Добыча и переработка углеводородов неизменно сопряжена с транспортировкой по трубопроводным системам сырья, содержащего большое количество абразивных частиц, а также механических примесей. В этой связи немаловажным является подбор и использование видов запорной арматуры способных сохранять высокую степень надежности при интенсивном износе рабочих частей.

Наилучшим решением для перекрытия трубопроводов, транспортирующих высокоабразивные среды, а также при экстремальных температурах, является применение шаровых кранов с металлическими уплотнительными конструкциями с повышенной износоустойчивостью. Для увеличения износоустойчивости основных узлов актуальной является разработка технологий, основанных на применении износоустойчивых материалов и сплавов, повышении износоустойчивости основных деталей путем изменения поверхностной структуры металла, нанесения износоустойчивых покрытий, использование сегментообразных конструкций запорных органов.

Согласно данным Минпромторга РФ, доля импорта в потреблении запорной арматуры для особых сред составляла более 75%. Введение беспрецедентных экономических санкций в отношении экономики РФ и прекращение поставок нефтепромышленного оборудования определяют актуальность разработки и ускоренного освоения производства отечественных решений.

Технической проблемой является создание надежного крана с увеличенным сроком службы.

Технический результат заключается в повышении герметичности крана.

Технический результат достигается тем, что в кране, содержащем корпус, шаровую пробку, уплотняющие седла и кулачок, согласно полезной модели, рабочие поверхности кулачков и контактные поверхности седел выполнены с твердостью 60-65 HRC [1].

Твердость 60-65 HRC достигается напылением покрытия из карбида вольфрама.

Нанесение покрытия карбида вольфрама возможно с использованием следующих технологий:

- плазменное напыление;
- газопламенное напыление;
- детонационное напыление;
- высокоскоростное напыление;
- электроискровое легирование;
- плазменная наплавка.

Одним из лучших методов нанесения покрытия карбида вольфрама считается высокоскоростное газопламенное напыление. В ходе этого процесса горючий газ и кислород перемешиваются и под высоким давлением подаются в камеру сгорания, где происходит горение и образуется газовый поток высокого давления. Частицы порошка карбида вольфрама автоматически подаются непосредственно в область горения. Высокоскоростной газовый поток, содержащий расплавленные частицы порошка, направляется в сторону подложки, удар и осаждение частиц на поверхности образуют плотное покрытие с пористостью меньше чем 1%, содержанием оксидов меньше чем 1% и прочностью сцепления больше чем 80 МПа. Покрытия из карбида вольфрама наносятся в специальных роботизированных шумозащитных камерах [2].

Процесс напыления карбида вольфрама на шток занимает 1-2 часа. Покрытия из карбида вольфрама не подвержены водородному охрупчиванию.

Результаты ресурсных испытаний нескольких опытных образцов шаровых кранов компанией ООО «УУМЗ» с напылением из карбида вольфрама на рабочие поверхности кулачков, контактные поверхности седел, поверхность шаровой пробки показали высокую стойкость к

абразивному и эрозионному износу и возможность использования уплотнения металл по металлу [3].

Выполнение поверхностей кулачков и седел с заявленной твердостью поверхностей позволяет использовать шаровые краны в агрессивных средах и в средах с большим количеством механических примесей, увеличить надежность шарового крана, путем исключения возможности появления зазоров между уплотнителем седел и шаровой пробкой, и, соответственно, нарушение герметичности крана из-за износа рабочих поверхностей и расширить диапазон рабочих температур и давлений для применения шарового крана.

Заявленный диапазон твердости поверхностей является оптимальным для обеспечения плавности работы крана при одновременно длительном сроке службы.

Разработанная конструкция шарового крана поясняется чертежами, где на рисунке 1 представлен кран в положении «закрыто», на рисунке 2 – кран в промежуточном положении. Шаровой кран содержит корпус 1, в полости которого размещены седла 2 с уплотнителями 3 и закрепленная на штоке 4 шаровая пробка 5.

На шаровой пробке 5 или на штоке 4 установлен по меньшей мере один кулачок 6 (на фигурах представлен вариант исполнения крана с двумя кулачками). Кулачок 6 выполнен в форме круга и имеет четыре торцевых среза D, которые плавно переходят в дугообразные участки. Плавный контур профиля кулачка 6 позволяет осуществлять плавное начало открытия и закрытия крана (плавный отвод седел от шаровой пробки), что уменьшает момент и предотвращает гидроудар.

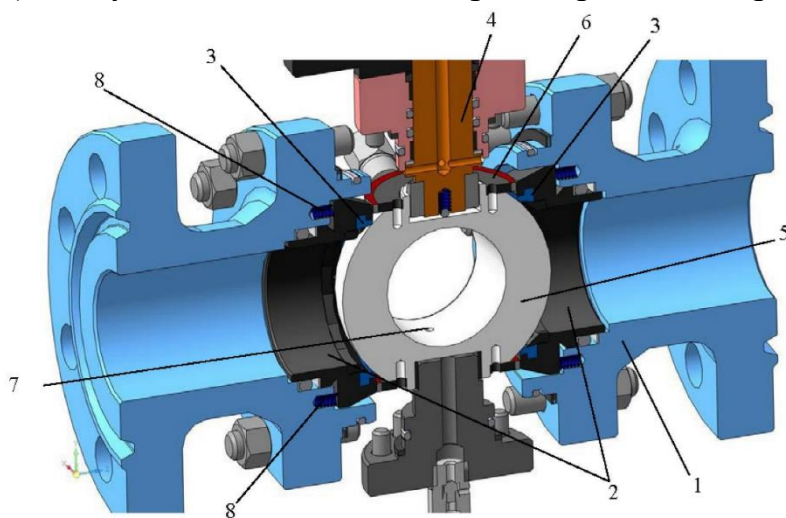

Рисунок 1 – Разработанный шаровый кран в положении «закрыто».

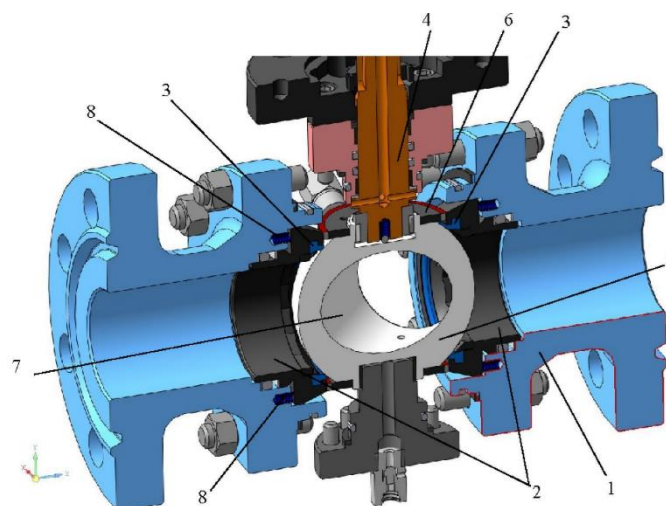

Рисунок 2 – Разработанный шаровый кран в промежуточном положении.

Торцевая (рабочая) поверхность кулачка 6 и контактная поверхность S седла 2 выполнены с твердостью 60-65 HRC, что значительно увеличивает ресурс кулачка и седла, а также позволяет снизить прилагаемое для перемещения кулачка по поверхности седла усилие. В шаровой пробке 5 может быть выполнено отверстие 7. При прохождении среды по трубопроводу седла 2 поддавливаются средой, т.е. находятся в нагруженном состоянии. Через отверстие 7 среда заполняет пространство между шаровой пробкой 5 и корпусом 1, тем самым уравнивая усилия и снижая нагрузку на мягкое уплотнение 3 седла 2.

Устройство работает следующим образом.

В исходном положении «открыто» шаровая пробка развернута таким образом, что ее отверстие обеспечивает проход среды (жидкой или газообразной) по трубопроводу. Седла 2 с уплотнителями 3 плотно прилегают к поверхности шаровой пробки 5 за счет прижатия пружинами 8. При повороте штока 4 кулачок 6 начинает поворачиваться, воздействуя своей рабочей поверхностью на контактную поверхность S седла 2 – дугообразные участки торцевой поверхности кулачка 6 отжимают седла 2 от шаровой пробки 5, которая поворачивается в положение «закрыто», не соприкасаясь в момент движения с седлами 2. При открывании крана описанная очередность имеет обратный порядок.

Наличие четырех срезов на кулачке 6 позволяет при необходимости, например, в аварийных случаях, использовать поверхности, находящиеся напротив используемых поверхностей. Это дополнительно способствует снижению износа такой поверхности.

Таким образом, заявленная разработанная конструкция обеспечивает создание надежного шарового крана за счет повышения его ресурса и позволяет использование в агрессивных средах с большим количеством механических примесей.

Использованные источники:

1. Курлов А. С., Гусев А. И.. Карбиды вольфрама: структура, свойства и применение в твердых сплавах / А. С. Курлов, А. И. Гусев // Springer. - 2013. – С. 20-24.
- 3 Напыление карбида вольфрама. [Электронный ресурс]. URL: <http://czpu.ru/napylenie-karbida-volframa/> (дата обращения 20.09.2022).
2. Греханова Е. В., Напольский А.В. Протокол ресурсных испытаний шарового крана №015 от 20.04.2022 ООО «УУМЗ» / Е.В. Греханова, Напольский А.В. – 2022. – 5 с.

ЛЕКАРСТВЕННЫЕ РАСТЕНИЯ И ИХ ЦЕЛЕБНЫЕ СВОЙСТВА

Аннотация: В статье рассматриваются основные целебные свойства лекарственных растений. Лекарственные растения - это дикорастущие и культивируемые растения, применяемые для профилактики и лечения заболеваний человека и животных.

Ключевые слова: препарат, медицина, система, профилактика, фитотерапия.

*Abipov R.K.
assistant*

*department "Agroecology and introduction of medicinal plants"
Karakalpak State University named after Berdakh
Republic of Karakalpakstan*

MEDICINAL PLANTS AND THEIR HEALING PROPERTIES

Annotation: The article discusses the main healing properties of medicinal plants. Medicinal plants are wild and cultivated plants used for the prevention and treatment of human and animal diseases.

Key words: drug, medicine, system, prevention, phytotherapy.

В настоящее время лекарственные растения в современной медицине еще не утратили своих позиций, они привлекают к себе все более пристальное внимание ученых. Из более чем 3000 препаратов, применяемых в медицине, 40 % вырабатывается из лекарственных растений.

Лекарственные растения (*Plantae medicinalis*) — это дикорастущие и культивируемые растения, применяемые для профилактики и лечения заболеваний человека и животных. Система лечения лекарственными растениями называется фитотерапией.

Лекарственные растения используются для лечения болезней человека, животных или же применяются как сырьё для производства лекарственных препаратов. В лекарственных растениях содержатся определенные химические соединения, которые называются действующими веществами, к таким можно отнести алкалоиды, дубильные

вещества, витамины, гликозиды и сапонины, флавоноиды, эфирные масла, витамины, кумарины и фурукумарины, органические кислоты, аминокислоты, амиды, амины, смолы, жиры и масла, полисахариды и пектины, слизи, красящие вещества, горькие вещества, пурины и пиримидины, фитонциды, минеральные соли [2].

Уже на самых ранних стадиях развития человечества растению употребляли не только как пищу, а использовали для лечения болезни. По литературным данным лекарственную растению люди начали использовать примерно за 3000 лет до н. э. в Ассирии, Египте, Индии, Китае, а в начале н. э. — в Иране, Греции и Риме; в средние века — в арабских странах, Средней Азии, Азербайджане, Грузии, Армении, европейских странах [3].

Древнеиндийская медицина, изложенная в «Аюрведе» (I в. до н. э.), использовала около 800 растений, которые используются и в настоящее время.

Тибетская медицина возникла на базе индийской, и в трактате по тибетской медицине «Чжуд ши» есть большой раздел, посвящённый использованию лекарственных растений.

В книге Авиценны «Канон врачебной науки» приведены описания и способы применения примерно для 900 растений [4].

Выделяют следующие категории лекарственных растений:

- Официальные лекарственные растения — растения, сырьё которых разрешено для производства лекарственных средств в стране и указаны в Государственном реестре лекарственных средств.

- Фармакопейные лекарственные растения — официальные растения, требования к качеству лекарственного растительного сырья которых изложены в соответствующей статье Государственной Фармакопеи или международных фармакопей.

- Лекарственные растения народной медицины — наиболее широкая категория, большинство растений в ней относительно плохо описано, и сведения о эффективности их применения не прошли необходимой проверки средствами современной фармакологии [1].

В лекарственных травах содержится одно вещество, обладающее лечебными свойствами, которые неравномерно распределены по тканям и частям растения. Поэтому при сборе лекарственных трав важно знать, где сосредоточены полезные элементы и в какой период развития растения их концентрация максимальна.

Основные способы применения сырья лекарственных растений: производство лекарственных средств для внутреннего и наружного применения. Внутрь применяют водные извлечения: настой, отвар, водно-спиртовые, масляные извлечения (настойка, экстракты) из лекарственного растительного сырья или сборов. Из сочных свежих частей официальных растений получают сок. Реже находит применение в медицине порошок из

высушенного лекарственного растительного сырья. Для наружного применения используются: травяная ванна, обертывание, примочка, компресс [5].

Из официальных растений получают различные морфологические группы лекарственного растительного сырья: трава, цветки, листья, корневища, корни, плоды, семена, кора, почки и др.

В медицинском применении лекарственных растений существует проблема состава. При сборе в составе диких растений могут оказаться опасные вещества, например, как тяжелые металлы. В фармакологических целях лекарственные растения выращиваются промышленным методом на специальных участках с контролем состава почвы.

Лекарственные растения помогают при хронических болезнях, рецидивирующих заболеваниях, патологиях ЖКТ, патологиях мочевыводящих путей, патологиях органов дыхания, кожных заболеваний, нарушений нейроэндокринной системы.

Таким образом, лекарственные растения используются для лечения болезней человека, животных или же применяются как сырьё для производства лекарственных препаратов.

Использованные источники:

1. Корчиков Е.С. Р изучению лекарственных растений лесных сообществ национального парка «бузулукский бор»// Самарский научный вестник. 2015. № 2(11). - С.99-103.
2. Лекарственные растения// <https://vohor.ru/lekarstvennye-rasteniya/page/6>
3. Лекарственные растения/ <https://ru.wikipedia.org/wiki>
4. Лекарственные растения// <http://permawiki.ru/w/index.php?title=%>
5. Сбор лекарственного сырья// https://studopedia.ru/3_32939_sbor-lekarstvennogo-sirya.html

*Айтбаев А.К.
ассистент
кафедра «Экономика»
Каракалпакский государственный университет
Пирлепесова И.П.
ассистент
кафедра «Экономика»
Каракалпакский государственный университет*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН

Аннотация: В статье рассматриваются проводимые аграрные реформы в Республике Узбекистан. А также анализированы вопросы либерализации аграрного сектора, создания кластерной системы, формирования многопрофильных фермерских хозяйств в регионах республики.

Ключевые слова: сельское хозяйство, трансформация сельского хозяйства, агроуслуги, кластеризация.

*Aitbaev A.K.
assistant
department of economics
Karakalpak State University
Pirlepessova I.P.
assistant
department of economics
Karakalpak State University*

TRANSFORMATION OF AGRICULTURE IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Annotation: The article deals with ongoing agrarian reforms in the Republic of Uzbekistan. And also the issues of liberalization of the agricultural sector, the creation of a cluster system, the formation of diversified farms in the regions of the republic were analyzed.

Key words: agriculture, transformation of agriculture, agricultural services, clustering.

Сельское хозяйство является важным сектором экономики Узбекистана, на который приходится примерно 28,5% ВВП. В нем занято около 4,2 миллионов человек, что составляет более 30% от общей занятости в стране. Основными сельскохозяйственными культурами

являются хлопок и зерно, но отмена квот и контроля цен в 2020-2021 годах уже активно способствует диверсификации посевов, поэтапному переходу к выращиванию других культур, фруктов и овощей. Экспорт сельскохозяйственной продукции обеспечил примерно 9,8% внешних доходов Узбекистана в 2019 году.

Узбекистан проводит динамичные реформы и трансформацию экономики. Крупномасштабные реформы также осуществляются в агропродовольственном секторе, что открывает значительные новые возможности для дальнейшего расширения и диверсификации агропродовольственного сектора. Важная роль сельского хозяйства в экономике Узбекистана обуславливает и важную роль сельскохозяйственных реформ в экономических успехах республики. Так, Узбекистан был одной из трех стран региона Европы и Центральной Азии (ЕЦА), которые сохранили положительный экономический рост в 2020 году не смотря на пандемию.

Правительство рассчитывает, что проводимые реформы повысят продуктивность сельского хозяйства за счет внедрения новых технологий, в том числе ресурсосберегающих, и дальнейшего развития переработки и упаковки с целью увеличения стоимости отечественной и экспортной продукции. Планируется развивать текстильный сектор страны, улучшать цепочку создания добавленной стоимости.

По прогнозам, за счет внедрения научных и инновационных идей ежегодно на 6-8% будет увеличиваться объем производства плодов, овощей, картофеля, бобовых и масличных культур, мяса на 16%, молока на 13%, яиц на 27%, рыбы в 2 раза, мёда на 30%. Будет увеличена степень переработки плодов и овощей до 15%, мяса с 9 до 15%, молока с 14 до 18%.

Мировое сельское хозяйство становится все более зависимым от рыночной конъюнктуры, тогда как раньше оно развивалось в основном под действием политики протекционизма. Таким образом, развивающиеся страны получают сейчас возможность воспользоваться преимуществами инвестиций и получить экономические выгоды, учитывая рост спроса на продовольствие в этих странах, потенциал к росту производства и сравнительные преимущества на многих мировых рынках. Соответственно, устойчивое развитие и модернизация сельского хозяйства - ключевой приоритет любой макроэкономической стратегии развития страны, нацеленной на экономический рост и повышение уровня благосостояния населения.

С первых дней независимости в Республике Узбекистан последовательно осуществляется продуманная стратегия развития сельского хозяйства, направленная на обеспечение продовольственной безопасности страны. Основными важными направлениями

государственной политики в сфере сельского хозяйства в период 1991-2016 годов стали:

- изменение структуры посевных площадей, сокращение почти в 2 раза посевов хлопчатника в пользу зерновых культур. В результате Узбекистан, который ранее импортировал более 80% потребности в зерне, обрел зерновую независимость;

- ликвидация государственных и коллективных сельскохозяйственных предприятий и создание фермерских хозяйств, обеспечивающих рост производительности труда на основе современных агротехнологий;

- диверсификация отраслей аграрного сектора, развитие картофелеводства, виноградарства, пчеловодства, птицеводства и рыбоводства;

- расширение системы льготного кредитования сельскохозяйственного производства;

- создание системы технического обслуживания фермерских и дехканских хозяйств, а также поставки для их нужд необходимых материально-технических ресурсов (ГСМ, химические удобрения, биологические и химические средства защиты растений, семена);

- формирование системы логистики для хранения и транспортировки сельскохозяйственной продукции, а также ее промышленной переработки.

Однако, к концу 2016 года дальнейшее развитие сельского хозяйства было под угрозой, так как прежние источники роста себя исчерпали, и оно натолкнулось на ряд барьеров, таких как монополия на экспорт продукции, регулирование экспортных цен, осуществление закупок сельхозпродукции в рамках госзаказа по несправедливым для сельхозпроизводителей ценам и др. В последние годы проводится определенная работа по направлению реформирования сельского хозяйства страны, в частности по совершенствованию системы государственного управления, широкому внедрению рыночных отношений, укреплению правовых основ взаимоотношений между субъектами, производящими, перерабатывающими и реализующими сельскохозяйственную продукцию, привлечению в отрасль инвестиций, внедрению ресурсосберегающих технологий, а также обеспечению производителей сельскохозяйственной продукции современной техникой.

Вместе с тем отсутствие долгосрочной стратегии развития сельского хозяйства препятствует эффективному использованию земельных и водных ресурсов, широкому привлечению в отрасль инвестиций, получению производителями высоких доходов и повышению конкурентоспособности продукции.

Мы действуем в рамках 10-летней Стратегии развития сельского хозяйства, разработанной Министерством сельского хозяйства РУ при поддержке ЕС, ВБ, ФАО, а также других международных организаций и

экспертов. В соответствии со “Стратегией развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 гг” приоритетными являются девять направлений.

1. Обеспечение продовольственной безопасности населения. За короткий срок «индекс неполноценного питания» в Узбекистане беспрецедентно снизился с 15% до 2,4%, став одним из лучших результатов в регионе.

2. Улучшение агробизнес среды и создание цепочек добавленной стоимости.

3. Снижение государственного участия в отрасли и повышение инвестиционной привлекательности.

4. Обеспечение рационального использования природных ресурсов и защиты окружающей среды.

5. Развитие современных систем государственного управления.

6. Диверсификация государственных расходов на поддержку сектора.

7. Развитие системы аграрной науки, образования, информационных и консультационных услуг.

8. Развитие сельских территорий.

9. Разработка прозрачной системы отраслевой статистики.

На сегодняшний день уже ведутся работы по развитию сельскохозяйственных знаний, услуг и инноваций на базе новой гибкой современной системы AKIS и создаваемых в ее рамках многофункциональных центров во всех регионах республики. В этих экстеншн-центрах сельхозпроизводители уже начинают получать агроуслуги, пользоваться мобильными лабораториями, участвовать в образовательных мероприятиях. А местные и зарубежные производители товаров и услуг для сельского хозяйства получают возможность представить свою продукцию из первых рук, а также проконсультировать свою целевую аудиторию. В инфраструктуре AKIS есть демонстрационно-экспериментальные поля, где можно проводить исследования, тестировать и демонстрировать сельхоз технологии и многое другое. В 2022-2026 годах центры будут созданы во всех областях и крупных районах, предоставляя свыше 100 агроуслуг.

Большое внимание уделяется цифровизации сельского хозяйства, широкому внедрению технологий рационального использования водных и земельных ресурсов в рамках программы «Умное сельское хозяйство», а также на базе предоставления различных льгот, субсидий и кредитов. Например, такая влаголюбивая культура как рис, к 2026 году будет выращиваться на всех повторных полях рассадным методом. С этого года в качестве эксперимента введено дождевальное и капельное орошение этой сельхозкультуры, организована машинная высадка рассады риса.

Большое внимание также уделяется освоению новых и возвращению вышедших из сельхозоборота земель, повышению качества сельхозземель, что достигается в основном за счет внедрения новых технологий – ресурсосберегающих и улучшающих плодородие и продуктивность почвы. В целом, к 2026 году ожидается, что введенные в оборот сельхозземли будут составлять около 900 тыс.гектаров, земли с внедрением водосберегающих технологий - 1,2 млн га, в том числе 445 тыс.га капельного орошения. В 2022-2026 годах будет также увеличена урожайность в хлопководстве и производстве зерновых-колосовых. При этом посевные площади будут сокращаться, но будет увеличиваться их продуктивность.

Большая трансформация происходит в вопросах землепользования – разрабатываются новые механизмы получения земель сельскохозяйственного назначения, правила эксплуатации этих земель. Минимизируется вмешательство местных органов власти в вопросы выделения/изъятия сельхозземель.

С 2017 года в сельском хозяйстве Узбекистана появилось новое направление - кластерная система. Развиваются кластеры самого разного направления: хлопково-текстильные, плодоовощные, семеноводческие, зерновые, мясо-молочные и т. д. Главная цель создания кластеров - формирование единой цепи, объединяющей все процессы производства готовой продукции – от выращивания сырья до его переработки и изготовления конечного продукта. Конечно, стоит отметить, что данная система только налаживается и есть проблемы в отдельных звеньях цепи, но перспективы ее дальнейшего развития позволят наиболее эффективно использовать производственный потенциал сельского хозяйства Узбекистана.

Развитие кластерной и кооперативной системы с современной инфраструктурой и передовыми технологиями – это одно из приоритетных направлений реформ в сельском хозяйстве. Эта система обеспечивает цельную производственную цепочку «от поля до потребителя» и создает новые возможности для увеличения экспорта. В кластерах уделяется особое внимание повышению доходов производителей за счет высокой урожайности.

В 2018-2020 гг. для создания цепочки добавленной стоимости в кластеры были привлечены инвестиции на сумму 1,4 млрд долларов США. В 2019-2020гг были образованы интенсивные фруктовые сады площадью 10,8 тыс. га и виноградники с площадью 19,7 тыс. га. На 250 тысяч га земель были внедрены водосберегающие технологии и ресурсосберегающее современное оборудование на общую сумму 1,5 трлн. сумов.

На сегодняшний день налажена деятельность 463 агрокластеров по всем направлениям сельского хозяйства (хлопково-текстильное

направление, зерноводство, плодоовощеводство, рисоводство и т. д.). Кластерами охвачено 2,2 млн га сельхозземель. В текущем году будут реализованы 270 инвестиционных проектов по организации глубокой переработке хлопка на общую сумму 25,5 трлн сум, по плодоовощеводству 63 проекта на сумму 589 млрд сум, по зерноводству 122 проекта на сумму - 1 трлн 164 млрд сум. В результате будет создано более 59 тыс. новых рабочих мест.

Таким образом, в 2017-2020 годах в сельском хозяйстве Узбекистана были проведены грандиозные реформы, результаты которых уже позволили обеспечить устойчивый рост отрасли и повысить ресурсоэффективность. В перспективе же они послужат наиболее полному задействованию имеющегося потенциала республики в сельскохозяйственном развитии и выведению Узбекистана в число мировых лидеров по производству и экспорту агропродовольственной продукции.

Использованные источники:

1. Указ Президента Республики Узбекистан от 09 октября 2017 г. № УП-5199 «О мерах по коренному совершенствованию системы защиты прав и законных интересов фермерских, дехканских хозяйств и владельцев приусадебных земель, эффективного использования посевных площадей сельского хозяйства»
2. Указ Президента Республики Узбекистан от 23 октября 2019 г. № УП-5853 «Об утверждении Стратегии развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 годы»
3. Аюпов Р.Х., Джуманиязова М.Ю. Цифровая трансформация в сельском хозяйстве Республики Узбекистан// International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol.5-4 стр 88
4. Ильина Д. «Либерализация экспорта и расширение поддержки экспортеров плодоовощной продукции в 2017-2021гг.» Журнал «Экономика: анализы и прогнозы № 1 (12) Январь-март 2021 с. 78-81
5. Ходжаев Ж. Агропромышленные реформы Узбекистана: от кластеризации до цифровизации// Экономическое обозрение №8 (260) 2021
6. <https://www.cer.uz/ru/post/civil/osnovnye-makroekonomiceskie-pokazатели-respubliki-uzbekistan-za-pervyj-kvartal-2021-goda>

УДК: 316.6.

*Джура Г.С., к.э.н.
Донецкая Народная Республика, г.Донецк*

ГРУППОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ОТВЕТ НА УГРОЗЫ ПСИХИКЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: В статье исследованы сущность и возможности группового социально-психологического тренинга в современных реалиях.

Ключевые слова: социально-психологический тренинг, психика, воздействие, информационное пространство.

*Dzhura G.S., Ph.D.
Donetsk People's Republic, Donetsk*

GROUP SOCIO-PSYCHOLOGICAL TRAINING AS A RESPONSE TO THREATS TO THE PSYCHE IN THE INFORMATION SOCIETY

Annotation: The article explores the essence and possibilities of group socio-psychological training in modern realities.

Key words: socio-psychological training, psyche, impact, information space.

Сегодня жизнь и человека находится в зависимости от информационного обеспечения и технического прогресса, дающего массу возможностей, и изменяя потребности личности и её мотивацию. Ввиду этого особую важность приобретает понимание и изучение воздействия информационного пространства и информационных технологий на психику человека.

Потребление информации является крайне важной потребностью личности, без которой невозможно формирование и существование ее индивидуального сознания. Так, каждый уровень потребностей пирамиды Маслоу (рисунок 1), связан с возможностями, предоставляемыми социумом.

Рисунок 1 – Пирамида Маслоу

Информационное влияние на индивида несет психологическую направленность, происходит опосредованно, через механизмы головного мозга, эффект которого проявляется в изменении психических свойств личности и его поведения. При этом, необходимо отметить тот факт, что развитие технологий и информационных систем, оказывает не только положительное воздействие на возможности и развитие человека, но и несет в себе массу проблем и угроз для общества, связанных с психологической, нравственной и правовой безопасностью. Зачастую потребление информации, негативно влияя на психику и сознание, нарушает восприятие действительности человека и вызывает отклонения личности.

Одним из наиболее эффективных инструментов по противодействию вышеуказанным вызовам, с точки зрения автора является «социально-психологический тренинг», ключевые формулировки которого представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Трактовки понятия «социально-психологический тренинг»

Автор	Трактовка
Большая психологическая энциклопедия	«область практической психологии, ориентированная на использование активных методов групповой психологической работы с целью развития компетентности в общении»
Энциклопедический словарь	«прикладной раздел социальной психологии, представляющий собой совокупность групповых методов формирования умений и навыков самопознания, общения и взаимодействия людей в группе»
Емельянов Ю.В.	«группа методов развития способностей к обучению и овладению любым сложным видом деятельности»
Петровская Ю.Н.	«формы обучения знаниям и умениям в сфере общения, а также формы их коррекции»
Макшанов С. И.	«многофункциональный метод преднамеренных изменений психологических феноменов человека, группы организации с целью гармонизации профессионального и личностного бытия человека»

Исходя из вышеприведенных определений стоит заключить, что социально-психологический тренинг — это активное обучение с целью формирования компетентности, активности и направленности личности в общении с людьми и повышения уровня развития группы как социально-психологического объекта.

Практика тренинга несет участнику сведения о том, каков он глазами другого и помогает скорректировать себя в глазах собственных, что является особенностью тренинга. Побуждая участников действовать в разнообразных создаваемых ситуациях, тренинг полнее раскрывает участников друг другу, обеспечивает дополнительными сведениями о себе и других, позволяет входить в позицию другого человека, раскрывает потенциал участников.

Одним из важнейших преимуществ тренинговой формы является высокая эффективность использования времени, способствующей самораскрытию, самоанализу и саморазвитию личности. В ходе тренинга специалист получает не просто дополнительную информацию, речь идет об эффекте в виде своеобразного интеллектуально-эмоциональной синергии семантически сформированной в пережитом опыте. Анализу подвергаются ситуации, которые складываются в данной группе в ходе ее развития, и субъектами данных ситуаций становятся участники группы. По этой причине, сведения о трудностях, помехах процесса саморазвития оказываются не только предпосылкой извне, а еще и пропускаются через личный опыт, формирующийся через групповой анализ.

Сегодня тренингу придают большое значение в разных сферах: менеджмент, медицина, юриспруденция, преподавание, социальная сфера и сфера обслуживания и др. Тренинг способствует коррекции поведения,

улучшению отношений между коллегами, членами различных групп, коррекции дезадаптации и т.д. В результате тренинг приобретает специфические формы: ролевое обучение, тренировка чувствительности и эмпатии, анализ оценок и самооценок, невербальные методики контакта и др.

Практика тренинга позволяет участнику понять, каков он через другого и помочь скорректировать свои особенности. Побуждая участников действовать в разнообразных моделируемых ситуациях, тренинг позволяет раскрыть потенциал участников, обеспечивая дополнительными сведениями о себе и других.

Актуальность (необходимость) использования социально-психологического тренинга в работе психолога оправдана его высокой эффективностью. В процессе группового занятия и выполнения упражнений, участники, под руководством тренера, не только получают теоретические знания и практические рекомендации, но, решают определенные психологические проблемы, приобретают необходимые умения и навыки, меняют ограничивающие установки. С учетом всех информационных вызовов, интегрированных в жизни людей и крайне усложняющих тренировку гибких навыков и эмоционального интеллекта индивида, профессиональная групповая социально-психологическая работа является важнейшим элементом развития человека.

Использованные источники:

1. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал, 2012. № 1 (7).
2. Виноградова С.М., Мельник Г.С. Психология массовой коммуникации // Учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2017.
3. Бобченко, Т. Г. Психологические тренинги: основы тренинговой работы: учебное пособие для вузов / Т. Г. Бобченко. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020.
4. Овчинникова И. С., Кобзева Н. А. Тренинг как технология активного обучения // Молодой ученый. 2015. № 10. С. 1239–1241.

*Досназарова У.И.
преподаватель по предмету биология
Общеобразовательная школа №25
Отдел народного образования Ходжелинского района
Республика Каракалпакстан*

ДИСТАНЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗООЛОГИИ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности использования дистанционных методов в зоологических исследованиях. Использование дистанционных методов имеют большое значение при организации мониторинга за состоянием окружающей среды, позволяют исследователям следить за миграциями животных, также исследовать при помощи термометрии распределения температур на поверхности тела животных.

Ключевые слова: метод, аэрокосмический метод, процесс, картографирования, аппарат, миграция, птицы, насекомые, температура.

*Dosnazarova U.I.
biology teacher
Secondary school №25
Department of Public Education of Khodzhelinsky District
Republic of Karakalpakstan*

REMOTE RESEARCH METHODS IN ZOOLOGY

Annotation: The article discusses the features of the use of remote methods in zoological research. The use of remote methods is of great importance in organizing monitoring of the state of the environment, allowing researchers to monitor the migrations of animals, and also to investigate, using thermometry, the distribution of temperatures on the surface of the body of animals.

Key words: method, aerospace method, process, mapping, apparatus, migration, birds, insects, temperature.

Аэрокосмические методы исследования — это один из видов дистанционных методов исследования, с использованием вертолетов, самолетов, космических кораблей, орбитальных станций и специальных космических аппаратов, оснащенных, разнообразной съемочной аппаратурой.

Аэрокосмические методы делятся на визуальные, фотографические, электронные и геофизические методы исследования. Применение данных методов ускоряет и упрощает процесс картографирования и имеет большое значение при организации мониторинга за состоянием окружающей среды.

Важно отметить, что в особых случаях спутниковые наблюдения используются для слежения за миграцией крупных животных, на теле которых укрепляются радиопередатчики, передающие информацию о перемещении и состоянии животных.

Методы слежения за перемещениями животных стали использовать еще в начале 60-х гг. XX века, были созданы ультракоротковолновые радиопередатчики. Изначально эти устройства были громоздкими, крепились только на крупных объектах. В настоящее время радиопередатчики весят менее 1 грамма, появились небольшие спутниковые передатчики весом от 20 до 5 грамм, позволяющие исследователям следить не только за локальными перемещениями птиц, но и за их миграциями в течение нескольких лет. В настоящее время используются передатчики глобальной системы позиционирования (GPS), также спутниковые передатчики платформенного терминала (ППТ).

При использовании радиотелеметрических методов в зоологических исследованиях следует учитывать несколько принципиальных моментов:

- размер и тип радиопередатчика;
- наиболее удобный и безопасный способ его крепления на объект;
- оптимальные способы слежения за перемещениями объекта;
- возможности повторной замены или снятия передатчика;
- методы обработки и анализа данных радио слежения.

Спутниковых передатчиков можно снабдить датчиками, для контролирования температуры тела, давление, частоту сердцебиения животных и т.п. При использовании радиопередатчиков у птиц во время полета повышается аэродинамическое сопротивление. Некоторые исследования ученых показывают, что птицы с установленными передатчиками могут иметь повышенную смертность, плохо размножаться и подвергаться к различным отрицательным воздействиям. Тем не менее, использования современных методов телеметрии дает возможность успешно изучить некоторые аспекты жизни птиц. Использование спутникового мониторинга существенно расширил и кардинально изменил, представления зоологов о физиологических возможностях птиц.

История применения бесконтактных методов измерения температуры на основе регистрации электромагнитного излучения в тепловом инфракрасном диапазоне насчитывает примерно 70 лет.

В практике зоологических исследований эти методы появились существенно позже. Впервые дистанционная термометрия была использована для изучения теплообмена у птиц. А начиная с научных работ К. Цены и Дж. Кларка (1972) и до начала 90-х гг. прошлого века,

методы дистанционной термографии и тепловидения применялись в эколого-физиологических исследованиях исключительно для изучения термифизиологии и поведения насекомых. В последние двадцать лет число зоологических объектов, эколого-физиологические характеристики которых были исследованы методами термографии, существенно увеличилось. Эти исследования можно разделить на три группы.

Наиболее простыми и наиболее эффективными являются всевозможные исследования распределения температур на поверхности тела животных. Использование данного метода позволило зафиксировать существенное и устойчивое снижение температуры тела выхухолей, плавающих в холодной воде, а также продемонстрировать роль васкуляризованных тканей хобота сайгаков в усиленной отдаче тепла во время перегрева этих животных.

Ко второй группе относятся работы, в которых температурные распределения, полученные методами термографии, становятся, в свою очередь, основой для создания количественных биофизических моделей теплообмена животных. И, наконец, результаты термографирования можно использовать для косвенной количественной оценки различных физиологических и морфологических параметров животных.

Термограммы мелких млекопитающих, сделанные при разных температурах окружающей среды, позволяют в принципе найти нижнюю критическую точку их терморегуляции, определить гипотетическую "установочную" температуру тела, количественно сравнить как степень изоляции различных частей тела одного животного, так и теплоизоляцию разных особей, а также получить данные о морфологических характеристиках волосяного покрова.

Таким образом, использование дистанционных методов в зоологических исследованиях имеют большое значение при организации мониторинга за состоянием окружающей среды, позволяют исследователям следить за миграциями животных в течение нескольких лет, а также исследовать распределения температур на поверхности тела животных при помощи термометрии.

Использованные источники:

1. Аэрокосмические методы исследования миграций животных// <https://bio.bobrodobro.ru/561>
2. Дистанционные методы исследования в зоологии. Материалы научной конференции. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2011. 108 с.

*Жиянова Ш.М., магистр
преподаватель
Юридический техникум Ферганской области*

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ В ПОСТРОЕНИИ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА В НАШЕЙ СТРАНЕ

Аннотация: В данной статье проанализирована роль юридических кадров в построении справедливого общества в нашей стране и повышении международного авторитета нашей страны.

Ключевые слова: юрист, персонал, правосудие, общество, профессиональная этика, правила.

*Jiyanova Sh.M., master
teacher*

THE ROLE OF LEGAL PERSONNEL IN THE ESTABLISHMENT OF A FAIR SOCIETY IN OUR COUNTRY

Annotation: This article analyzes the role of legal professionals in the establishment of a fair society in our country and the rise of our country's international reputation.

Keywords: lawyer, cadre, justice, society, professional ethics, rules.

Узбекистан смело идет по пути построения демократического правового государства и формирования справедливого гражданского общества, занимает прочное место в мировом сообществе. Благодаря стабильности, межнациональной гармонии и гражданскому согласию наше молодое государство завоевывает доверие и уважение.

В нашей стране проводятся масштабные реформы в области экономики, политики, государственного строительства, правовой системы и духовного преобразования общества. В результате реализации принципа разделения властей большое внимание уделяется и формированию судебной власти как самостоятельной власти. Согласно принципу разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную, на судебную власть возложена обязанность осуществлять контроль за соответствием Конституции Республики Узбекистан законодательных актов, издаваемых совместно с осуществлением правосудия по уголовным, гражданским и хозяйственным делам.

В нашей стране ускоренными темпами проводятся реформы в судебно-правовой сфере. Реформы в этой сфере служат формированию современной стратегии построения демократического государства и

гражданского общества. Проводимые в Узбекистане демократические реформы охватывают все сферы социальной, политической и государственно-правовой жизни, а также судебную систему Республики, конечной целью которой является построение правовой государственности. Судебная реформа-неотъемлемая необходимая составляющая общего процесса становления правового государства и гражданского общества. Судебно-правовая реформа является важным фактором создания в стране равной, независимой, сильной судебной власти с законодательной и исполнительной ветвями власти.

В целях построения правового демократического государства, укрепления законодательства и обеспечения социальной справедливости, определения приоритетов духовного и культурного развития, обогащения проводимых реформ новым содержанием, повышения правовых знаний и сознания населения, повышения политической активности общества, совершенствования системы подготовки юридических кадров и изучения общественного мнения сегодня проводится большая работа увеличения.

После обретения Узбекистаном государственной независимости потребность в кадрах юристов возросла, изменились и требования к современным кадрам юристов. В первые годы независимости требовались профессионалы, способные обеспечить правовые аспекты сложных процессов, таких как построение демократического правового государства, основанного на рыночной экономике, и построение свободного гражданского общества. При обеспечении прав и свобод граждан необходимо обратить внимание на:

- своевременное разрешение обращений граждан, обеспечение неотвратимости ответственности за допущение случаев цензуры, формальностей и пренебрежительного отношения при рассмотрении обращений, а также принятие всех необходимых мер по восстановлению нарушенных прав;
- обеспечение гарантий надежной защиты прав и свобод граждан в деятельности судебных, правоохранительных и надзорных органов;
- закрепление гарантий реализации прав граждан на частную собственность;
- обеспечение беспрепятственного доступа граждан к правосудию.

Правовое воспитание основывается не на каких-то мнимых идеях, а на принципах новых общественных отношений (экономических, политических, социальных, национальных и т.д.) должны быть направлены на принятие и усвоение, а также на всестороннее отношение граждан к возникновению новой правовой ситуации.

В практике правового воспитания необходимо добиться того, чтобы нормы права способствовали и стимулировали правовое поведение и реализацию коллективных и индивидуальных интересов и потребностей в их тесном единстве и взаимодействии. Вся система правового воспитания

должна быть адаптирована к различным социальным слоям и группам, т. категории объекта правового воспитания должны определяться современными социальными структурами, охватывающими в себе все категории населения - от детей школьного возраста до пенсионеров.

Таким образом, основным признаком правового государства, в котором обеспечиваются права и свободы его граждан, является то, что государство действует в рамках закона.

В настоящее время ведется работа над новым порядком формирования приказа о подготовке юридических кадров. Ведется работа по формированию параметров приема в Ташкентский государственный юридический университет, юридические факультеты и юридические техникумы с учетом текущей и перспективной потребности в юридических кадрах в органах государственной власти и управления, организациях различных форм собственности, в том числе субъектах предпринимательства, на основе анализа в разрезе каждого региона, отраслей экономики и социальной сферы.

Все мы знаем, что реформирование правовой сферы в гражданском обществе и налаживание качественных юридических услуг издавна являлось одной из актуальных задач государства. Даже сейчас, когда мы строим правовое демократическое государство и строим свободное гражданское общество, правовое образование и наука остаются одним из основных механизмов. Когда мы говорим о юридическом образовании и науке, это образование распространяется не только на юристов, но и на всех членов общества. Предполагая, что общественные отношения в демократическом государстве фактически формируются на основе правовых критериев, мы убеждены в том, насколько приоритетно значение юридического образования и науки в нашем обществе. Кардинальное совершенствование юридического образования и науки в Республике Узбекистан, а также принятие последних указов Президента Республики Узбекистан в этой области и решений Кабинета Министров, придавших ей инновационный дух, стало важным шагом, вытекающим из требований сегодняшнего времени.

Глава нашего государства Ш.В рамках реализации утвержденной указом Мирзиёева "Концепции повышения правовой культуры в Джами Ят" была создана группа "Street law", направленная на обучение молодежи практическим механизмам защиты своих прав. В настоящее время именно в эти группы вовлекаются активные студенты юридического университета и юридических техникумов. Члены "Street law" и "Крылья справедливости", волонтерской группы состоящей из молодежи юридического университета и техникума, во главе с координаторами группы совместно с региональным управлением юстиции, прокуратурой области и другими правоохранительными органами проводят

пропагандистскую работу по повышению правосознания и правовой культуры населения, особенно школьников.

В заключение можно сказать, что, во-первых, необходимо активнее использовать нетрадиционные методы в наших учебных заведениях для дальнейшего развития логического мышления наших юристов и вывода юридического образования на новый уровень. Конечно, чтобы эффективно использовать такой стиль преподавания, учащиеся должны заранее прочитать и проанализировать материал, относящийся к лекции, которую они только что прочитали.

Использованные источники:

1. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2017 yil 7-fevraldagi "O'zbekiston Respublikasini yanada rivojlantirish bo'yicha harakatlar strategiyasi to'g'risida"gi PF-4947 sonli Farmoni.
2. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2020 yil 29-apreldagi "O'zbekiston Respublikasida yuridik ta'lim va fanni tubdan takomillashtirish bo'yicha qo'shimcha chora-tadbirlar to'g'risida"gi PF-5987 sonli Farmoni.
3. Farhodjonovna F. N. Spiritual education of young in the context of globalization //Мир науки и образования. – 2017. – №. 1 (9).
4. Numonjonov S. D. Innovative methods of professional training //ISJ Theoretical & Applied Science, 01 (81). – 2020. – С. 747-750.
5. Farxodjonova N. F. RELATION TO NATIONAL CULTURE IN THE CONDITION SPIRITUAL RENEW OF SOCIETY IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN //Мировая наука. – 2018. – №. 6. – С. 14-17.

Каллибеков А.С.
студент 3 курса
направление «Агробизнес и инвестиционная деятельность»
Каракалпакский институт сельского хозяйства и агротехнологии

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы совершенствование цифровизации в аграрном секторе Республики Узбекистан. Даны предложения по формированию цифровизации институтов аграрного сектора и их инфраструктуры.

Ключевые слова. Цифровая экономика, аграрный сектор, инновация, «Умные» хранилища, «Умные» теплицы, «Умные» или «смарт» тракторы, дроны.

Kallibekov A.S.
3rd year student
direction "Agribusiness and investment activity"
Karakalpak Institute of Agriculture and Agrotechnology

FEATURES OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Annotation: The article deals with the problems of improving digitalization in the agricultural sector of the Republic of Uzbekistan. Proposals are given on the formation of digitalization of institutions of the agricultural sector and their infrastructure

Keywords. Digital economy, agricultural sector, innovation, "Smart" storages, "Smart" greenhouses, "Smart" or "smart" tractors, drones.

Цифровая экономика – это система: производственных отношений (в узком смысле слова) распределения ресурсов в процессе деятельности по производству и передаче информации на технологической базе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); 2) субъектов экономической деятельности, осуществляющих получение добавленной стоимости за счет продажи услуг по производству и передаче информации на технологической базе ИКТ. Вопрос отнесения таких субъектов к ЦЭ может решаться на основе анализа их цепочек создания стоимости - в зависимости от того, входит ли деятельность в сфере ЦЭ в состав ключевых факторов создания ими прибавочной стоимости.

Как следует из изложенного, понятие «цифровая экономика» пока представляется неопределенным. В связи с этим мы предлагаем вариант,

согласно которому *цифровая экономика* - это система производственных отношений по распределению инвестиционных ресурсов в процессе деятельности по производству материального продукта, услуг и технологий, связанная с производством, обработкой и/или передачей цифровых данных, информации и/или знаний или достижению нового качества материального продукта, услуг и технологий и/или способов их создания, в том числе за счет производства, обработки и/или передачи цифровых данных, информации и/или знаний на технологической базе ИКТ в едином инновационно-инвестиционном комплексе. Цифровые данные, информация и/или знания при этом могут обрабатываться, в том числе аналитически, в больших объемах по заданным технологиям, а задачи персонала сводиться к поддержанию этого процесса.

В экономике Узбекистана сельское хозяйство является одним из ведущих секторов. Согласно данным Государственного комитета статистики, в 2020 году валовой внутренний продукт (ВВП) Узбекистана в текущих ценах достиг 580,2 трлн сумов, что на 1,6 % больше, чем в предыдущем году. В нашей стране развитию сельского хозяйства и аграрного сектора уделяется большое внимание. В частности принят ряд правовых документов, таких как Концепция развития отрасли сельскохозяйственного машиностроения в Республике Узбекистан на период 2018-2021 гг., Указ Президента Республики Узбекистан от 17.04.2019г. «О мерах по совершенствованию системы государственного управления в сфере сельского хозяйства», Указ Президента Республики Узбекистан № УП-5853 от 23.10.2019 г. «Об утверждении стратегии Развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 гг.», а также Постановление Президента «О реализации программы «Каждая семья – предприниматель» № ПП-3777 от 07.06.2018 г., которым предусматривается создание условий для занятия предпринимательством семьями, в основном, в сельской местности, для получения стабильного источника доходов. Торговые отношения с другими странами способствуют росту экспорта продукции, производимой в республике, что, в свою очередь, дает ей возможность войти в число развитых государств мира, в первую очередь за счет роста продукции отраслей сельского хозяйства.

С марта по май 2021 года экспорт капусты белокочанной из Узбекистана составил 67,5 тыс. тонн на сумму \$10,2 млн, что в натуральном выражении на 30% больше, чем в аналогичном периоде 2020 года. Однако в январе 2022 года в сравнении с аналогичным месяцем 2021 года, объем экспорта белокочанной капусты вырос в 2 раза, цветной капусты и брокколи – почти в 3 раза, а пекинской капусты – почти в 16 раз. Овощеводы очень довольны – ведь спрос на эту капусту просто “сумасшедший”. Её отгружают с полей по цене 4000 сум/кг (\$0,37), что примерно в 9 раз выше по сравнению с аналогичным периодом 2021 года.

Для сравнения, в январе-феврале 2021 года отгрузочные цены на белокачанную капусту не превышали 400-500 сум/кг (\$0,04-0,05).

За 11 месяцев 2021 года в Узбекистане построено 398 современных теплиц общей площадью 797 гектаров, а совокупная сумма инвестиций в их строительство составила 2,3 трлн. сумов (\$212,4 млн). 88% построенных в 2021 году современных теплиц по их площади, сконцентрированы в двух регионах страны – Ташкентской (44%) и Сурхандарьинской (44%) областях. С 2016 по 2021 год в Узбекистане построены современные теплицы общей площадью свыше 3 тыс. гектаров [5].

На сегодняшний день особое внимание со стороны государства уделяется созданию кластеров в сельском хозяйстве как более конкурентоспособной форме организации производства и бизнеса, облегчающей выход произведенной продукции на внешние рынки. Но помимо этого, сельское хозяйство и агропромышленный комплекс нуждается в модернизации, цифровизации, интеллектуализации.

Мировое сообщество уже вступило в эру цифровой глобализации, которая определяется потоком данных, включая данные, идеи и новации. Смарт-технологии быстрее, удобнее, экономичнее и мощнее, и потому становятся ключом к решению множества проблем. На сегодняшний день современные, интеллектуальные, цифровые решения могут повысить производительность сельского хозяйства, тем самым увеличив экспортный потенциал нашей страны[3]. По нашему мнению, необходимо производить и внедрять новое, современное «Умное» сельское хозяйство, которое будет новым рывком в данной сфере и будет соответствовать мировым стандартам и производить качественную продукцию с наименьшими издержками и наибольшей прибылью.

Итак, что же такое «Умное» сельское хозяйство? «Умное сельское хозяйство» основывается на внедрении новых технологий (интернет-вещей, датчиков, систем GPS, big data и т.д.). Так, например, использование GPS навигации позволяет повысить точность движения техники по полю, а датчики — отслеживают состояние почвы, и точно вычисляют ее состав на отдельных участках. Big data это путь к улучшению знаний о процессах, происходящих при росте урожая.

Благодаря технологиям появляется термин «точное земледелие». Так, к примеру, в «Узбекозиковкатхолдинг» создана специализированная компания «Беспилотные технологии» — использование беспилотников позволит наблюдать за посевами, распылением удобрений и средств от насекомых. Как мы видим, начавшаяся модернизация сельского хозяйства, требует внедрения следующих видов инноваций:

-«Умные» **хранилища** для овощей и фруктов. Они позволяют осуществлять мониторинг состояния продукции при хранении с помощью специально заданных алгоритмов в режиме реального времени

(температурный режим хранилищ, уровень влажности, содержание углекислого газа), что помогает принимать правильные решения. При нарушении условий система исправляет ситуацию и оповещает об изменениях владельца склада. Созданные технологические решения для переработки и хранения сельхозпродукции, автоматизация этих процессов позволяет уменьшить затраты на персонал и улучшить условия хранения собранного урожая.

- **«Умные» теплицы**, они способствуют более рациональному расходованию удобрения, химикатов, воды, а также за счет автоматизации процесса, уменьшают человеческий фактор, что в свою очередь снижает расходы воды. По статистическим данным, количество «умных» теплиц на мировом рынке ежегодно растет на 9%;

- **«Умные» или «смарт» тракторы**, основным преимуществом которых является оснащение техники спутниковой системой связи “AMS System”. С такой системой техника может работать в поле в автоматическом режиме, процесс работы механизмов полностью контролируется на расстоянии. Трактор находится под мониторингом, и в случае неполадок техники, клиенту придет оповещение.

- **Дроны**, к которым относятся, как наземные беспилотники, так и беспилотные летательные аппараты (БПЛА) и мультикоптеры (квадро-, гекса, октокоптеры), а также крылатые беспилотники. Последние чаще используются на больших площадях или для выполнения картографирования. Они также позволяют создавать электронные 3D-карты полей, рассчитывать показатели для внесения удобрений, инспектировать поля и мониторить состояние урожая, осуществлять контроль за работой транспорта и сельхозмашин, охрану угодий, вносить на поля средства защиты растений и удобрения и т.д. Мониторинг с беспилотников может обеспечить данные не только о культурных растениях, но и о сорняках, например, их густоте стояния и даже видовом составе. Путем съемки с беспилотников возможно построение термограмм, так как температура растений сигнализирует о степени их стресса, особенно от засухи.

Совершенствуя, автоматизируя, интеллектуализируя сельское хозяйство страны, можно вывести его на «новый», современный уровень, решая тем самым ряд актуальных задач:

- увеличение качества конкурентоспособной продукции;
- снижение затрат;
- привлечение молодёжи в сферу сельского хозяйства;
- подготовка специалистов в данной сфере;
- обеспечение рабочими местами и увеличение занятости населения.

Подводя итог, можно сказать, что сельское хозяйство всегда занимает весомое место в экономике стран мира. Аграрный сектор Узбекистана обладает необходимыми предпосылками экономического

роста, как в количественном, так и в качественном отношении — необъятные территории, плодородные почвы, богатейшие природные ресурсы. Сельское хозяйство является драйвером роста, а в условиях пандемии Коронавируса это еще и «спасательный круг» для выхода из кризиса, восстановления и развития экономического состояния страны.

Использованные источники:

1. Указ Президента Республики Узбекистан №УП-5853 «Об утверждении стратегии Развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 годы» от 23.10.2019 г.
2. Указ Президента Республики Узбекистан №УП-5708 «О мерах по совершенствованию системы государственного управления в сфере сельского хозяйства» от 17 апреля 2019 года.
3. Указ Президента Республики Узбекистан, № УП-6079 ОБ Утверждении Стратегии «Цифровой Узбекистан-2030» и мерах по ее эффективной реализации от 5 октября.2020 года
4. Сайфулина А. Ф. - Цифровизация сельского хозяйства – как фактор развития экономики Республики Узбекистан. //Актуальные проблемы инновационного сотрудничества в повышении качества Высшего Образования. // Международная научная онлайн Конференция.27 мая 2020 года, Навои.
5. stat.uz – официальный сайт Государственного Комитета Республики Узбекистан по Статистике. [Электронный ресурс]

*Магомедова Р.М.
студент 2 курса магистратуры
специальность «История»
Научный руководитель: Джабаева Т.Ч., к.и.н.
Дагестанский государственный университет*

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена исследованию политики Российской империи на Северном Кавказе, в частности методам колонизации края для упрощения внедрения российской системы управления. Отмечается, что происходившие демографические изменения в кавказском регионе вследствие заселения края русским, армянским и немецким элементом были основаны не только на колонизационной политике Российской империи, но и на национально-освободительном движении горцев Кавказа.

Ключевые слова: Кавказ, колонизация, Российская империя, переселенцы, Кавказская война, система управления.

*Magomedova R. M.
2st year master's student
specialty "History"
Scientific supervisor: Jabaeva T.Ch., candidate of historical
sciences
Dagestan State University*

THE RESETTLEMENT PROCESS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Annotation: The article is devoted to the study of the policy of the Russian Empire in the North Caucasus, in particular, by the method of colonization of the region to simplify the implementation of the Russian management system. It is noted that the demographic changes that took place in the Caucasus region due to the settlement of the region by the Russian, Armenian and German elements were based not only on the colonization policy of the Russian Empire, but also on the national liberation movement of the mountaineers of the Caucasus.

Keywords: Caucasus, colonization, Russian Empire, settlers, Caucasian war, management system.

Включение Северного Кавказа в административно-территориальную систему Российской империи характеризовалось «многовекторной

направленностью» - завоеванием, замирением, колонизацией и внедрением российской системы управления.

Наиболее значимой и масштабной, ввиду своеобразия решаемых задач на Северном Кавказе, были иницилируемые государством казачья и следующая за ней крестьянская (народная) колонизация. Роль государства в колонизации Северного Кавказа, всегда была значительна. Даже в ходе ранней вольно-народной колонизации, власть шла за народом, закрепляя «за собой вновь заселенные области..»¹.

Согласно колониальной политике Российская империя переселяет в Кавказский регион русских, армян, немцев. Таким образом, в среду кавказского населения вводился иноземный, иноэтничный, иноязычный и иноконфессиональный компонент. Переселенческая политика Российской империи на Кавказе преследовала создание себе в этом регионе этноконфессиональной базы. Исходя из выше изложенного видно, то Российская империя стремилась поглотить Кавказ в этническом, культурном и религиозной сфере для стабилизации своей власти в этом регионе.

По мнению В.М. Кабузана переселенческую политику Российской империи на Северном Кавказе можно разделить на несколько этапов:

В 1860-е гг. характеризовались заселением Кубанской области, прекращением заселения Черноморской губернии, выселением горцев в Османскую империю.

В 1870-е гг. Российская империя ограничивает переселение на Северный Кавказ. В результате увеличивается стихийно заселение территории Северного Кавказа. Также российским правительством отменяются льготы 1840-1850-х гг. для переселенцев.

В 1880-1890-е гг. российское правительство признает, что внутренние миграции крестьян полезны для империи. Однако процесс заселения территории Северного Кавказа уменьшается. Это было связано с тем, что определенная часть крестьян переселялась на территорию Дальнего Востока, Сибири и Казахстана. Следует отметить, что в Северный Кавказ переселенцы шли с территории Левобережной Украины, Новороссии, и Центрально-Земледельческого региона².

В Центральном Кавказе ключевую роль в переселенческой политике сыграл армянский этнос. Позиция России в отношении армян была основана на мнении, что «они по единому христианству под защитой

¹ Сокольский Л. Рост среднего сословия России. - Одесса, 1912. - С. 1

² Куваева А.А. Миграционная политика России на северо-западном Кавказе во второй половине XIX начале XX вв. [Электронный ресурс] / А.А. Куваева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2011. – №3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-rossii-na-severo-zapadnom-kavkaze-vovtoroy-polovine-xix-nachale-xx-vv>

русского правительства питают для собственного блага основательную преданность к русскому владычеству»³.

В процессе завоевания Кавказа русское правительство, заинтересованное в скорейшей колонизации этой территории переселяет на Кавказ немцев-колонистов. В связи с этим Екатериной II 27 октября 1778 г. был утвержден доклад «О переселении колонистов с луговой стороны Волги на линию, заводимую между Моздоком и Азовом»⁴. Следует отметить, что, несмотря на предпринятые меры русского правительства, процесс немецкой колонизации Кавказского региона происходил скачкообразно и имел спонтанный характер вплоть до середины XIX в. К началу 1850-х гг. русским правительством на территории Кавказского региона было зарегистрировано только 5 немецких колоний.

На азербайджанскую территорию правящая верхушка Российской империи предпочитала колонизировать армянский этнос. Такая политика русского правительства была основана на двух факторах. Во-первых, армяне являются христианами. Во-вторых, по мнению правящих кругов Российской империи, армянский этнос лучше всех был приспособлен к условиям жизни восточных стран. Подобная позиция русских обосновывалась на том, что армянская диаспора проживала в мусульманских странах и обладала высокой адаптацией в условиях изменения конфессиональных и политических условий жизни.

Колонизационная политика России в первой половине XIX в. в Центральном Кавказе стремилась уменьшить удельный вес азербайджанцев в этом регионе. После заключения в 1828 г. Туркманчайского и в 1829 г. Адрианопольского мирных договоров Российская империя переселила на территорию Северного Азербайджана 119,5 тысяч представителей армянского этноса. Процесс колонизации армянского населения на Центральный Кавказ продолжался до начала следующего столетия. В начале XX в. в Центральном Кавказе без учета Кутаинской и Тифлисской губернии проживало 1 208 615 представителей армянского этноса⁵.

Только в конце XIX в. русское правительство начинает последовательно и планомерно переселять в Кавказский регион русских. Колонизация русских на Кавказ была представлена в основном православными крестьянами. Таким образом, Российская империя начала придерживаться выдвинутого тезиса: «русская государственная власть на

³ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Том IV / Н.Ф. Дубровин. – СПб.: Тип. Скороходова, 1886 г. – 546 с.

⁴ Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе / Т.Н. Плохотнюк. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. – 238 с.

⁵ Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи на Кавказе / Х.Ю. Вердиева // Кавказ и глобализация. – 2007. – том I. – №5. – С. 152-160.

Кавказе была для того, чтобы действительно быть русской». Российское правительство считало, что русская колонизация способствовала росту благосостояния и укреплению могущества Российской империи на Кавказе.

Итогом русской колонизации стало создание 89 переселенческих поселка в Муганской и Мильской степях северной части Азербайджана к началу XX в.⁶ Численность русских в Центральном Кавказе в конце XIX в. составляла 350 050 человек. В целом политика Российской империи после завоевания Кавказа была направлена на проведение колонизации, русифицирования, христианизации на приобретенных территориях.

Подводя итоги колонизации, мы видим, что Российская империя на территорию Кавказа переселяла в основном русских, армян и немцев. Приоритет в колонизаторской политике Российской империи был отдан на русификацию и христианизацию. В результате такой политики на территории Кавказа произошли количественные и качественные изменения в этнической и конфессиональной структуре.

Численность русских в начале XX в. в Северном и Центральном регионе Кавказа составила 3 760 000 человек. Причем основная часть русского населения оседала на Северном Кавказе и составляла 3 492 912 человек. Приведенная статистика говорит о том, что Российская империя проводила тотальную русскую колонизацию Северного Кавказа. Численность немцев в начале XX в. в Кавказском регионе составляла 90 тысяч человек. Однако следует отметить, что этот этнос не пользовался благосклонностью в среде русского правительства.

Численность армянского населения на Кавказе в начале XX в. составила 1 400 000 человек. Основная часть армянского населения обосновывалась в Иреванской, Бакинской, Елизаветпольской губерниях являвшимися историческими территориями Азербайджана⁷.

Происходившие демографические изменения в кавказском регионе были основаны не только на колонизационной политике Российской империи, но и на национально-освободительном движении горцев Кавказа.

По сведениям, приводимым В. Линденом в тот период времени около 470 000 черкесов добровольно покинули свою родину. Оставшаяся часть горцев была подвергнута депортации со стороны Российской империи. Также российское правительство переселяло кавказские этносы с гор на территорию Екатеринодарской, Майкопского и других уездов Российской империи. Эти меры были сделаны из соображений безопасности с целью окончательной ликвидации сопротивления горцев. В

⁶ Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане / Х.Ю. Бердиева. – Баку, 1999. – 288 с.

⁷ Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи на Кавказе / Х.Ю. Вердиева // Кавказ и глобализация. – 2007. – том 1. – №5. – С. 152-160.

результате проводимой политики Российской империей в 1915 г. в Кубанской области численность горцев составила 131 662 человек. При этом общая численность населения в Кубанской области составляла 2 598 205 человек.

Таким образом, политика, которая проводилась Российской империей, существенно изменила этнический состав Кавказского региона. В результате переселенческой политики Российской империи на Кавказе в истории региона произошли социально-политические коллизии, которые и сегодня придают «кавказскому узлу» особое значение в системе международных отношений. Так, «карабахский», «осетинский», «абхазский», «аджарский», «месхетинский» вопросы, которые являются составной частью этого узла, используются в геополитических играх ведущих государств мира, стремящихся расширить сферы своего влияния в регионе.

Использованные источники:

1. Сокольский Л. Рост среднего сословия России. - Одесса, 1912. - С. 1
2. Куваева А.А. Миграционная политика России на северо-западном Кавказе во второй половине XIX начале XX вв. [Электронный ресурс] / А.А. Куваева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2011. – №3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-rossii-na-severo-zapadnom-kavkaze-vovtoroy-pолоvine-xix-nachale-xx-vv>
3. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Том IV / Н.Ф. Дубровин. – СПб.: Тип. Скороходова, 1886 г. – 546 с.
4. Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе / Т.Н. Плохотнюк. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. – 238 с.
5. Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи на Кавказе / Х.Ю. Вердиева // Кавказ и глобализация. – 2007. – том 1. – №5. – С. 152-160.
6. Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане / Х.Ю. Вердиева. – Баку, 1999. – 288 с.

Сулейманова Ш.Ф., магистр
Азербайджанского государственного университета нефти и
промышленности
Научный руководитель: Иманова Г.И.
доцент

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ЗАЩИТЫ ОТ КОРРОЗИИ ПОДВОДНЫХ ТРУБОПРОВОДОВ

Аннотация: В самом общем определении коррозии; это явление, при котором металлы теряют свои металлические свойства, вступая в химические или электрохимические реакции с окружающей средой. Коррозия является естественным процессом и неизбежна для многих металлов. Металлы имеют тенденцию превращаться в более стабильные оксидные, карбонатные и сульфидные соединения, что означает, их склонность к коррозии. Все металлы, кроме золота и платины, окисляются в природе. Восстановление оксидов металлов является трудоемким процессом и требует большого количества энергии. С термодинамической точки зрения, по мере перехода металлов на более высокий энергетический уровень в конце этого процесса их энтропия также уменьшается. Основной причиной или движущей силой всех видов коррозии является стремление уменьшить свободную энергию Гиббса системы. Коррозия — это превращение металла в естественный низкоэнергетический оксид. Важно, какой будет эта скорость. Эта скорость превращения может быть замедлена с помощью методов борьбы с коррозией.

Ключевые слова: коррозия, металл, термодинамика, энергия.

Suleymanova Sh.F., master
Azerbaijan State University of Oil and Industry
Scientific adviser: Imanova G.I.
docent

ANALYSIS OF MODERN METHODS OF CORROSION PROTECTION OF SUBMARINE PIPELINES

Annotation: In the most general definition of corrosion; it is a phenomenon in which metals lose their metallic properties by entering into chemical or electrochemical reactions with the environment. Corrosion is a natural process and is inevitable for many metals. Metals tend to turn into more stable oxide, carbonate and sulfide compounds, which means they are prone to corrosion. All metals, except gold and platinum, are oxidized in nature. The reduction of metal oxides is a labor-intensive process and requires a large

amount of energy. From a thermodynamic point of view, as metals move to a higher energy level at the end of this process, their entropy also decreases. The main cause or driving force of all types of corrosion is the desire to reduce the Gibbs free energy of the system. Corrosion is the transformation of a metal into a natural low—energy oxide. It is important what this speed will be. This rate of transformation can be slowed down by anti-corrosion techniques.

Keywords: corrosion, metal, thermodynamics, energy.

АНАЛИЗ

Коррозия — это слово, которое мы используем для описания разрушения металлов и сплавов в результате химических и электрохимических реакций с окружающей средой. Большинство металлов в природе имеют тенденцию возвращаться в исходное состояние (соединения), и это превращение термодинамически называется потерей энергии. Окружающая среда или ее влияние является ключевым элементом трансформации, т.е. к разрушению металлов.

Существующие на сегодняшний день методы испытания на скорость коррозии являются важнейшими методами, используемыми для получения информации о скорости коррозии в металла. Степень разрушения металла от коррозии можно определить в грунтовой или водной (морской) средах, в которой залегает трубопровод, а также в любой атмосферной среде. С помощью таких методов можно определить скорость коррозии, происходящей за определенный период времени, который исчисляется в милах/год.

К примеру, рассматривая строительство подводного газопровода по дну Северного моря протяженностью 6000 километров видно, что некоторые из труб находящиеся на дне около 40 лет нормально функционируют. Перед прокладкой газопровода тщательно осматривается морское дно на всем протяжении трассы. А специалисты должны определить все возможные препятствия, включая затонувшие корабли, боеприпасы и просто большие камни. Эти барьеры удаляются или обходятся стороной. Все трубы будущего газопровода проходят специальную обработку в заводских условиях. Изнутри они обрабатываются антифрикционным покрытием, снижающим сопротивление при перекачке газа. Снаружи трубы обрабатывают антикоррозийным покрытием, а затем бетонным покрытием отрицательной флотации. Обычно к трубоукладочному судну присоединяется специальный конвейер, на который поступают сваренные трубы - плети. Затем каждая плеть подвергается ультразвуковому контролю на наличие дефектов. После сварки на все стыки наносится антикоррозийное покрытие. Трубоукладочное судно имеет специальную стрелу «Стингер», погруженную под углом, благодаря которой трубы

постепенно опускаются на морское дно. Трубы ложатся под собственным весом на морское дно.

Подводные трубопроводы, являющиеся одной из областей применения и исследований береговой инженерии, являются важным морским сооружением, которое широко используется сегодня. Эти сооружения аналогичны сооружениям для передачи электроэнергии и связи, таким как морские сбросные линии, трубопроводы охлаждающей воды, трубопроводы природного газа и т. д. Береговые инженерные подводные трубопроводы рассматриваются как горизонтальные цилиндрические конструкции, которые могут располагаться в различных положениях.

Защитные покрытия, нанесенные на поверхность трубы, зависят от качества самого покрытия (например, машинный эффект, ручная работа и подготовка поверхности). Трубы из ковкого чугуна обладают хорошей коррозионной стойкостью и, хотя они не требуют дополнительной защиты во многих грунтах, в некоторых грунтах может потребоваться внешнее покрытие. Защита от коррозии в скальных грунтах, оседание, трещины, вызванные чрезмерными механическими или термическими нагрузками, перемещением бактерий в грунте и последующими строительными работами приводят к падению защиты.

Из-за трудностей, возникающих при проектировании и реализации морских трубопроводов, это все еще остается актуальной темой, над которой работают исследователи. Кроме того, морские запасы нефти и природного газа каждый день требуют строительства все более длинных трубопроводов и трубопроводов большего диаметра. С развитием торговли между зарубежными странами, страны с бедными ресурсами (нехваткой воды, нефти и природного газа), предпочитают этот вид транспорта - морские трубопроводы в качестве транспортного средства как наиболее дешевый способ.

Подводные трубопроводы и кабели должны сохранять свою устойчивость под воздействием нагрузок окружающей среды, таких как волны и течения, и продолжать свою службу в течение всего срока реализации проекта. Потому что строительство этого типа сооружений, которые в процессе эксплуатации могут в большей степени подвергаться негативному воздействию окружающей среды по сравнению с земляными сооружениями, требует больших усилий и стоит дороже земляных сооружений.

В дополнение к экологическим нагрузкам подводные трубопроводы также могут быть повреждены в результате воздействия нежелательных случайных нагрузок, таких как морское движение (например, воздействие пришвартованных судов), тип материала, из которого они изготовлены (например, коррозия, охрупчивание) и рыболовство.

Если достаточная и актуальная информация о запланированном маршруте трубопровода недоступна, следует изучить предлагаемый маршрут трубопровода, чтобы получить информацию и данные, относящиеся к проверке пригодности для безопасной установки и эксплуатации соответствующего трубопровода. Исследования должны охватывать коридор, в центре которого проходит планируемая трасса трубопровода. Ширина коридора должна быть такой, чтобы в нем можно было учесть возможные незначительные отклонения от намеченной трассы при прокладке трубопровода из-за непредвиденных обстоятельств без необходимости проведения дополнительных изысканий. Коридор следует обследовать по достаточно равномерно расположенным продольным и поперечным линиям. Обследование трассы следует проводить вблизи планируемой прокладки трубопровода, чтобы информация об обследовании оставалась актуальной во время прокладки.

Трубопроводы, по которым проходят агрессивные или коррозионно-активные жидкости, должны быть защищены от коррозии одним из следующих способов или их комбинацией:

- достаточный запас по коррозии на расчетный период системы;
- применение коррозионно-стойких сталей или сплавов, устойчивых в течение минимального периода, равного расчетному периоду системы;
- Антикоррозийное внутреннее покрытие.

Системы трубопроводов ограниченной длины, подсоединенные к морскому объекту или береговому объекту, могут быть спроектированы так, чтобы их защищала система защиты объекта от коррозии (канальный поток).

Системы трубопроводов, подверженные воздействию воды и атмосферы, могут быть защищены системой внешнего покрытия, а трубопроводы могут быть защищены от неблагоприятного воздействия агрессивных жидкостей системой внутреннего покрытия или цементированием. Вертикальные трубы должны быть защищены специальными системами защиты от коррозии, особенно с повышенным запасом коррозии в зоне заплеска.

Использованные источники:

1. Байрактар, Д., Ахмад, Дж., Ларсен, Б.Е., Карстенсен, С. и Фурман, Д.Р., 2016. Экспериментальное и численное исследование волновой засыпки под подводные трубопроводы. Побережье. англ. 118, 63 75.
2. Брорс, Б., 1999. Численное моделирование течения и размыва трубопроводов. Дж. Гидраул. англ. ASCE 125, 511–523.
3. Fredsøe, J., Deigaard, R., 1992. Механика прибрежного переноса наносов. Всемирный научный, Сингапур.
4. Фредсе, Дж., Сумер, Б.М., Арнсков, М.М., 1992. Шкала времени для размыва волнами/течениями под трубопроводами. Междунар. J. Offshore Polar Eng. 2, 13–17.

5. Фурман, Д.Р., Байкал, К., Шумер, Б.М., Якобсен, Н.Г., Фредсе, Дж., 2014. Численное моделирование волнового размыва и процессов обратной засыпки под подводными трубопроводами. Побережье. англ. 94, 10–22.
6. Каземинежад, М.Х., Еганех-Бахтиари, А., Этемад-Шахиди, А., Баас, Дж.Х., 2012. Двухэтапное моделирование волнового размыва тоннеля под морскими трубопроводами. Дж. Гидравлический. англ. ASCE 138, 517–529.
7. Ларсен, Б.Е., Фурман, Д.Р., Шумер, Б.М., 2016. Моделирование размыва под подводными трубопроводами, вызванного волнами и токами. Дж. Уотерв. Портовое побережье. Ocean Eng.-ASCE, арт. 04016003.
8. Лян, Д., Ченг, Л., 2005. Численное моделирование потока и размыва под трубопроводом при течениях. Часть I. Моделирование потока. Побережье. англ. 52, 25–42.

*Шуганова Е.Е.
студент 2 курса
отделение «Лечебное дело»
Медицинский колледж
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
университет путей сообщения»
Российская Федерация, г.Екатеринбург*

НЕОТЛОЖНАЯ СЕСТРИНСКАЯ ПОМОЩЬ ПАЦИЕНТАМ С НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИЕЙ COVID-19

Аннотация: Новая коронавирусная инфекция (COVID-19) - это респираторное вирусное заболевание, которое быстро распространилось по всему миру, вызвав пандемию международного масштаба. Причиной быстрого распространения и высокой смертности стала неподготовленность человечества к новому возбудителю, отсутствие этиотропной терапии или вакцины. В данной статье рассматриваются особенности ухода за пациентами с тяжелыми формами течения COVID-19, с которыми столкнулись фельдшерская и сестринская службы неотложной помощи.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, коронавирус, COVID-19, неотложная медицинская помощь, острый респираторный дистресс-синдром.

*Shuganova E.E.
2nd year student
medicine faculty
Medical College of the Ural State University of Railway
Transport
Russian Federation, Yekaterinburg,*

EMERGENCY NURSING CARE OF PATIENTS WITH NOVEL CORONAVIRUS DISEASE 2019

Abstract: The new coronavirus infection (COVID-19) is a respiratory viral disease that has spread rapidly around the world, causing an international pandemic. The reason for the rapid spread and high mortality was the unpreparedness of mankind for a new pathogen, the lack of etiotropic therapy or a vaccine. This article discusses the features of the care of patients with severe COVID-19, faced by paramedic and nursing emergency services.

Keywords: coronavirus infection, coronavirus, COVID-19, emergency medical care, acute respiratory distress syndrome.

Введение

Всемирная организация здравоохранения объявила COVID-19 пандемией 11 марта 2020 года.

Факторы риска заражения за два года пандемии удалось хорошо изучить. У молодых пациентов, по-видимому, прогноз благоприятный, а у пожилых пациентов показатели смертности достигают 15%. [1] Хотя большинство детей в основном не подвержены тяжелому течению инфекции, поступали сообщения об отсроченных тяжелых иммунологических осложнениях у детей, называемых мультисистемным воспалительным синдромом (MIS-C).[2] Ожирение является основным фактором неблагоприятного прогноза, в большей степени, чем многие другие заболевания.[3] Артериальная гипертензия, сахарный диабет, болезни сердечно-сосудистой системы и легких также являются предикторами плохого прогноза. Болезни ССС, по-видимому, представляют больший риск, чем заболевания легких.[4] Кроме того, в нескольких исследованиях было показано, что курение является незначительным фактором риска.[5]

Аналогичным образом, показано, что пациенты с иммунодефицитом, ревматическими заболеваниями и с злокачественными образованиями, как в активной фазе, так и в ремиссии, подвержены риску неблагоприятного прогноза (т.е. переводу на ИВЛ в условиях отделения реанимации и интенсивной терапии) [6, 7].

Особенности клинической картины COVID-19

У большинства пациентов, обратившихся за медицинской помощью, выявляется гриппоподобный синдром (лихорадка 42-91%, кашель 50-86%, утомляемость 51-70%, миалгии 35,4% и одышка 30%).[4, 8, 9, 10] Другие гриппоподобные симптомы: боль в горле, головная боль, и заложенность носа также фиксируются, но встречаются реже. Кашель, по-видимому, является наиболее распространенным первым симптомом. Лишь у 44% пациентов при поступлении фиксируется наличие лихорадки, однако, уже в условиях стационара, 80-90% пациентов-это лихорадящие больные [11].

Наблюдались еще несколько редких проявлений COVID-19. У 70 % пациентов развиваются некоторые желудочно-кишечные симптомы (тошнота, рвота, диарея, анорексия, боли в животе, желудочно-кишечные кровотечения) [12]. Потеря обоняния (аносмия) и потеря вкуса (агевзия) также являются известными проявлениями COVID-19 [14].

Для пациентов, у которых развивается тяжелая форма заболевания, потребность в госпитализации обычно достигает максимума на 2-7-й день появления симптомов, примерно на 10-й день после заражения [10]. Чаще всего пациенты переходят от минимальной кислородной поддержки к интубации в течение 24 часов [15].

Средства индивидуальной защиты и безопасность персонала

Первая и главная роль медсестры заключается в том, чтобы защитить себя от заражения или передачи COVID-19. Всем медицинским работникам, особенно медсестрам, должны быть предоставлены надлежащие средства индивидуальной защиты (СИЗ). При идеальном стечении обстоятельств, все пациенты с COVID-19 должны находиться в палатах с отрицательным давлением, а медицинские работники должны носить респираторные средства защиты (например, маску N95 или респиратор для очистки воздуха [PAPR]). Как отмечают центры гигиены и эпидемиологии, многие больницы начали повторно использовать ранее одноразовые СИЗ [16]. Также в США были выпущены рекомендации относительно стерилизации масок [17]. Повторное использование СИЗ и стерилизация масок вызывают большое беспокойство у сестринского персонала, поскольку они обеспокоены своим здоровьем и безопасностью, но это является компромиссным экономическим и экологическим решением. У пациентов с диагностированным или подозреваемым COVID-19 количество персонала в палате и время, проводимое в палате, должны быть сведены к минимуму. Поэтому в большинстве больниц были введены ограничения для посещения больных. Однако, несмотря на это, ряд больниц внедрили инновационные технологии, позволяющие пациентам общаться с семьей и друзьями. Примером этого могут быть планшетные устройства и использование онлайн-приложений для общения. Кроме того, многие медицинские колледжи и медицинские университеты ограничили выход студентов на клинические базы, чтобы уменьшить риск распространения инфекции и ограничить лишнее использование СИЗ, находящихся в дефиците. Медсестры и врачи должны были сосредоточиться на том, чтобы ограничить время их пребывания в палате. Для дальнейшего ухода пациентам должен быть предоставлен способ общения со своей медицинской бригадой, который не предполагает входа в палату; это может включать систему звонка, комнатный телефон или планшетное устройство. При этом пациенты часто могут чувствовать себя изолированными, но медсестры также должны защищать себя от излишней вирусной нагрузки. Еще один способ уменьшить беспокойство и одиночество пациентов, а также оптимизировать контакт пациента с медработником, согласно данным психологических исследований - наличие идентификатора на СИЗ. Например, табличка с именем медработника на одноразовом комбинезоне или на лицевых щитках [31].

Сортировка больных и доврачебная помощь.

Медсестрам необходимо уделять приоритетное внимание пациентам, которые находятся в критическом состоянии. Многие пациенты воздерживаются от обращения в отделение неотложной помощи до тех пор, пока у них не возникнет острая респираторная недостаточность и, возможно, потребуются реанимация или экстренная интубация. Общий внешний вид больного и жизненно важные показатели будут основными

факторами оценки. Показания пульсоксиметра и ЧДД будут изменены у большинства пациентов, находящихся в критическом состоянии. Обратить внимание следует на то, что при COVID-19 наблюдается явление, известное как «счастливая гипоксия» или «тихая гипоксемия». Пациенты выглядят клинически здоровыми, но истинная насыщенность капиллярной крови кислородом составляет от 40% до 60% [18].

Учитывая риск быстрого ухудшения состояния, пациенты с выявленным COVID-19 или подозрением на него, которые будут находиться в отделении неотложной помощи в течение длительного периода времени, должны находиться под постоянным наблюдением медперсонала, с контролем жизненно важных показателей. Дальнейший сбор анамнеза у пациентов в отделении неотложной помощи должен включать информацию о давности возникновения симптомов, факторов риска, эпидемиологическом анамнезе. Аускультация легких противоречива, поскольку инфекция не несет в себе патогномичных аускультативных симптомов и некоторые медицинские работники выступают за отказ от аускультации легких у пациентов с подозрением на COVID-19, особенно тех пациентов, которым будет проводиться МСКТ [19]. Также у пациентов с COVID-19 при обследовании выявляются симптомы, не являющиеся специфичными: кожные проявления (сыпь и «ковидные пальцы») и неврологические симптомы (изменение психического статуса, головокружение, головная боль и агевзия/дисгевзия/аносмия) [20, 21, 22].

Сообщалось о многих осложнениях у пациентов с COVID-19: о крупных и мелких венозных и артериальных тромбах, а также о коагулопатии [27, 28]. Медсестры должны внимательно следить за признаками свертывания крови, такими как односторонний отек или покраснение. Также сообщалось о артериальных тромбах, включая инсульты [28], поэтому также важны неврологические, сосудистые и кожные симптомы. Антикоагулянтная терапия, в основном гепарином, быстро становится универсальным методом лечения в этих случаях.

Скопление мокроты в трахеобронхиальном дереве способствует присоединению бактериального агента, особенно в условиях стационара, где микрофлора является резистентной к ряду антибиотиков и дезинфицирующих средств. Своевременная санация ТБД так же является обязанностью сестринского персонала [25]. Стоит отметить, что пациенты, переведенные на инвазивную вентиляцию легких, переводятся на зондовое питание. Соблюдение режима кормления пациентов через зонд способствует более быстрому восстановлению больных.

Диагностика

Наиболее распространенным тестом на активную инфекцию у пациентов с симптомами является полимеразная цепная реакция мазка из носа. Повышение квалификации среди медсестер по правильной технике

взятия мазков из носоглотки может быть полезным для получения точных результатов анализов и обеспечения высокого качества сбора образцов [24]. Большинству пациентов назначают рентгенографию органов грудной клетки. Рентгенография выявляет признаки вирусного происхождения пневмонии. Наиболее распространенным симптомом на рентгенограмме грудной клетки является диффузное затемнение, затемнение в виде «снежной бури», но возможны и другие признаки, такие как синдром очаговой тени или визуализация плеврального выпота. Компьютерная томография грудной клетки может быть очень чувствительной для выявления признаков COVID-19, даже более чувствительной, чем мазки из носа [23]. Однако использование компьютерной томографии у пациентов с COVID-19 представляет собой дорогостоящий метод диагностики, требующий наличия соответствующего оснащения в медучреждении. У многих пациентов выявляется одышка, им может потребоваться электрокардиограмма для оценки очаговых изменений в сердце или других причин одышки [26].

Заключение

COVID-19 – это пандемия международного масштаба, имеющая множество особенностей сестринского ухода в отделении неотложной помощи. Первоочередной задачей любой медсестры должна быть защита себя с помощью соответствующих СИЗ. Ресурсы здравоохранения иногда могут быть перегружены, что может потребовать внесения изменений в протоколы лечения. Многие пациенты с COVID-19 будут переносить заболевание бессимптомно или с минимальными симптомами и могут изолироваться и соблюдать режим лечения дома [30]. Пожилые люди и люди с сопутствующей патологией в наибольшей степени подвержены риску тяжелого заболевания и респираторного дистресс-синдрома. Сестринский уход должен быть направлен на ограничение воздействия и распространения вируса, а также на облегчение состояния больного. Остальная часть ухода в основном поддерживающая, которая, в том числе, может включать дополнительную кислородотерапию или перевод пациента на ИВЛ [31].

Использованные источники:

1. Verity R., Okell L.C., Dorigatti I. Estimates of the severity of coronavirus disease 2019: a model-based analysis [published correction appears in *Lancet Infect Dis.* 2020] *Lancet Infect Dis.* 2020;20(6):669-677. doi: 10.1016/S1473-3099(20)30243-7.
2. Centers for Disease Control and Prevention. Multisystem inflammatory syndrome (MIS-C). Accessed July 4, 2020.
3. Petrilli C.M., Jones S.A., Yang J. Factors associated with hospital admission and critical illness among 5279 people with coronavirus disease 2019 in New York City: prospective cohort study. *BMJ.* 2020;369:m1966. doi: 10.1136/bmj.m1966.

4. Yang J., Zheng Y., Gou X. Prevalence of comorbidities and its effects in patients infected with SARS-CoV-2: A systematic review and meta-analysis. *Int J Infect Dis.* 2020;94:91–95. doi: 10.1016/j.ijid.2020.03.017.
5. Vardavas C.I., Nikitara K. COVID-19 and smoking: a systematic review of the evidence. *Tob Induc Dis.* 2020;18:20. doi: 10.18332/tid/119324.
6. Figueroa-Parra G., Aguirre-Garcia G.M., Gamboa-Alonso C.M., Camacho-Ortiz A., Galarza-Delgado D.A. Are my patients with rheumatic diseases at higher risk of COVID-19? *Ann Rheum Dis.* 2020;79(6):839-840. doi: 10.1136/annrheumdis-2020-217322.
7. Liang W., Guan W., Chen R. Cancer patients in SARS-CoV-2 infection: a nationwide analysis in China. *Lancet Oncol.* 2020;21(3):335–337. doi: 10.1016/S1470-2045(20)30096-6.
8. Xia X.Y., Wu J., Liu H.L., Xia H., Jia B., Huang W.X. Epidemiological and initial clinical characteristics of patients with family aggregation of COVID-19. *J Clin Virol.* 2020;127:104360. doi: 10.1016/j.jcv.2020.104360.
9. Chow E.J., Schwartz N.G., Tobolowsky F.A. Symptom screening at illness onset of health care personnel with SARS-CoV-2 infection in King County, Washington. *JAMA.* 2020;323(20):2087–2089. doi: 10.1001/jama.2020.6637.
10. Garg S., Kim L., Whitaker M. Hospitalization rates and characteristics of patients hospitalized with laboratory-confirmed coronavirus disease 2019 - COVID-NET, 14 states, March 1-30, 2020. *MMWR Morb Mortal Wkly Rep.* 2020;69(15):458–464. doi: 10.15585/mmwr.mm6915e3.
11. Guan W.J., Ni Z.Y., Hu Y. Clinical characteristics of coronavirus disease 2019 in China. *N Engl J Med.* 2020;382(18):1708–1720. doi: 10.1056/NEJMoa2002032.
12. Cheung K.S., Hung I.F., Chan P.P. Gastrointestinal manifestations of SARS-CoV-2 infection and virus load in fecal samples from the Hong Kong cohort and systematic review and meta-analysis. *Gastroenterology.* 2020;159:81–95. doi: 10.1053/j.gastro.2020.03.065.
13. Wan Y., Li J., Shen L. Enteric involvement in hospitalised patients with COVID-19 outside Wuhan. *Lancet Gastroenterol Hepatol.* 2020;5(6):534–535. doi: 10.1016/S2468-1253(20)30118-7.
14. Vaira L.A., Salzano G., Deiana G., De Riu G. Anosmia and ageusia: common findings in COVID-19 patients. *Laryngoscope.* 2020;130(7):1787. doi: 10.1002/lary.28692.
15. Li Q., Guan X., Wu P. Early transmission dynamics in Wuhan, China, of novel coronavirus-infected pneumonia. *N Engl J Med.* 2020;382(13):1199–1207. doi: 10.1056/NEJMoa2001316.
16. Centers for Disease Control and Prevention. Consideration for wearing cloth face coverings. Updated July 16, 2020. Accessed July 4, 2020.
17. Centers for Disease Control and Prevention. Decontamination and reuse of filtering facepiece respirators. Accessed July 4, 2020.

18. Xie J., Tong Z., Guan X., Du B., Qiu H., Slutsky A.S. Critical care crisis and some recommendations during the COVID-19 epidemic in China. *Intensive Care Med.* 2020;46(5):837-840. doi: 10.1007/s00134-020-05979-7.
19. Buonsenso D., Pata D., Chiaretti A. COVID-19 outbreak: less stethoscope, more ultrasound. *Lancet Respir Med.* 2020;8(5):e27. doi: 10.1016/S2213-2600(20)30120-X.
20. Recalcati S. Cutaneous manifestations in COVID-19: a first perspective. *J Eur Acad Dermatol Venereol.* 2020;34(5):e212–213. doi: 10.1111/jdv.16387.
21. Mazzotta F., Troccoli T. Acute acro-ischemia in the child at the time of COVID-19. *Eur J Pediatr Dermatol.* 2020;30(2):71–74. doi: 10.26326/2281-9649.30.2.2102.
22. Mao L., Jin H., Wang M. Neurologic manifestations of hospitalized patients with coronavirus disease 2019 in Wuhan, China. *JAMA Neurol.* 2020;77(6):1–9. doi: 10.1001/jamaneurol.2020.1127.
23. Fang Y, Zhang H, Xie J, et al. Sensitivity of chest CT for COVID-19: comparison to RT-PCR. *Radiology.* Published online February 19, 2020. <https://doi.org/10.1148/radiol.2020200432>
24. Gopaul R, Davis J, Gangai L, Goetz L. Practical diagnostic accuracy of nasopharyngeal swab testing for novel coronavirus disease 2019 (COVID-19). *WestJEM.* In Press.
25. Meng L., Qiu H., Wan L. Intubation and ventilation amid the COVID-19 outbreak: Wuhan's experience. *Anesthesiology.* 2020;132(6):1317–1332. doi: 10.1097/ALN.0000000000003296.
26. Chorin E., Dai M., Shulman E. The QT interval in patients with COVID-19 treated with hydroxychloroquine and azithromycin. *Nat Med.* 2020;26(6):808–809. doi: 10.1038/s41591-020-0888-2.
27. Tang N., Li D., Wang X., Sun Z. Abnormal coagulation parameters are associated with poor prognosis in patients with novel coronavirus pneumonia. *J Thromb Haemost.* 2020;18(4):844–847. doi: 10.1111/jth.14768.
28. Klok F.A., Kruip M.J.H.A., van der Meer N.J.M. Incidence of thrombotic complications in critically ill ICU patients with COVID-19. *Thromb Res.* 2020;191:145–147. doi: 10.1016/j.thromres.2020.04.013.
29. Luo W., Yu H., Gou J. Clinical pathology of critical patient with novel coronavirus pneumonia (COVID-19). Preprint posted online March 9, 2020. Accessed August 5, 2020.
30. Centers for Disease Control and Prevention. Ending home isolation: Interim guidance. Updated July 20, 2020. Accessed July 4, 2020.
31. Deitrick K, Adams J, Davis J. Emergency Nursing Care of Patients With Novel Coronavirus Disease 2019. *J Emerg Nurs.* 2020 Nov;46(6):748-759. doi: 10.1016/j.jen.2020.07.010. Epub 2020 Jul 19. PMID: 32972766; PMCID: PMC7368907.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

*Выродова И.Г.
старший преподаватель*

Нагаева А.А.

студент

Шкодина А.О.

студент

*Кубанский государственный
технологический университет
Россия, г.Краснодар*

ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИИ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА

Аннотация: В статье представлены новые проблемы и новая методология проектирования, строительства и эксплуатация зданий и сооружений, в том числе влияние технологий автоматизации на энергоэффективность. Такая деятельность приводят к новым подходам к инновациям, технологиям, а также к проектированию, строительству и реконструкции зданий. Обязательным условием является точная координация проектирования и технология строительства, которую можно поддерживать в процессе проектирования путем интеграции системы BIM (Building Information Modeling).

Ключевые слова: эффективность производства, BIM, автоматизация, проектирование, технологические установки.

Vyrodova I.G.

senior lecturer

Nagaeva A.A.

student

Shkodina A.O.

student

*Kuban State Technological University
Russia, Krasnodar*

PROBLEMS OF ENERGY SAVING TECHNOLOGY IN CONSTRUCTION

Abstract: The article presents new problems and a new methodology for the design, construction and operation of buildings and structures, including the impact of automation technologies on energy efficiency. Such activities lead to new approaches to innovation, technology, as well as to the design, construction

and renovation of buildings. A prerequisite is the precise coordination of design and construction technology, which can be supported in the design process by integrating a BIM system. (Building Information Modeling)

Keywords: production efficiency, BIM, automation, design, process plants.

Энергоэффективность здания зависит от четырех факторов:

- качество материалов и устройство наружных стен зданий;
- установить техническую структуру производства, включая источники закупок, производства, распределения и использования;
- способа использования здания и его ресурсов;
- системы автоматизации и управления всеми технологическими установками здания, а также системы технического управления зданием

Для обеспечения высокой энергоэффективности и простоты использования необходимо не только правильно использовать строительные материалы, но и обеспечить соответствующую технологическую поддержку, позволяющую распределять энергию на основе текущих потребностей в энергии.

Наиболее важным выводом стандартной рекомендации [1] может быть утверждение о том, что качество влияния системы автоматизации и контроля и технического управления зданием напрямую зависит от правильного построения основных установок, которые имеют решающее влияние на потребление различных форм энергии.

Модель спроса и предложения энергии на примере технической установки производства, распределения и потребления энергии, включая управление спросом, представлена на рисунке 1[1].

Для достижения такой модели установки очень важно обеспечить взаимодействие всех технологических установок таким образом, чтобы все они сотрудничали в целях экономии энергии. Особенно важна интеграция на объектном уровне автоматизации установки конкретных технологических установок с системами безопасности, которые предоставляют информацию о присутствии пользователей в помещениях и благодаря этому позволяют точно контролировать энергоснабжение в зависимости от спроса.

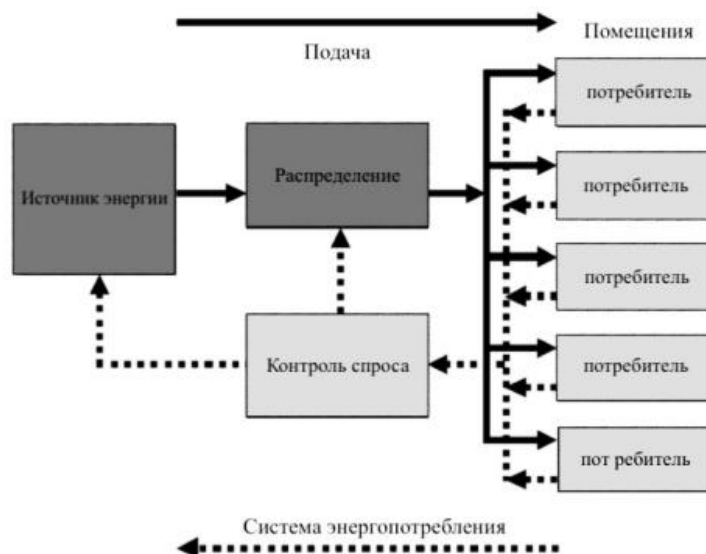

Рисунок 1. Модель спроса и предложения энергии

Такое простое требование вызывает очень фундаментальные изменения, которые должны применяться в процессе подготовки и проектирования проектов, отвечающих строгим требованиям в отношении энергоэффективности. В связи с необходимостью комплексного отношения к процессу проектирования необходима новая методология проектирования зданий, которую, безусловно, привносит в проект платформа BIM.

В процессе традиционного проектирования зданий, требования эффективности сектора часто не учитываются, если они не определены в современных технологических терминах в соответствии с соответствующим строительным законодательством.

После исправления функциональной и эксплуатационной программы и архитектурного видения следует процесс многоотраслевого проектирования, который должен координироваться архитектурным бюро, осуществляющим проект. Все промышленные установки, такие как электроустановки, горячие и холодные источники, системы очистки и вентиляции, системы освещения, системы охраны и безопасности, имеют промышленное проектирование и часто имеют между собой мало связи. Благодаря этому процессу система интегрирует задачи создания и управления результирующими проектами, но сами проекты не считают необходимым межсекторальное сотрудничество. При таком классическом отношении к строительству трудно говорить о реализации заданной энергоэффективности здания, скорее можно говорить о результативности, которая фактически является случайной.

Для получения определенных энергетических характеристик здания необходимо не только изменить процесс проектирования конструкций и

технологическую систему, но и изменить автоматику, систему управления и техническое управление. Решения необходимо интегрировать, чтобы показать, что решение работает в строительных организациях, так что электроснабжение каждого помещения должно контролироваться по мере необходимости. Можно максимизировать влияние автоматизации на энергосбережение здания. Чтобы создать устойчивый и энергоэффективный объект, все процессы проектирования зданий должны быть тесно скоординированы. Этот процесс должен начинаться на инвестиционном уровне и определять архитектора и ожидания производительности строительной отрасли на этапе определения инвестиционной стороны. Должен быть план таких технических функций, который отвечает требованиям использования здания, порядка строительства, функции здания и его технического оснащения. Энергоэффективность системы необходимо определять в соответствии с моделью энергопотребления здания. Выбор энергетических целей для повышения эффективности здания играет важную роль во всех процессах проектирования, строительных конструкций, технологических систем и системных операций.

Это решение влияет на:

- выбор функциональности технических установок, позволяющих реализовать системы автоматизации и управления системами;
- необходимость реализации указанных функций с помощью средств автоматизации, систем контроля и управления технологиями строительства, что автоматически отражает постоянное моделирование технологических организаций, и применять контроль спроса на потребление энергии;
- проектирование и строительство всех отраслевых технологических установок, которые должны обеспечивать реализацию указанных функций автоматизации и управления.

Результатом интегрированного процесса проектирования является достижение таких функциональных возможностей технологических установок, автоматизации и управления и технического управления системами здания, которые гарантировали бы установленный и запланированный класс влияния систем на энергоэффективность здания.

Решением, гарантирующим реализацию интегрированного процесса проектирования, является технология BIM, которая предлагает не только эффективность самого процесса проектирования, но и гарантирует интеграцию этого процесса на каждом этапе.

Существует много определений BIM, но есть один ключ, который отличает их от 3D. В процессе BIM такая информация может быть своевременно обработана. В этом аспекте BIM позволяет исключить повторение работ на каждом этапе жизненного цикла здания.

Неотъемлемой частью проектирования зданий с низким энергопотреблением является его точная модель энергии. Примерами являются эксплуатационные параметры для отопления, охлаждения, опорожнения и освещения зданий, а также для оптимизации мощности конкретных архитектурных и монтажных решений. Создание энергетической модели здания демонстрирует сходство с процессом моделирования, в котором анализируется графическая модель.

Можно заметить некоторые сходства между зданиями с низким энергопотреблением и BIM:

- Недостаточное количество информации, технических спецификаций и архитектурного представления;
- Важно проанализировать и проверить решение, в том числе графические модели проверки гипотез.

Предполагается, что межфирменное сотрудничество осуществляется в рамках Open BIM – открытого рабочего процесса. Энергетический анализ объектов использует архитектурные и строительные проекты, содержащие точную информацию о технических характеристиках отдельных слоев. В результате данных, импортированных из файла отраслевых базовых классов в программу, используемую при проведении энергетического анализа здания, следует автоматически рассчитать коэффициент теплопередачи для принятых перегородок в соответствии с нормами и правилами. Поэтому процесс проектирования совершенствуется за счет расчета тепловой нагрузки здания.

Использование в процессе проектирования низкоэнергетических геометрических узоров позволяет создавать модели, визуально подавляющие теплопотери перегородок. Отсутствие регулирования приводит, среди прочего, к риску внезапной потери тепла, повышенному энергопотреблению, выбросам углекислого газа и конденсации паров.

Геометрические модели также используются для получения данных в режиме реального времени, таких как объем вентиляционного воздуха, размеры помещения и его воздушное пространство, тепловые потери отдельных помещений и перегородок.

Опыт внедрения BIM показал, что процесс создания пассивных конструкций, которые можно использовать для проверки моделей и создания цифровых данных в режиме реального времени, положительно коррелирует с BIM. Это делает процесс проектирования более эффективным и совместным. Строительство энергоэффективных, незакрепленных и малоподвижных зданий способствует резкому сокращению глобального энергопотребления и выбросов углерода для сохранения высокого уровня комфорта при эксплуатации.

Стоит помнить, что программное обеспечение не должно определять цель проектной деятельности. Именно инженеры, понимающие концепцию устойчивого развития, должны стремиться эффективно использовать

процесс BIM в реализованных проектах. Ключевую цель BIM можно увидеть в ее реализации специалистами по управлению объектами.

Представленные выше соображения показывают, что достижение заданной энергоэффективности здания зависит от многих факторов, но ключом к достижению цели является использование нового подхода к процессу проектирования здания. Энергоэффективность здания зависит не только от материалов, решений и дизайна, но и от системы строительных технологий, которая может максимизировать эффективность системы автоматизации и управления энергопотреблением. Автоматизация, контроль и управление строительной технологией сами по себе не позволят достичь высокого уровня качества. Это означает кардинальное изменение подхода к воссозданию процесса проектирования. Во-первых, на первом этапе должно быть выполнено моделирование, чтобы определить уровень воздействия, необходимый для внедрения автоматизации и технологии с желаемой эффективностью производства. На основе этой симуляции тип входящей системы ясен и должен использоваться в программе. Этот параметр определяет процедуры реализации, необходимые для некоторых неуязвимых технологий. Роль разработчика системы автоматизации не может быть ограничена разработкой автоматизации для уже спроектированных технологических установок (что в настоящее время является стандартной практикой проектирования, весь процесс устройства технологических установок и их систем контроля и управления должен быть подчинен этому определению). Это означает, что проектировщики по автоматизации должны быть вовлечены в строительные работы с самого начала и участвовать в технической разработке оборудования в соответствии с ожиданиями инвесторов в отношении энергоэффективного проектирования здания. Проектировщики координируют проектируемые решения с точки зрения их восприимчивости к интегрированному управлению, которые необходимы для достижения должного влияния на энергоэффективность, а не как это было раньше в практике проектирования, подчиняться требованиям проектировщиков отрасли.

BIM — это мощный инструмент для создания интегрированных процессов практически с нулевой мощностью, чтобы подключенные процессоры всегда могли получить доступ к интересующей их информации. Создание низкоэнергетических зданий в BIM из-за необходимости точного анализа уже в его концептуальной фазе. Однако следует отметить, что ключом к успеху является сознательное решение инвестора о предполагаемой энергоэффективности и применяемый процесс комплексного проектирования, подчиненный решению заказчика.

Использованные источники:

1. EN TC 247 Энергетические характеристики здания. Влияние автоматизации зданий, контроля и управления строительством.

Европейский стандарт EN 15232: 2012, Европейский комитет по стандартизации, 2012.

2. Федорчак-Цисак М., Фуртак М. Критерии множественного применения и оптимизация для строительства стандартных альтернатив с высоким энергопотреблением, Конференция по устойчивому строительству, Прага, 2010.

3. Елохов А.Е. «Пассивный дом: комфорт, энергосбережение, экономия», журнал «Общий комплекс России» №2 (104), 2013 г.

4. СП 50.13330.2012 «Тепловая защита зданий».

5. Перспективы развития технологии и организации строительства в условиях экономической (статья ВАК) Экономика устойчивого развития. 2017. № 3 (31). С. 127-130. Выродова И. Г., Тутаришев Б.З., Дрешпак В.С.

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК 39(470.6)(084.12)

Блажко А.В.
независимый исследователь
Россия, Санкт-Петербург

К АТРИБУЦИИ ФОТОДОКУМЕНТОВ Е. Г. ПЧЕЛИНОЙ В ФОНДАХ РГАКФД (ПО ПОВОДУ ИССЛЕДОВАНИЙ М. И. КРАВЧУК)

Аннотация: Заметка представляет отклик на доклад М. И. Кравчук «Фотодокументы экспедиций Е. Г. Пчелиной в фондах РГАКФД (1924–1930 гг.)», представленный на III Пчелинских чтениях (С.-Петербург, 25 октября 2021 г.), и ее каталог фотоколлекций этнографических экспедиций «Северный Кавказ», изданный в 2020 г. Предлагаются уточнения и дополнения к отдельным выводам автора, сделанные на основе архивных материалов из фонда Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН и других источников, рассматривается содержание каталога, удобство его практического использования специалистами и любителями истории.

Ключевые слова: Е. Г. Пчелина, М. И. Кравчук, фотодокументы, архив, каталог, этнографические экспедиции, Северный Кавказ, Осетия.

Blazhko A.V.
Independent researcher
Russia, St. Petersburg

TO THE ATTRIBUTION OF PHOTO DOCUMENTS BY E. G. PCHELINA IN THE FUNDS OF THE RSDFPA (REGARDING RESEARCH BY M. I. KRAVCHUK)

Abstract: The note presents a response to the report of M. I. Kravchuk “Photo documents of the expeditions of E. G. Pchelina in the funds of the RSDFPA (1924–1930)” at the “IIIrd Pchelina Readings” (St. Petersburg, October 25, 2021) and her catalog of photo collections of ethnographic expeditions “North Caucasus”, published in 2020. Clarifications and additions to the author’s individual conclusions made on the basis of archival materials from the E. G. Pchelina’s Personal Fond at the ARAN SPbF and other sources are proposed, the contents of the catalog and the convenience of its practical use by specialists and history lovers are considered.

Key words: E. G. Pchelina, M. I. Kravchuk, photographic documents, archive, catalog, ethnographic expeditions, North Caucasus, Ossetia.

Трудно переоценить значение изобразительных материалов, прежде всего фото- и кинематографических, для истории (в том числе науки), этнографии, биографических и прочих изысканий. Архивы хранят подлинные сокровища такого рода, в цифровую эпоху растет их доступность, без публичного и функционального справочного аппарата остающаяся тем не менее ограниченной.

Опубликованный в 2020 г. Мариной Игоревной Кравчук каталог «Северный Кавказ: каталог фотоколлекций этнографических экспедиций на Северный Кавказ (1920–1931 гг.) Института народов Востока» [Кравчук, 2020] представляется если не «проломом» в крепостной стене запутанных, подчас недоступных рядовому пользователю архивных описей⁸, то настоящим подарком любителям истории и хорошим подспорьем для специалистов. Подробный и ясно выстроенный, он включает материалы одного учреждения — Института народов Востока РАНИОН, при сохранности 55% исходного количества [Там же, с. 7]. По уникальности данные материалы поистине бесценны, а сам каталог является полезнейшим инструментом знакомства с ними.

На III Пчелинских чтениях (С.-Петербург, 25 октября 2021 г.) М. И. Кравчук представила свой каталог, что явилось важным шагом его популяризации, в ходе доклада о фотодокументах экспедиций Е. Г. Пчелиной, хранящихся в фондах Российского государственного архива кинофотодокументов и учтенных в каталоге, и атрибуции ряда коллекций с неполными данными. Последнее стало возможно после выхода статьи Л. Д. Бондарь, опубликовавшей записи Е. Г. Пчелиной о нахождении негативов, привезенных ею из экспедиций 1920-х гг., в собраниях разных учреждений [Бондарь, 2019]. Данный автор обобщила немногочисленные, но ценные материалы дела из личного фонда Пчелиной в СПбФ АРАН [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559], установила их дату — 1930-е гг., местонахождение: прежде всего Центральный фотофонокиноархив (размещался в Лефортовском дворце, ул. 2-я Бауманская, д. 3), ныне РГАФКД (г. Красногорск), привела номера

⁸ Не отрицая собственный дилетантизм, упомянем проведенные «эксперименты»: на внешне высокоорганизованном ресурсе РГАФКД найти структуру фондов и описей, подобную размещенным на сайтах многих архивов, прежде всего центральных, не удалось. Штудировать предлагаемый вместо нее «Путеводитель по кинофотодокументам Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАФКД)» крайне трудоемко и неэффективно. В разделе «Электронный фотокаталог» все попытки поиска по местам, годам, авторам съемки, аннотациям из каталога М. И. Кравчук давали нулевой либо хаотичный результат. И только использование архивных номеров негативов на странице расширенного поиска (<http://photo.rgakfd.ru/>), строка «Номер ед. хранения» (NB: без первой цифры и дефиса) выводит совпадающую информацию в случае наличия ее в базе и, если снимок оцифрован, даже его превью. Таким образом, каталог М. И. Кравчук открывает обычному пользователю возможность самостоятельного поиска на указанном ресурсе фотографий из числа включенных в издание.

серий негативов [Бондарь, 2019, с. 89–91]. Публикация нашла профессиональный отклик, и благодаря «заочному сотрудничеству» ученых результаты одних исследований помогли развитию других, в данном случае совершенствованию рабочего инструментария науки.

Заинтересованность прикладными возможностями свода М. И. Кравчук подвигла автора данной заметки подробно ознакомиться с некоторыми его разделами, а также статьей Л. Д. Бондарь, еще на стадии обработки фонда Е. Г. Пчелиной зорко отметившей значимость внешне малопримечательных записей ученого. Как представляется, сформировавшиеся в ходе изучения названных работ материалы могут оказаться полезны другим пользователям каталога «Северный Кавказ» (далее каталог), вследствие чего мы решаемся предложить их читателям⁹.

В качестве преамбулы отметим, что в статье Л. Д. Бондарь номер изученного ею дела из описи 1 фонда Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН вначале указан как 528 [Там же, с. 89–90], далее правильно — 559. На момент подготовки сборника I Пчелинских чтений нумерация дел еще не установилась окончательно. По-видимому, в тексте был приведен временный номер, далее замененный постоянным, но часть исправлений пропущена корректорами. Нумерация листов отличается от виденной нами; в настоящее время материалы недоступны, здесь мы следуем за автором статьи. При небольшом объеме дела существенной роли для пользователя это не играет.

Примерная датировка записей Евгении Георгиевны, как следует из статьи, определяется даже точнее десятилетия — около 1934 г., когда фотокиноархив сменил название [Там же], что представляется обоснованно с некоторыми уточнениями. Не слишком важный на первый взгляд вопрос — какая разница, когда Пчелина зафиксировала информацию, возможно, более не использованную, важен список ее коллекций — стоит, по-видимому, рассмотреть детальнее, если частные выводы становятся базой для изучения и атрибуции иных материалов.

В указанном деле автографы Е. Г. Пчелиной прямо не датированы. Карандашные записи с номерами серий и негативов [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 6, 7, 13–16] здесь малоинформативны — можно опираться разве что на особенности почерка, что без графологической квалификации субъективно. С одной стороны, цифры и буквы на них достаточно крупные, прямые, слегка «скачущие», что характерно для послевоенного периода (в 1920-е гг. Евгения Георгиевна писала мельче,

⁹ Изначально данная заметка 31.01.2022, с соблюдением сроков представления, была направлена в организационный комитет III Пчелинских чтений для рассмотрения на предмет включения в сборник материалов. К сожалению, ответственные за его формирование лица не удосужились сообщить автору об отклонении текста, который пролежал втуне до сентября месяца с. г., когда черновой вариант издания попал в его руки. Остается надеяться, что за истекшее время каталог М. И. Кравчук не был дополнен новыми сведениями, о которых сообщалось в ее докладе, и выпущен новым изданием, а также что наша заметка будет учтена при его доработке.

аккуратнее, с заметным наклоном вправо). С другой — трехзначные номера негативов [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 6] и не совсем понятная таблица с четырехзначными номерами (негативов? коллекций?), часть имеет подписи: «6898 Фири дзуар»¹⁰, «6899 башня на постам[енте]», «1679 труп», «5055 жрец Илиаш Гуцев, Цагат Ламардон»¹¹ [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 7], все это набросано на оборотах бланков совета Московской Никольско-Рогожской старообрядческой общины (Покровка, д. 40, кв. 1) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 6 об., 7 об.]. Пчелина широко использовала всевозможные «оборотки», вплоть до разрезанных упаковок от круп и сахара — очевидно, в силу нехватки бумаги, наряду со многим прочим, в целые десятилетия ее жизни (1920–1940-е гг.), а также большой потребности в расходном материале для бесчисленных выписок, черновиков, библиографических карточек и т. п. Писчебумажное наследие старого режима вроде упомянутых бланков могло использоваться в обиходе примерно до середины 1930-х гг., когда подобные ресурсы исчерпались естественным образом, а их хранение стало небезопасным.

Записка чернилами «Мои негативы в Инст[итуте] Нар[одов] Вост[ока]» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 4] отнесена Л. Д. Бондарь к периоду после 1930 г. [Бондарь, 2019, с. 90–91]. Характер почерка близок к датированным материалам указанного времени: 1931 г. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 791. Л. 2], 1935 г. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 223. Л. 28–32], 1938–1939 гг. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 417. Л. 12–17]. Отметим, что почерк Евгении Георгиевны нередко различен в документах одних лет и зависел в первую очередь от тщательности — написанное бегло выглядит гораздо «острее», прямее, неравномерно по высоте.

Остальные «чернильные» документы дела 559 информативнее [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 1, 2, 5, 10]. Л. Д. Бондарь отметила исправления (и добавления слов) в названии архива, поменявшего в 1934 г. имя и статус [Бондарь, 2019, с. 89–90]. В записках для памяти Е. Г. Пчелина кратко обозначила его как «фото+фоно кино архив» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 5], «кино фоно-фото» [Л. 2], привела адрес и данные ответственного лица: Коровий брод д. 1/3, «тов. Минченко

¹⁰ Фыры дзуар — название осетинских святилищ, связанных с божеством-покровителем «святым бараном». Местонахождением указываются селения Ход (Алагирское ущелье), Фаснал (Дигорское ущелье), Даргавс (Тагаурия) и др.

¹¹ Ламардон — село в ныне Пригородном районе Северной Осетии. В фондах Кунсткамеры имеется фотография Б. А. Куфтина № МАЭ И 1767-1 «родового святилища жреца Иласа Гутцова» (Северная Осетия, Даргавское ущелье, с. Цагат Ламардон, октябрь 1926 г.) [Куфтин...]. Е. Г. Пчелина привела более близкую к осетинскому произношению форму имени жреца (дзуарлага), очевидно, пользовавшегося известностью как у соплеменников, так и у приезжих этнографов. В ее личном фонде хранится снимок нестарого мужчины с темными усами, в традиционной одежде, папахе и с кинжалом. На обороте значится: «Жрец капища „Тба Уацилла“ (сел[о] Ламардон. Сев[ерная] Осет[ия], Тагаурск[ое] ущ[елье]) Илья Гуцев. 1927 г.» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 137. Л. 15].

тел. Баум.[?] 1.33.71» [Л. 5], «2[-я] Бауманская д[.] № 3 тел. Е.1.33.71» [Л. 2]. Улица с неблагозвучным именованием Коровий брод стала 2-й Бауманской в 1933 г. [Имена..., 1975, с. 50]. Евгения Георгиевна записала, вероятно, тогда еще более привычное ее название. Буква в начале номера телефона пропущена — они появились в 1932 г., и «Е» означала Бауманскую телефонную станцию [История...]. Может, она не помнила буквы номера, но правильно зафиксировала его сетевую принадлежность. На второй записке название улицы и телефон зафиксированы уже верно [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 2]. Таким образом, обе они датируются не ранее 10 августа 1934 г., когда «фото-фоно-кино» архив был образован [Баталин, Малышева, 2006, с. 13]. Упоминание «тов. Минченко» сужает датировку первой записки до полутора лет: бывший издательский работник А. К. Минченко (его имя и отчество не удалось выяснить даже специалистам) возглавил архив 10 января 1935 г., с должности разгромно снят 11 августа 1936 г. за оплошность подчиненных, передавших для включения в альбом к двадцатилетию Октября фотографии с врагами народа (их фамилии не значились в аннотациях, что лишний раз подтверждает необходимость скрупулезности в архивной работе). Позже он был осужден, предположительно погиб в лагере [Баталин, Малышева, 2011, с. 28, 31–32, 213, 229]. Таковы примерные рамки времени создания этих записок Е. Г. Пчелиной.

Хронологически к ним примыкает формально самый ранний документ дела — машинописный список на трех страницах (двух листах) негативов коллекции 55, озаглавленный «Кн[ига] пост[уплений] № 177. Серия 55. Негативы по этнографии Юго-Осетии (Юго-Осетинская экспедиция Института народов советского Востока в 1931 г. Г. А. Кокиев)» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 8–9]. В конце списка на с. 3 значится: «Зав. научным архивом — Кокиев» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 9.]. По-видимому, список является незаверенной копией передаточной ведомости либо развернутой выпиской из журнала учета. Георгий Александрович Кокиев (1896–1954) родился в Осетии, в 1920–1923 гг. обучался на историческом факультете Московского археологического института (Пчелина закончила МАИ в 1916 г.). В 1925 г. поступил аспирантом в учреждения, чуть позже ставшего Научно-исследовательским институт этнических и национальных культур народов Востока [Анчабадзе, 2002, с. 135], куда в тот же год пришла и Евгения Георгиевна.

В этом учреждении, названном ею в одной из записок Институтом народов Востока [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 4] и не раз менявшем названия (см. [Осипова, 2019, с. 83–84]), она работала параллельно с другими, что составляло для человека науки тогда скорее норму. Согласно заполненному в основном ее рукой трудовому списку,

на 1925 г. она являлась одновременно: научным сотрудником археологического отделения ГИМ, преподавателем грузинского языка (!) Московского института востоковедения по кавказской секции¹² и, наконец, 1 апреля 1925 г. была выбрана научным сотрудником I разряда «в Комитет по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 5. Л. 27 об.]. (В более поздних кадровых документах и автобиографиях указанные по памяти сведения часто менее точны, что осложняет выяснение этапов ее трудовой и научной деятельности. Так, в листке по учету кадров от 28 сентября 1948 г. начало работы в «Исследовательском институте РАНИОН» она отнесла к 1924 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 5. Л. 35 об.] и др. Правда, сотрудничество с НИИ народов Востока могло начаться и ранее 1925 г., носив какое-то время неформально характер). Источники по-разному именуют стартовое образование, быстро расцветшее и претерпевшее бесконечные метаморфозы: созданный в 1920 г. при Московской секции РАИМК Комитет по изучению языков и этнических культур народностей Востока, также именуемый Северокавказским [Страницы..., 1992, с. 14]; сформированный в 1924 г. при Главнауке НКП РСФСР Северо-Кавказский комитет [Шнирельман, 2011]; учрежденный в 1924 г. Комитет по изучению этнических культур Северного Кавказа Яфетического института РАН (сокращенно Северо-Кавказский комитет) при Главнауке НКП РСФСР, преобразованный 11 сентября 1925 г. в Комитет по изучению языков и этнических культур народов Востока СССР [Кравчук, 2020, с. 147]. 26 июня 1926 г. путем слияния с Восточной секцией при Институте языка и литературы РАНИОН он стал Научно-исследовательским институтом этнических и национальных культур народов Востока [Там же]. Ресурс АРАН и архивные публикаторы приводят несколько иной вариант названия: Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов советского Востока РАНИОН, в 1930–1932 гг. Научно-исследовательский институт народов советского Востока при ЦИК СССР [АРАН. Ф. 677; Осипова, 2019, с. 83; Зайцев, 2019, с. 1].

Комитет-институт провел огромную работу по изучению многих этносов страны, создания для них письменности и пр. Регулярно снаряжались экспедиции на Кавказ и в другие регионы. Е. Г. Пчелина работала в секции этнологии и материальной культуры по теме эволюции быта народов СССР в условиях советского строительства [Страницы..., 1992, с. 15]. Точная дата ее ухода из института в документах отражена по-

¹² На апрель 1925 г. Московский институт востоковедения им. Н. Н. Нариманова при Президиуме ЦИК СССР (часто называемый не совсем точно бывшим Лазаревским институтом восточных языков) — «высшее учебное заведение, ... имеющее целью подготовку: а) дипломатических работников, работников торгпредств... и пр. в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока; б) работников, обслуживающих культурные и хозяйственные нужды восточных народов, входящих в СССР; в) научных специалистов по восточным языкам и востоковедению» [Лазаревский..., 2015, с. 226, 230]. В нем работали многие выдающиеся ученые и педагоги.

разному: трудовой список, заверченный 1 января 1932 г. увольнением из ГИМ, ее не зафиксировал, кадровый листок ЮОНИИ указывает 1931 г. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 5. Л. 35 об.], CV от 17 декабря 1935 г. — 1932-й [РО НА ИИМК РАН Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 223. Л. 31]. Очевидно, наиболее точные данные привела Н. М. Осипова, тщательно собравшая к I Пчелинским чтениям сведения о связанных с Евгенией Георгиевной документах в Архиве РАН, главным образом в делах НИИ народов Востока: личное дело Пчелиной в фонде НИИ этнических и национальных культур Архива РАН относится к периоду 28.11.1925–30.06.1931, сама она числится в списке выбывших за 1929–1932 гг. [Осипова, 2019, с. 84, 86; см.: АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 129].

Е. Г. Пчелина и Г. А. Кокиев знали друг друга, работая на одном кавказском направлении. Монография «Страницы отечественного кавказоведения» сообщает, что в конце 1920-х гг. в институте были созданы три проблемных секции, в том числе этнологии и материальной культуры, где трудились Евгения Георгиевна (тема — эволюция быта народов СССР в условиях советского строительства) и Георгий Александрович (методы изучения материальной культуры в обстановке живого быта и по археологическим источникам) [Страницы..., 1992, с. 15]. А. Ю. Анчабадзе указывает: «...в феврале 1928 г. институт подвергся реорганизации: этнорегиональная структура... была заменена предметно-тематической, вследствие чего Кокиев оказался в секции истории национального вопроса и национально-революционного движения» [Анчабадзе, 2002, с. 135]. По окончании аспирантуры в 1929 г. он стал научным сотрудником I разряда, с 1931 г. работал в Музее народов СССР [Там же, с. 136, 139]. Г. А. Кокиев отличался энергией, широтой интересов, в том числе историко-этнографических; его карьера развивалась не без сложностей, но в общем успешно: профессор МГУ, музейный и научный работник, известный, активно публикующийся историк [Тотоев, 1967, с. 239–241]. Однако в 1949 г. он пал жертвой послевоенной волны репрессий: арестованный по политическим обвинениям, скончался в 1954 г., не дожив до реабилитации около года (1955 г.).

М. И. Кравчук упоминает в ссылках отчет заведующего Научным архивом Института народов советского Востока Г. А. Кокиева за 1931 г., составленный 13 января 1932 г. [Кравчук, 2020, с. 7]. Быть может, Георгий Александрович остался работать там по совместительству, или должен был подытожить последний год руководства (?). Следует ли из описи (списка?) негативов серии 55, что уполномоченный член экспедиции (глава? по каталогу начальником экспедиции, отснявшей коллекцию, являлся М. О. Косвен [Там же, с. 130]) Кокиев сдал ее сам себе как заведующему архивом, не совсем ясно. Важнее пусть единичное, но подтверждение: коллекция перешла в Центральный фотофонокиноархив и далее без потерь и даже с приращением числа негативов (в данном списке их 59, в перечне

коллекции по каталогу 64 [Там же, с. 135]). Негативы по указанной описи были учтены, надо полагать, в книге текущих поступлений научного архива НИИ народов Востока № 177 за 1931 г. (вероятно, материалы сдавали вскоре по возвращении из экспедиций, завершавшихся не в самом конце года). По-видимому, документация типа этого списка и, возможно, книги № 177 позже оказались в Центрфотофонокино, аннотации снимков как минимум коллекции 55 были доработаны. Список Кокиева названия ряда сел, посещенных экспедицией, приводит в грузинской форме, что применялось в официальном русскоязычном наименовании, литературном языке и бытовой речи до конца советского периода: Верхний и Нижний Рок (Пчелина вообще писали «Роки»), Хуце, Мсхлеби, Ванели [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 8–9]. Каталог «Северный Кавказ» в аннотациях указанной коллекции дает осетинскую форму: Рук, Мсхлеб, ошибочно Валем вместо Ванел [Кравчук, 2020, с. 130–134], ставшую обычной после 1991 г. Отметим, что в данных по другим экспедициям в каталоге использованы грузинские формы: Цоиси, Эдиси (Эдисси), Роки (Рок), Верхний Ермани (коллекции 47 и 50 [Там же, с. 108–111, 119–120], определяемые как пчелинские [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 4, 10; Бондарь, 2019, с. 91]). Быть может, в рамках одного издания стоило не осовременивать топонимы, а соблюсти единообразие, хотя в целом понятно, о каких пунктах идет речь.

По сравнению с указанным списком Г. А. Кокиева аннотации коллекции № 55 в каталоге носят следы глубокой и содержательной проработки, уточнения сведений. Снимок (негатив) 6 из списка Г. А. Кокиева: «Камни из древней церкви 7 века, вделанные в фундамент бани» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 8] — № 3-2093 в каталоге: «Камень из древней церкви VII в. (уничтожена 12.09.1975 г.) в фундаменте бани» [Кравчук, 2020, с. 132]; снимок 58 списка: «Члены экспедиции со сказителями» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 8] — № 3-2100: «...(слева направо: Г. А. Кокиев, сказитель, М. О. Косвен, девочка, (?))» [Кравчук, 2020, с. 132]. Сопоставление ряда аннотаций к снимкам на сайте РГАКФД с уточненными данными каталога показывает масштаб и тщательность работы Марины Игоревны Кравчук с источниками, документами и самими негативами, следует искренне отдать должное ее без преувеличения научному и трудовому подвигу.

Как список Кокиева оказался у Евгении Георгиевны, остается гадать: получила ли от него лично, раздобыла в архиве НИИ народов Востока, попросила снять для нее копию с передаточной ведомости или книги поступлений № 177. Время создания документа — от 1931-го по 1935–1936 гг. Зачем он потребовался Пчелиной? Состав двух других коллекций снимков из Южной Осетии (№ 47 и 50), имевшихся в фондах указанного НИИ, ей был известен, поскольку она являлась их автором либо участвовала в создании. Ценность фотоматериалов Евгения Георгиевна вполне

сознавала, к 1924 г., по-видимому, освоила съемку штативной камерой и самостоятельно вела ее многие годы, вероятно, до 1950-х.

Наиболее интересный документ рассматриваемого дела фонда Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН — перечень серий (коллекций) кавказских негативов с указанием фамилий авторов (либо начальников экспедиций) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 10; Бондарь, 2019, с. 91]. В нем приведены года, места, количество негативов, частично номера книг поступлений (вероятно, архива НИИ народов Востока). Номера коллекций и сопутствующие данные выстроены по убыванию, словно выписка из журнала(-ов) учета осуществлялась от конца к началу (оформленный исследовательницей как «вывод» список представлен ниже для удобства читателей в табличном виде). Перечислены серии: 15, 16, 22–24, 29, 33, 39, 43, 47, 50, 53–55, из них 16, 33, 39, 47, 50, 53, 54 Пчелина обозначила как свои [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 10; Бондарь, с. 91]. В каталоге представлены все они, кроме 29 и 33. Серия 29 – не слишком, возможно, ценная: этнографическая карта Кавказа «из Потоцкого»¹³, указан 1 негатив [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 10]); 39-я («курд[ская] Шальва»¹⁴, 1924 г.) была привезена, очевидно, из той же экспедиции, что и № 53. Последняя включена в каталог, формально относясь к Закавказью, 39-я же по каким-то причинам не вошла (отсутствовала, пришла негодность, не была идентифицирована в проработанных автором материалах РГАФКД).

Список негативов фотоснимков, созданных кавказскими экспедициями, с указанием номеров серий, составленный Е. Г. Пчелиной по книгам поступлений предположительно архива НИИ народов Востока [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 10]

Номер серии	Автор (начальник экспедиции/отряда?)	Год	Место	Кол-во негативов	Номер книги поступлений
55	Кокиев	1931	Юго-Осетия*	59	177
54	Пчелина	1928	Северная Осетия	64	114
53	Пчелина	1924	«курды»	69	165
50	Пчелина	1924	Юго-Осетия	50	113
47	Пчелина	1930	Юго-Осетия	48	109
42	Шиллинг**	1926	Северная Осетия «(обряд. печ. № 1)»	1	68

¹³ Очевидно, переснимок карты из трудов Яна Потоцкого (1761–1815), совершившего путешествия по Кавказу в 1797–1798 гг., которые вышли в Париже посмертно в 1829 г. Вероятно, речь идет о книге «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи» (полный перевод и сведения об авторе см.: [Соснина, 2003]).

¹⁴ Е. Г. Пчелина участвовала в работе комплексной экспедиции Научной ассоциации при Закавказском ЦИК, обследовавшей в 1924 г. Курдистанский уезд и Карабах в Азербайджане, Зангезурский уезд Армении; село Шальва было включено в конную часть маршрута [Пчелина, 1932а, с. 108]. Село (варианты названия Шалва, Шелве, Шалуа) расположено на берегу одноименной речки в 58 км к северо-западу от райцентра г. Лачин (Лачын). Данная территория в 1990–2020 гг. входила в состав Нагорно-Карабахской Республики, с ноября 2020 г. контролируется Республикой Азербайджан. Сетевой источник отмечает Шальву как опустевший населенный пункт [Шальва...].

Номер серии	Автор (начальник экспедиции/отряда?)	Год	Место	Кол-во негативов	Номер книги поступлений
39	Пчелина	1924	«(курд[ская] Шальва)»	10	13
33	Пчелина	1929	Северная Осетия	141	—
29	Кокиев		«этногр[афическая] карта Кавк[аза] из Потоцкого»	1	—
24	Сиотоков ***	—	Северная Осетия	31	—
23	Коцоева ****	1928	Северная Осетия	32	—
22	Кокиев	1928	Северная Осетия	36	—
16	Пчелина	1927	Северная Осетия	33	—
15	Кокиев	1927	Северная Осетия	83	—

* Вариант названия региона, использовавшийся в 1920–1950-х гг.

** Евгений Михайлович Шиллинг (1892–1953) — этнограф-кавказовед, историк, филолог, музейный работник. В 1920–1936 г. сотрудник Комитета по изучению языков и этнических культур народов Кавказа (НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР). В 1924–1940 гг. неоднократно выезжал в экспедиции на Кавказ, где собрал богатые коллекции материалов.

*** См. далее.

**** Или Коцаева; см. далее.

Начальником экспедиции, отснявшей серию 53 «Курдистанский уезд Азербайджана», в каталоге значится этнограф Г. Ф. Чурсин. Год съемки указан как 1924 (1931) с примечанием: «По аннотациям в журналах учета РГАКФД РФ фотографии сделаны в 1931 г. По опубликованным отчетам данная экспедиция была проведена в 1924 г.» [Кравчук, 2020, с. 121]. Сведения о составе экспедиции, очевидно, взяты из архивного источника «Пчелина Е. Г. По Курдистанскому уезду Азербайджана (Путевые заметки) // АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 107. Л. 91–115. Машинопись (23.01.1931 г.)» [Там же, с. 137], с высокой долей вероятности соответствующего публикации 1932 г. [Пчелина, 1932а]. Возможно, по дате рукописи сотрудники Центрофотокиноархива-РГАФКД отнесли коллекцию к 1931 г. Однако подобная экспедиция учреждения, именовавшегося на лето 1924 г. Закавказской научной ассоциацией по изучению Кавказа и Ближнего Востока при Закавказском Центральном Исполнительном Комитете [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 63. Л. 1, 3, 4], в южные районы Закавказской Федерации (Советский/Красный Курдистан, Карабах, Зангезур), состоялась единожды — в 1924 г. Курдистанский уезд (вместе со всей уездной системой в стране) был упразднен 8 апреля 1929 г. [Бабаян, 2005, с. 116]. Выдающийся кавказовед Григорий Филиппович Чурсин скончался в 1930 г.

В каталоге приведена опущенная Пчелиной фамилия лингвиста-курдоведа «тов. Лазо» — Лазо Казарян [Пчелина, 1932а, с. 108; Кравчук, 2020, с. 121]. Изучившая курдские материалы личного фонда Пчелиной В. В. Онощенко раскрыла псевдоним несколько иначе: Акоп Григорьевич Казарян [Онощенко, 2022, с. 108]. Фамилии других участников в статье Пчелиной и каталоге даны с небольшими отличиями (искажениями): в «Советской этнографии» начальник экспедиции был набран как Чуросин, экономисты — Атабекян и Качекьян/Кечекьян, в каталоге Атабакян и Кечекьян [Кравчук, 2020, с. 121]. Правильно указанную Пчелиной фамилию крупного лингвиста, историка, этнографа Степана Даниловича Лисициана (1865–1947) заполнявшие документацию работники фотоархива либо автор каталога привели как Лисицян — наверное, в соответствии с ереванским изданием 1992 г., включенным в библиографию каталога [Лисицян, 1992; Кравчук, 2020, с. 138]. По-видимому, вдохновленные свежим суверенитетом армянские публикаторы несколько перестарались с «национализацией» фамилии ученого, в трудах на русском языке выступавшего как Лисициан, чему вряд ли стоит следовать.

Наконец, в публикации Пчелиной о курдистанской экспедиции и в каталоге тождественно указан в качестве фотографа Н. Г. Степанян [Пчелина, 1932а, с. 108; Кравчук, 2020, с. 121]. Правда, первый источник прямо аттестует его как студента агрономического факультета Тифлисского Политехнического института (экономический факультет которого сама Евгения Георгиевна окончила в том же 1924 г.), тогда как в вводной части каталога он произведен в аспиранты «НИИИнститута» (очевидно, народов Востока — правда, еще не существовавшего), хотя обоснований этому не приведено [Кравчук, 2020, с. 8]. В личном фонде Пчелиной имеется письмо Н. Степаняна от 4 ноября 1924 г. из Тифлиса, где он жалуется на трудности сдачи большого числа экзаменов, в том числе органической химии, едва ли требовавшейся молодым гуманитариям при всей перетряске сферы образования тех лет [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 916. Л. 34, 34 об.]. Ввиду занятости он долго не мог напечатать обещанные Евгении Георгиевне снимки: «...я насильно заставлял себя по вечерам с тяжелой после занятий головой печатать по несколько штук для Вас. Блестящей бумаги, как я уже писал — не нашел; но эта бумага полуматовая, самая лучшая. <...>

Всего посылаю Вам 48 снимков экспедиции... Прилагаю список всех наших снимков — если чего-нибудь не хватает — напишите.

Надеюсь[,] Вы получили мое письмо о том что, те снимки, которые я Вам дал для работы — остаются у Вас, как свои...» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 916. Л. 34 об., 37, 37 об.].

Карандашный список Н. Г. Степаняна включает 107 снимков в порядке движения Курдистанского отряда экспедиции (Аскеран–Степанакерт–Шуша–Лачин, далее села Курдистанского уезда и армянского

Зангезура, из которых на современных интерактивных картах представлен разве что Татев с его монастырем IX–X вв., а ряд прочих, вероятно, уже не существует), названия поверх карандаша обведены чернилами рукой Евгении Георгиевны [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 35–36 об.]. Пунктов съемки указано больше, чем в описи коллекции № 53 каталога (Абдаляр, Дашлю, Минкенд, Молла-Ахметлю, Бозлу и др. в неясной последовательности [Кравчук, 2020, с. 122–125]), они соответствуют перечисленным Е. Г. Пчелиной в публикации [Пчелина, 1932а, с. 108]. Некоторые снимки в списке и каталоге идентифицируются с достаточной уверенностью (Татев в Зангезуре¹⁵: ср. № 74–93 в первом и № 2-8297, 2-8301, 2-8323–2-8328 во втором; развалины Аскеранской крепости: № 1–2 и № 2-8306–2-8308 соответственно [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 35–36 об.; Кравчук, 2020, с. 123–125] и пр.). Другие отождествляются предположительно ввиду краткости записей студента Тифлисского Политеха: № 20, с. Дашлю, «ущелья и скалы» — № 2-8192 «сел. Дашлю. Вид долины реки Акера перед селом» в каталоге [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 35; Кравчук, 2020, с. 123], соотношение третьих неясно.

Если указанные Пчелиной в ее списке 10 негативов составляют всю серию 39, то даже вместе с 53-й в 64 негатива [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 10] они численно меньше перечня Степаняна. Состав серии 39 неизвестен. Снимала ли Евгения Георгиевна в курдистанской экспедиции сама или единственным фотографом был Степанян, из письма неясно. Фраза про снимки, которые остаются у нее, «как свои», допускает предположение, что она могла фотографировать и сама, а негативы для печати (по-дружески либо за вознаграждение) передать будущему агроному. Видимо, он заведовал фоточастью экспедиции в целом, имел доступ к аппаратуре и напечатал как общие снимки в количестве 107, так и 48 личных пчелинских либо нужных ей из числа общих, формально принадлежавших ЗНАВ. К авторским правам в подобных случаях тогда относились явно проще, чем сейчас. Позже серии 39 и 53 попали в архив НИИ народов Востока (далее в нынешний РГАКФД), возможно, через Евгению Георгиевну. Сведений о работе в этом учреждении начальника экспедиции Г. Ф. Чурсина, который должен был, по всей видимости, отчитаться за нее и сдать материалы в ЗНАВ, не выявлено (см., напр.: [Джапуа, 2019]).

Этнография курдов, проживавших на чересполосной границе Азербайджана и Армении, памятники древности этой территории заинтересовали Е. Г. Пчелину. В личном фонде сохранились отдельные наброски и пространные библиографические подборки [СПбФ АРАН.

¹⁵ В аннотациях ряда снимков коллекции 53 в каталоге место съемок указано «Курдистан сел. Зангезур» [Кравчук, 2020, с. 123–125], что является двойной ошибкой: Курдистанский уезд входил в состав Азербайджанской ССР, Зангезур — историческая область Армении, расположенная западнее. Ни населенным пунктом, ни административно-территориальной единицей она не являясь.

Ф. 1017. Оп. 1. Д. 917, 918; Онощенко, 2022], однако увидели свет лишь две статьи [Пчелина, 1932а, 1940]. Возможно, материалов в свое время было накоплено больше — для каждой своей работы Евгения Георгиевна стремилась собрать всю доступную информацию, но не все они дошли до нас. Статья 1932 г. содержит лишь две фотографии. Первую, «Пещерное жилище сел. Минкенд», допустимо идентифицировать с № 32 Степаняна «пещерное жилище», а «Жилище (карадам)» (землянка или полуземлянка) с № 12 «Абдалляр землянка» [Пчелина, 1932а, с. 111, 114; СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 916. Л. 35, 35 об.] (в каталоге отсутствуют).

В статье О. Л. Вильчевского¹⁶ «Материалы по истории общественных форм в Курдистане» приведено 9 фотографий с указанием авторства Е. Г. Пчелиной [Вильчевский, 1932, с. 123, 125–127, 129, 130, 131, 133, 135] (см. рис. 1 и 2). Сделала она их сама либо распоряжалась ими в тогдашнем понимании правомерно, трудно сказать, но Вильчевский скорее всего получил снимки от нее, выполнив далее условие публикации и/или требования научной этики. Предположительная идентификация снимков выглядит так:

Н. Г. Степанян [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 916. Л. 35–36 об.]	О. Л. Вильчевский [1932]	М. И. Кравчук [2020], коллекция 53
№ 21, Молла-Ахметлю, «типы» [л. 35 об.]	«Фиг. 1. Мама-Ахметлу*. Типы курдов» [с. 123]	№ 10, «сел. Молла- Ахметлю. Типы курдов» [с. 123]
№ 17, Шейланлы, «курды-женщины» [там же]	«Фиг. 2. С. Шейланы**. Группа курдинок» [с. 125]	—
№ 34, Минкенд, «3 женщины» [там же]	«Фиг. 3. С. Минкенд. Типы курдинок» [с. 126]	№ 16, «сел. Минкенд. Типы курдистанок в национальных костюмах» [с. 123] (?)
—	«Фиг. 5***. С. Каракишлак. Тип курдинки-старухи» [с. 127]	№ 22, «сел. Зангезур. Тип старухи-курдистанки» [с. 124] (?)
—	«Фиг. 5. Курдинки в домашнем быту» [с. 129]	№ 7, «сел. Молла- Ахметлю. Типы курдов» [с. 123] (?)
№ 38, Минкенд, «Бык[,] нагруж[енный] пшеницей» [л. 35 об.]	«Фиг. 6. С. Минкенд. Везут хлеб с поля» [с. 130]	№ 17, «сел. Минкенд. Перевозка хлеба с поля» [там же]
№ 19, с. Дашлю,	«Фиг. 7. С. Дашлю.	№ 4, «сел. Дашлю. Семья

¹⁶ Олег Людвигович Вильчевский (1902–1964) — лингвист, востоковед, этнограф, специалист по курдам. Работал в научных учреждениях и вузах Ленинграда, в 1941–1954 гг. служил в Советской Армии, подполковник. Внук Евгений Георгиевич, Н. Г. Пчелин вспоминал о сложностях отношений между нею и Вильчевским, несмотря на дальнее родство или свойство, о ее выступлении в конце 1940-х — 1950-х гг. на докладе О. Л. Вильчевского курдской тематики в Институте востоковедения АН СССР с общей критикой и указанием фактических ошибок.

«сакля» [л. 35] (?)	Передняя часть подземного жилища и домашн[ая] обстановка» [с. 131]	курдов у передней части своего подземного жилища» [там же]
№ 44, Молла-Ахметлю, «музыка и танцы» [л. 35 об.]	«Фиг. 8. С. Молла-Ахметлю. Сельские музыканты „Сазандары“» [с. 133]	№ 8, «сел. Молла-Ах-метлю. Жители селения. Танец детей. Сельские музыканты „сазандары“» [там же]
№ 29, Шейланлы, «сельско-хоз[яйственный] инвентарь» [там же]	«Фиг. 9. С. Шейланы. Передняя часть подземного жилища и с.-х. орудия» [с. 135]	—

* Правильно Молла-Ахметлю.

** Правильно Шейланлы.

*** Опечатка, должно быть 4. Название села также: «Каракишлы» [Пчелина, 1932а, с. 108], «Кара Кишлак», «Каракишлак», «Кара-Кишлак» [Пчелина, 1940, с. 246, 248, табл. 1(1)] «Кара-Кишлы» [Кравчук, 2020, с. 123].

Рис. 1. Музыканты и танцующие дети в курдском селе Молла-Ахметлю (фото Е. Г. Пчелиной, 1924 г.) [Вильчевский, 1932, с. 133]

Рис. 2. Тот же снимок, опубликованный на сайте «Independent Türkçe» [URL: https://www.independentturkish.com/sites/default/files/styles/645x484/public/article/main_image/2019/07/27/139696-897341925.jpg?itok=oIdT1YMP (дата обращения: 21.09.2022)].

Ссылка указана М. И. Кравчук в примечании к описанию снимка № 2-81961 коллекции 53 в каталоге «Северный Кавказ» [Кравчук, 2020, с. 122]

Во второй работе «курдистанской» тематики — о средневековых армянских памятниках Евгения Георгиевна также использовала фотографии [Пчелина, 1940]. Время их создания нельзя однозначно отнести к 1924 г.: имеется указание со ссылкой на письмо Пчелиной к коллеге, хранящееся в архиве СОИГСИ, что «в 1933 году она исследовала каменные барельефы и надгробные средневековые памятники Азербайджана. Благодаря этим исследованиям появились статьи „Путевые заметки по Курдистанскому уезду Азербайджана“¹⁷ (1932 г.) и „Армянские памятники на территории Азербайджанской ССР“ (1940 г.)» [Вольная, 1995, с. 6]. В указанной публикации Пчелиной, к сожалению, дат сбора материалов не приведено. В 1932–1933 гг. она действительно работала в Азербайджане [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 5. Л. 35 об.], однако иных сведений о посещении ею в этот период мест, где в 1924 г. были отмечены каменные изваяния лошадей и баранов, плиты с барельефами [Пчелина, 1932а, с. 115–117], пока не выявлено. Наброски к статье «Армянские памятники в Советском Курдистане» и выписки к ней в описи 1 личного

¹⁷ Очевидно, автор не ознакомилась с текстом данной статьей непосредственно. В ее начале Е. Г. Пчелина сообщала, что в основу легли путевые заметки, сделанные во время экспедиции 1924 г. [Пчелина, 1932а, с. 108].

фонда Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН датированы 1924–1928 гг. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 917]. Согласно В. В. Онощенко, при подготовке статьи 1940 г. были использованы материалы экспедиции 1924 г. [Онощенко, 2022, с. 111]. Это не вызывает сомнения; открытым остается вопрос, добавились ли к ним более поздние материалы.

Напечатанные в указанной статье Евгении Георгиевны 8 фотографий отсутствуют в каталоге, в списке Степаняна нет каменных скульптур лошадей, остальные снимки связаны с церковью в с. Шальва и могут сопоставляться так:

Е. Г. Пчелина [1940]	Н. Г. Степанян [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 916. Л. 35–36 об.]
Табл. II (1) — кладбище, надгробие с изображением охоты	№ 25, «надгробный камень» [л. 35]
Табл. II-2 — общий вид церкви с запада	№ 26, «общий вид храма» [л. 35 об.]
Табл. III-1 — западный фасад, барельеф	№ 22, «плита на храме снаружи» [л. 35] (?)
Табл. III-2 — восточный фасад, барельеф	То же
Табл. IV-1 — восточный фасад, орнамент (резьба)	—
Табл. IV-2 — плита в стене купальни	№ 22, «плита на храме снаружи» [л. 35] (?)

Представленные данные при всей ограниченности свидетельствуют, что ситуация с «курдистанскими» снимками 1924 г. могла быть сложнее наличия у Степаняна негативов серий 39 и 53 и скольких-то сверх того. Серия 53 с его перечнем, даже при тщательном изучении, может совпадать не полностью, состав 39-й неизвестен. Упомянутые им 48 фотографий, напечатанных для Пчелиной, не обязательно входили в число «казенных», а могли принадлежать лично ей и быть использованы в публикациях собственных и О. Л. Вильчевского.

Где искать «отсутствующие» негативы? Быть может, в СПбФ АРАН, где в личном фонде Е. Г. Пчелиной на сегодняшний день из снятых в той экспедиции значится лишь один [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 65]. Остается ждать систематизации 685 негативов на стекле, которые в 2019 г. сдал туда внук Евгении Георгиевны, старший научный сотрудник Отдела Востока Эрмитажа Н. Г. Пчелин [Застрожнова, 2019, с. 62].

Возвращаясь к списку коллекций негативов, находившихся в архиве НИИ народов Востока и интересовавших Евгению Георгиевну, отметим: серию 53 она причислила к «своим», хотя начальником экспедиции являлся Г. Ф. Чурсин, а фотографом — Н. Г. Степанян [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 10; Пчелина, 1932а, с. 108; Кравчук, 2020, с. 121]. Как создатели (?) прочих серий указаны, кроме Г. А. Кокиева, Е. М. Шиллинг — известный ученый, работавший с Пчелиной в данном учреждении и даже в одной секции [Страницы..., 1992, с. 15] (серия 42,

учтена в каталоге за его фамилией), некие Коцоева (серия 23) и Сиотоков (серия 24). В каталоге начальником экспедиции, которая привезла в 1928 г. из Северной Осетии коллекции № 22–24, являющиеся по сути одним комплексом, значится Кокиев [Кравчук, 2020, с. 83, 85, 87–88]. В своем списке-выписке Пчелина указала пять фамилий, включая собственную: достаточно известные уже тогда в области кавказоведения Шиллинг, Кокиев, она сама, а также не оставившие в данной сфере заметного следа Коцоева и Сиотоков. Кем могли быть двое последних?

В фонде 677 «Институт языка и письменности народов СССР Академии наук СССР» Архива РАН опись 2 включает личные дела сотрудников и аспирантов учреждения за 1926–1932 гг. На одном с Евгенией Георгиевной Пчелиной ее листе за номером 138 значится Сиотоков Адиль Колубатович, кадровое дело которого было начато I/X-26 (как обозначали даты в ту пору), закончено 8/IV-33 и содержит 71 лист [АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Л. 6]. Президиума РАНИОН на заседании 4 ноября 1927 г. в числе прочих рассматривал вопрос «О зачислении аспирантом Сиотокова в Институт Востока» (очевидно, в аспирантуру НИИ народов Востока) [АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 60. Л. 42]. Раздел «Научные и научно-исследовательские работы» описи 1 (1926–1931 гг.) упомянутого фонда 677 АРАН содержит дело 675 «Научные работы Ситокова, Ислама Хубиева, Чемазокова, В. Шамсетдинова и Шакулова» [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 675. Л. 10]. Тщательный просмотр описей личных дел сотрудников и аспирантов Института за 1920–1927 гг. (опись 8), 1926–1932 гг. (опись 2), 1926–1934 гг. (опись 3), 1930–1937 гг. (опись 4) на ресурсе АРАН [Информационная...] не выявил фамилий, близких по написанию к Сиотокову — по-видимому, в данном случае упомянут именно он.

Вероятно, научные труды А. К. Сиотокова осели в архивах — из публикаций, возможно принадлежащих ему, удалось обнаружить только выпущенную в 1931 г. «Программу по теории советского хозяйства и экономической политике для рабфаков и техникумов» [Программа..., 1931]. Ресурс «Жертвы политического террора в СССР» располагает данными о Сиотокове Адиле Колумбатовиче, 1902 г. р.: уроженец Адыгейской АО, проживал в г. Александровске-Сахалинском (центре Сахалинской области РСФСР), экономист облисполкома. Был арестован 28 февраля 1937 г., осужден 14 октября 1938 г. за контрреволюционную агитацию на 10 лет лишения свободы, реабилитирован 16 мая 1989 г. [Сиотоков...]. Если все приведенные сведения относятся к одному лицу, то в 1928 г. молодой аспирант НИИ народов Востока вполне мог участвовать, например как фотограф, в экспедиции другого аспиранта, последнего года обучения, уже зарекомендовавшего себя в науке — Г. А. Кокиева. Вероятно, А. К. Сиотоков специализировался в области изучения народного хозяйства (напомним, что и Е. Г. Пчелина имела, наряду с археологическим и юридическим, экономическое образование). Однако в

то время, по крайней мере в НИИ народов Востока, это не мешало пробовать силы в любых научных областях: «...списочное прикрепление к конкретной секции было достаточно условным. Аспиранты имели возможность принимать участие в работе не только своей, но и смежных секций...» [Анчабадзе, 1999, с. 135–136]. Как бывший московский аспирант оказался в конце 1930-х на далеком Сахалине, остается строить догадки: поехал за длинным рублем, пытался скрыться на периферии от внимания «органов», отбывал ссылку, проживал, «откинувшись» после первой, «легкой» отсидки? Много нелегких судеб встает подчас за единичными строками архивных документов.

Коцоева Минна Давыдовна, личное дело которой учтено в описи 3 (1926–1934 гг.) фонда 677 АРАН, также являлась аспирантом либо научным сотрудником НИИ народов Востока в период со 2/VI-28 по 28/VI-30 [АРАН. Ф. 677. Оп. 3. Л. 3]. По-видимому, предметом ее исследований являлось развитие культур народов СССР, в том числе литературы и языка. Опись 2 фонда 358 АРАН «Институт литературы и искусства Коммунистической академии ЦИК СССР» включает два тома сборника статей «Литература СССР в борьбе за национально-культурное строительство» под редакцией Б. Л. Коваленко, среди авторов которого числится и Коцоева М. Д. [АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 377, 378]. На работу в Комакадемию она могла как перейти сама, так и влиться со всем институтом при передаче в новое подданство учреждений обреченной РАНИОН, которую ликвидировали в 1930 г. Здесь Минна Давыдовна подготовила в 1932 г. монографию «Национально-культурное строительство Северной Осетии» [АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 389]. Материалы к ней 1931–1932 гг. составляют три тома, включая фотографии, офорты и даже афиши [АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 390–392]. В названии монографии не пропущен предлог «в», такова была лексика времени, а культурное строительство в национальных автономиях являлось, очевидно, крупной темой в планах научно-исследовательской работы заведения: так, в близких к труду Коцоевой номерах дел бесстрастная опись учла монографии Давлетшина Г. К. «О национально-культурном строительстве Башкирии» и Данилова Д. Д. «О национально-культурном строительстве Чувашии» [АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 376, 379].

Сведений о публикации работы М. Д. Коцоевой найти не удалось (отметим, что монография Данилова вышла в 1933 г. под названием «Советская Чувашия. Национально-культурное строительство» [Данилов [и др.], 1933]). При отсутствии каналов свободного издания в архивах отлагались труды не только Евгении Георгиевны Пчелиной, ряд которых до сих пор не увидел свет. Быть может, как минимум одну книгу Минне Давидовне удалось выпустить: учебное пособие или хрестоматию для

осетинской школы, подготовленную в соавторстве с Б. Боциевым¹⁸ [Книга..., 1938]. Иных сведений о М. Д. Коцовой собрать пока не удалось.

Возвращаясь к сериям негативов, упомянутым в списке Пчелиной, отметим неясность ситуация с коллекцией 42. Местом ее создания здесь обозначена Северная Осетия, год — 1926-й, число негативов — 1. В каталоге указан 1928 г., регион — Верхняя Сванетия, общества Ушкуль и Бечо, в программе работ экспедиции упоминаются Аджаристан и Кахетия, среди снимков есть экспонаты из Адыгеи и вообще без географической привязки; было сделано не менее 23 снимков, сохранилось 12 негативов [Кравчук, 2020, с. 105–107]. Номера отдельных коллекций могли поменяться или Евгения Георгиевна что-то спутала? Так, в каталоге числится коллекция Е. М. Шиллинга за № 12 из горной Чечни — единственная 1926 г. [Там же, с. 62]... Однако в своей выписке Пчелина для серии 42 рядом с местом съемок «Сев[ерная] Осет[ия]» отметила в скобках: «обряд. печ. № 1» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 10] (см. выше), что явно перекликается со снимками № 2-7948–2-7950 коллекции 42 в каталоге, запечатлевшими сванские обрядовые печенья [Кравчук, 2020, с. 106]. Неясность едва ли заслуживает специального изучения, но ее стоит отметить в качестве примера того, что записи Пчелиной, как любой подобный документ, нуждаются в проверке иными данными.

Для наглядности приведем сведения о «персонализации», годе и месте съемки серий-коллекций из списка Пчелиной и каталога М. И. Кравчук:

Почтовый индекс	Е. Г. Пчелина [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 10]			М. И. Кравчук [2020]		
	Принадлежность	Год	Место	Начальник экспедиции	Год	Место
5	Г. А. Кокиев	1927	Сев. Осетия	Г. А. Кокиев	[1927]	Сев. Осетия
6	Е. Г. Пчелина	1927	Сев. Осетия	Не установлен	[1928]	Сев. Осетия
2	Г. А. Кокиев	1928	Сев. Осетия	Г. А. Кокиев	1928	Сев. Осетия
3	[М. Д.] Коцоева	1928	Сев. Осетия	Г. А. Кокиев	1928	Сев. Осетия
4	[А. К.] Сиотоков	—	Сев. Осетия	Г. А. Кокиев	1928	Сев. Осетия

¹⁸ Боциев Барон (Борис) Тимофеевич (1901–1944) — осетинский советский поэт, прозаик, драматург. В 1930 г. окончил Коммунистический университет трудящихся Востока в Москве, в 1935 г. — аспирантуру Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Работал в партийных органах Северной Осетии, редактировал литературного журнала, возглавлял местный Союз советских писателей, преподавал в вузе.

9	Г. А. Кокиев	(этнографическая карта)		—		
3	Е. Г. Пчелина	1929	Сев. Осетия	Е. Г. Пчелина	1929	Сев. Осетия
9	Е. Г. Пчелина	1924	Курдист. уезд	—		
2	Е. М. Шиллинг	1926	Сев. Осетия	Е. М. Шиллинг	1928	Верх. Сванетия
7	Е. Г. Пчелина	1930	Юж. Осетия	Е. Г. Пчелина (?)	1931 (?)	Юж. Осетия
0	Е. Г. Пчелина	1924	Юж. Осетия	?	?	Юж. Осетия
3	Е. Г. Пчелина	1924	Курдист. уезд	Г. Ф. Чурсин	1924	Курдист. Уезд
4	Е. Г. Пчелина	1928	Сев. Осетия	?	1928	Сев. Осетия
5	Г. А. Кокиев	1931	Юж. Осетия	М. О. Косвен	1931	Юж. Осетия

Цветом выделены ячейки в случаях несовпадения (отсутствия) данных. Взаимную проверку и коррекцию частей сводки могут осуществить только специалисты, имеющие доступ к соответствующим материалам. Остается не совсем ясным, чьи фамилии указала в своем списке-выписке Е. Г. Пчелина — тех, кто тех, кто реально производил съемку (серии 23, 24), руководил ею (55), начальников отрядов (экспедиций) либо иных должностных лиц. Вместе с тем более существенным представляется уточнение годов и мест съемок отдельных коллекций, приведенных в каталоге на основании учетных документов РГАКФД, установление местонахождения коллекции 39, снятой Евгенией Георгиевной в 1924 г. в Советском Курдистане.

М. И. Кравчук указала, что публикация Л. Д. Бондарь материалов о списках негативов Е. Г. Пчелиной позволила установить принадлежность коллекций 16, 24, 30, 47, 50, 54 (коллекции 28 и 39 в материалах РГАКФД не выявлены и в каталоге отсутствуют) [Бондарь, 2019, с. 91; Кравчук, 2022, с. 23]. Разумеется, при строгом подходе даже упоминание Пчелиной части серий (33, 47, 50, 53, 54) дважды как «своих» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 2, 10] нельзя считать абсолютным тому доказательством, однако сумма данных (года, места, объекты съемок) свидетельствует в пользу ее авторства. Оно практически несомненно для:

Серии 16 (Осетия, Алагирское ущелье) — Евгения Георгиевна датировала ее 1927 г., в каталоге предположительно указан 1928-й [Кравчук, 2020, с. 75]. С 1926-го по 1931-й она ежегодно работала в Северной Осетии, и знаменитое святилище Реком, запечатленное на снимке № 2-6968 и позже ставшее центральной темой исследований, уже привлекло ее внимание.

Серии 47 (Южная Осетия) — в списке Пчелиной 1930 г., в каталоге предположительно 1931-й [Кравчук, 2020, с. 108].

Серии 50 (Южная Осетия) — Евгения Георгиевна указала 1924 г., по каталогу год съемки не установлен [Там же, с. 119]. Одним из свидетельств принадлежности коллекции Пчелиной могут служить фотографии поминок (*осет. хист*) в с. Джава Южной Осетии (№ 3-2075 и 3-2076) [Там же, с. 120]. Евгения Георгиевна изучала обряды погребального цикла, связанные с ними верованиями и подготовила работу «Страна мертвых у осетин» (первый машинописный вариант датирован 1932 г.), к сожалению, оставшейся в рукописи [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515. Л. 1]. Опубликованный снимок поминок в юго-осетинском с. Джава из материалов Пчелиной [Крапошина, 2019, с. 159, ил. 60¹⁹], к сожалению, не датированный автором, тождественен приведенному в каталоге (№ 3-2076) [Кравчук, 2020, с. 118] и размещенному на ресурсе РГАФКД [ФД 3-2076 ч/б] — правда, в зеркальном отражении²⁰, с датой съемок 1929–1931 г.

Серия 54 (Северная Осетия), 1928 г. согласно обоим источникам. Даже если бы не имелось прямого указания Пчелиной, принадлежность коллекции легко устанавливается при знакомстве с документами ее личного фонда (либо даже просто с описью 1 «Научные труды и материалы к ним», размещенной на сайте учреждения) и немногочисленными отчетами о довоенных раскопках, хранящимися в архиве ИИМК, а именно — о работах 1928 г. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 185]. Ряд снимков, согласно приведенным в каталоге аннотациям, запечатлел раскопки экспедиции — катакомб в с. Камунта (№ 2-8353, 2-8354), памятников на трассе Дигорского канала (№ 2-8665, 2-8666), могильника в с. Архон (№ 2-8690) а также «курганные ногайские могильники» (№ 2-8362) и могильник в п. Садон (№ 2-8836), где также исследовались погребения [Кравчук, 2020, с. 127–129], что прямо соответствует этапам полевой работы Евгении Георгиевны 1928 г., отраженным в указанном отчете. Каталог не содержит данных об учредителях, начальнике, составе, фотографе экспедиции [Там же, с. 126]. Архивные документы позволяют уточнить информацию: начальником являлась сама Е. Г. Пчелина, в служебной переписке указавшая даже реквизиты открытого листа № 78, выданного ей Главнаукой 2 июня 1928 г. [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 185. Л. 67]. Фотографом с наибольшей вероятностью также являлась она. Н. Г. Пчелин в 2019 г. вместе с большим количеством дополнительных материалов передал в СПбФ АРАН раздвижной деревянный штатив от камеры, которой, по его

¹⁹ Приведенный в публикации архивный шифр снимка в настоящее время некорректен.

²⁰ О чем М. И. Кравчук предупредила пользователей: «...контрольные отпечатки ФД могут быть „зеркального“ изображения, перевернуты вверх ногами и в отдельных случаях не соответствовать своему номеру» [Кравчук, 2020, с. 10, прим. 1].

сообщению, Евгения Георгиевна с середины 1920-х гг. производила многочисленные полевые съемки.

Внимательное изучение документов личного фонда позволяет определить состав экспедиции, как всегда немногочисленной — во всяком случае, персональный список раскопочной бригады на Камунтском могильнике в Дигории: «Со мной работали в 1928–1929 г. студент[-] топограф Казбек Муссаевич Агнаев²¹ и в качестве рабочих Дато Магкаев из Камунты и Константин Гутнов из Чиколы (в 1928 г.)» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 652. Л. 72]. Также Евгения Георгиевна спустя много лет писала: «...в 1928 г. по инициативе Н. Я. Марра для фиксации состояния Камунтских могильников, с открытым листом на археологическую разведку, была послана я» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 647. Л. 43]. В примечании к данному неопубликованному тексту она указывала: «Николай Яковлевич Марр... был директором Исследовательского института этнических культур народов Востока РАНИОН, в котором я работала. От Северо-Осетинского института краеведения со мной был послан студент[-]топограф Казбек Муссаевич Агнаев...» [Там же, л. 44]. Таким образом, учредителями если не всей экспедиции, то работ на указанном памятнике выступали, очевидно, НИИ народов Востока и местное научно-исследовательское учреждение, в 1925 г. получившее наименование Осетинского научно-исследовательского института краеведения [СОИГСИ 100 лет, 2019, с. 7]. Вместе с тем следует учитывать, что экспедиции Е. Г. Пчелиной носили комплексный характер не только в плане мультиобъектности изучения, но и организационном, т. е. могли патронироваться несколькими учреждениями одновременно. Так, в 1929 г. она получила от Главнауки Наркомпроса два открытых листа для работы в Северной Осетии: № 29 на зону Дигорского канала и № 52 на район «верхнего течения реки Ардон» — возможно, охранные и чисто исследовательские раскопки финансировались разными организациями [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 77. Л. 3, 4]. Отметим, что последний лист был выдан научному сотруднику РАНИОН Е. Г. Пчелиной; правда, заявление о командировке для продолжения работ в 1929 г. она адресовала 25 ноября 1928 г. в Главнауку РСФСР [РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 185. Л. 67–68].

Сложнее с **сериями 24 и 30**. Изначально записи, касающиеся негативов, были помещены автором в конверт с надписью «Список негативов Пчелиной в фото-кино архиве г. Москва[,] Лефортовский дворец. Юго[-]Осетия[,] Сев[ерная] Осетия» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 1]. Однако своими Евгения Георгиевна обозначила конкретно серии 33, 47, 50, 54 (осетинские), 53 (курдская) в записке «Мои негативы в

²¹ В оригинале отчество дано как Миссиевич, однако в иных документах фонда приводится более верная, как представляется, форма (у осетин традиционно используется имя Мусса, но нет имени Мисс, Миссий и пр.). К. М. Агнаев, биографические данные которого нуждаются в уточнении, интересовался историей, археологией, этнографией и неоднократно работал в экспедициях Е. Г. Пчелиной.

Инст[итуте] Нар[одов] Вост[ока]», а также серии 16, 33, 39, 47, 50–54 в «пространном» списке (выписке из книг поступлений архива НИИ народов Востока) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 1, 10]. Упомянутые Л. Д. Бондарь [2019, с. 91] в контексте, подразумевающим принадлежность Пчелиной, серии 24 и 28 указаны автором в карандашной записке следующим образом: «Лефортово — № 28, 24 — фото-киноархив», прямо фиксирующим лишь их местонахождение [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 3]. Серия 28 в записках более не встречается. Коллекция 24 согласно каталогу была снята в ходе работы одной экспедиции и завершала серии 22 и 23; данные коллекций 22–24 в каталоге идентичны: Северная Осетия, 1928 г., начальник экспедиции Г. А. Кокиев, фотограф не установлен [Кравчук, 2020, с. 83, 85, 88]. У Пчелиной «персональное закрепление» данных серий, как уже говорилось, несколько иное: № 22 — Кокиев, № 23 — Коцоева, № 24 — Сиотоков [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 10]. Таким образом, серию 24 она к «своим» не причисляла.

Серия 30 упомянута Е. Г. Пчелиной дважды: «Увеличения с Ист[орического] Муз[ея] (бронза) сер[ия] № 30», «Увеличения бронза ро<нрзб.> предм[ета(-ов)] сер[ия] № 30 [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 2, 6]. В каталоге она представлена единственным снимком 1928 г. из Лечхумского уезда Нижней Сванетии «Общий вид селения на хозяйственный двор со стогами сена» [Кравчук, 2020, с. 91]. Сведений о том, что география практических исследований Пчелиной в 1926–1931 гг. была шире Осетии, в источниках не встречено. Разумеется, демаркационных линий и госграниц тогда в регионе не пролегалo, вряд ли кто помешал бы ей посетить территорию к западу от Южной Осетии, хотя там находится не собственно Квемо Сванети, а Рача, населенная грузинами-рачинцами. Однако прямое упоминание в указанной записке неких бронзовых изделий наводит на мысль, что автора интересовала какая-то иная коллекция. Подтверждает это предположение внимательное изучение самих записей: в обоих случаях знак номера начертан Пчелиной близко к варианту, используемому в англоязычной типографике — No, причем далее следует дефис, и лишь затем номер серии: No-30. Подобное написание знака номера было для нее не характерно, что наглядно демонстрируют документы того же дела [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 3–5]. Также нигде при указании номеров других серий она не ставила знака номера, дефисов и тире; по-видимому, правильное обозначение серии, содержащей негативы фотографий какого-то бронзового предмета(-ов) из фондов ГИМ(?), должно выглядеть как О-30 или 0(ноль)-30. Включенные в каталог коллекции такой индексации не имеют.

Коснемся попутно коллекции 26, данные которой не установлены, состоящей из одного снимка (№ 4-2107): «Предположительно Осетия. Два музыканта с двенадцатиструнной арфой (слева) и фандыром (справа)» [Кравчук, 2020, с. 90]. Поиск на ресурсе РГАФКД не выдал даже его

аннотации; термин «фандыр» дает основания полагать, что он был сделан в Осетии. Указанные в описании инструменты — по-видимому, осетинские дуадастанон-фандыр (небольшая арфа) и дала-фандыр — струнный щипковый, нередко именуемый просто фандыром. Пчелина интересовалась дуадастаноном, о создание которого говорится в нартском эпосе, его музыкальным строем, способом игры на нем, собирала материал для статьи [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 490. Л. 12–14, 17–19]. С известной осторожностью можно предположить, что снимок был сделан ею или при ее участии в 1924 или 1926–1931 гг., в период этнографо-археологических экспедиций в Осетию.

Опорное значение в отдельных выводах М. И. Кравчук придала упоминавшемуся выше конверту, куда Пчелина некогда вложила записи о нужных ей негативах. Л. Д. Бондарь опубликовала скан этого документа в качестве единственной иллюстрации к статье [Бондарь, 2019, с. 90, рис. 1], хотя более информативным является, пожалуй, неоднократно цитированный здесь список серий. Марина Игоревна воспроизвела данный скан в урезанном виде (без верхней части) и пришла на основании анализа надписей, а также сведений Л. Д. Бондарь, к идентификационным заключениям: «...часть экспедиционных фотонегативов была передана Е. Г. Пчелиной в государственное хранилище в конверте... Надписи на конверте дали дополнительную информацию к истории фотодокументов. В них указываются не только места фотосъемок и способ передачи негативов в московский фотокиноархив, но также авторство и учредитель фотосъемок в лице Юго-Осетинского НИИ АН ГССР», и это «подтверждает слова Л. А. Чибирова о том, что с 1926 по 1931 г. по заданию дирекции Юго-Осетинского научно-исследовательского института Е. Г. Пчелиной была проведена большая работа по сбору и изучению памятников материальной культуры на территории Юго-Осетии» [Кравчук, 2022, с. 23–24].

Данный конверт едва ли послужил вместилищем негативов при их передаче Евгенией Георгиевной на хранение хотя бы потому, что находится в ее архиве, а не в РГАКФД. И едва ли при формате, близком к современному А5, он мог считаться удобным контейнером для стеклянных фотопластинок (сама Пчелина хранила их в коробках, завернутыми в листы писчей бумаги). Как надписи на конверте отразили способ передачи негативов в московский фотокиноархив, остается не совсем понятным, что можно отнести на счет личной некомпетентности. Наиболее, судя по всему, автора каталога и цитированной статьи впечатлила типографская «шапка» конверта: «Юго-Осетинский научно-исследовательский институт Академии наук Грузинской ССР, г. Сталинир, Дом советов, тел. 2-64» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559. Л. 1; Бондарь, 2019, с. 90, рис. 1]. Попытаемся внести некоторую ясность. Впервые Е. Г. Пчелина посетила Южную Осетию с научными целями в

составе комплексной экспедиции ЗНАВ в 1924 г., с 1926-го начала там самостоятельную работу. Из научных учреждений в автономной области имелось тогда Общество краеведения, преобразованное в 1925 г. из Научно-литературного общества [Абаев, 1948, с. 7]. Располагало ли оно материально-финансовыми и кадровыми возможностями для организации полевых этнографо-археологических исследований, в открытых источниках найти информацию не удалось. Перед созданным на его базе в 1927 г. Институтом краеведения уже ставились плановые задачи по изучению производительных сил автономной области, памятников истории и культуры, для чего привлекались научные силы из центров [Там же]. Возглавлявшие ЮОНИИ в разные годы В. Д. Абаев и Б. В. Техов писали о том, что институт (отметим, как таковой еще не оформившись) уже приглашал для изучения территории специалистов: экспедицию ЗНАВ в 1924 г. [Там же], в 1926 г. направил Пчелину для раскопок Джавском районе [Техов, 1971, с. 16–17].

Евгения Георгиевна активно сотрудничала с учреждением, которое в отчете о командировке на Кавказ летом 1927 г. именovala еще Юго-Осетинским Историко-Филологическим Научным Обществом, энергично работала по составлению археологической карты области [АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 29. Л. 71; СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 943; Pčelina, 1927]. Людвиг Алексеевич Чибиров, работавший в свое время в ЮОНИИ и без сомнения имеющий доступ к его архиву, использовал при написании биографо-историографической статьи о Е. Г. Пчелиной печатные источники [Чибиров, 2016, с. 47]. В приведенном М. И. Кравчук фрагменте он фактически бессмысленно процитировал аналогичную работу Б. А. Калоева, знавшего Пчелину лично и при подготовке своего текста использовавшего архивные материалы, в том числе присланные ему Георгием Николаевичем Пчелиным, сыном исследовательницы [Там же, с. 37; Калоев, 2004, с. 99, 109]. Сослался же Л. А. Чибиров при этом на Баграта Виссарионовича Техова, действительно первым, насколько можно проследить в публикациях, воздавшего должное неустанным трудам Евгении Георгиевны по изучению археологии, истории, культуры Южной Осетии в то первое советское десятилетие [Техов, 1971, с. 16–17 и др.]. Поиск специальной литературы доинформационного периода, например книги Б. В. Техова, может быть нелегко, однако статья Б. А. Калоева имеется в свободном доступе, содержит много ценных сведений о деятельности Е. Г. Пчелиной в обеих Осетиях и не только. В целом получение базовых сведений о работе Евгении Георгиевны в Южной Осетии в указанный период из открытых источников видится не представляющим особых затруднений.

Возвращаясь снова к упомянутому выше конверту в качестве своего рода вещдока, позволяющего установить учредителя ряда экспедиций и соответственно фотосъемок Е. Г. Пчелиной, мы вынуждены разочаровать

автора каталога, доклада на III Пчелинских чтениях и статьи в сборнике их материалов. Реквизиты ЮОНИИ на указанном конверте могли быть напечатаны не ранее лета 1944 г., когда институт вошел в состав АН ГССР [Абаев, 1948, с. 7, 9]. В руки Евгении Георгиевны этот конверт мог попасть в 1946 г., когда она впервые после войны приехала в Северную Осетию (сведений о посещении Южной Осетии нет, однако исключать его нельзя), либо, что вероятнее, в период работы в ЮОНИИ с сентября 1948 по апрель 1952 г. В делах личного фонда встречаются эти конверты — так, в его «брата» Пчелина поместила материалы периода работы в Северо-Осетинском антирелигиозном музее (1938–1939 гг.) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 417. Л. 1]. Не исключено, что Евгения Георгиевна привезла с собой в Ленинград удобные бесплатные конверты (Н. Г. Пчелин вспоминал ее неизменную материальную стесненность и привычку запастись канцелярские принадлежности, где возможно), избавившись хотя бы в отдельных случаях от склейки бесконечных пакетов для тематических подборок записей. Таким образом, основанием для выявления учредителя экспедиций Пчелиной 1926–1931 гг. рассмотренный документ может служить едва ли.

Кто же являлся им (либо ими) в неизвестных или сомнительных случаях? Учредители «осетинских» экспедиций автором каталога не были точно установлены для следующих коллекций:

- начальник экспедиций Пчелина — № 16 (Главнаука + ГАИМК / НИИ народов Востока?), № 33 (НИИ народов Востока?), № 47 (–), № 50 (–), № 54 (–)²²;
- начальник экспедиций Кокиев — № 22–24 (1928 г.) [Кравчук, 2020, с. 143–144].

Проще всего с **серией 50**: если принимать указанный Евгенией Георгиевной в выписке год ее создания, то в 1924 г., насколько свидетельствуют доступные источники, в Южной Осетии работала только экспедиция Закавказской научной ассоциации по изучению Кавказа и Ближнего Востока при ЗакЦИК. Е. Г. Пчелина состояла в ней прикомандированным от ГИМ членом, а начальником, как и позже в маршруте по Курдистану и Зангезуру, являлся Г. Ф. Чурсин [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 63. Л. 1, 4; Предисловие..., 1924 (1925), с. IV; Пчелина, 1932а, с. 108].

От каких организаций Пчелина в 1927–1931 гг. вела в Осетии полевые исследования, сопровождаемые фотосъемкой (**серии 16, 33, 47, 50, 54**)? Однозначно могут ответить только документы, если они уцелели в соответствующих архивах. Материалы 1920-х гг. в личном фонде Пчелиной представлены существенно меньшей долей, чем более поздние. При скрупулезном хранении Евгенией Георгиевной различных справок,

²² Перечислены в порядке номеров серий, а не годов создания; о перспективах уточнения приведенных в каталоге датировок коллекций с использованием рассмотренных документов из архива Е. Г. Пчелиной см. выше.

удостоверений, мандатов прямых свидетельств не выявлено. Служебные материалы московского периода ее деятельности (1924–1932 гг.) остались в архивах соответствующих учреждений (свод по АРАН см. [Осипова, 2019]), в Ленинград она привезла с собой лишь часть научных. Из них сохранились явно не все (так, в послевоенных записях нередко отсылки к полевым дневникам 1920-х гг., содержащим ценную информацию, но представленным в личном фонде главным образом извлечениями из них). В личных записях подобным «административным» деталям Пчелина внимания не уделяла, в отчетах о раскопках тех лет обходилась, как правило, без преамбул, упоминающих финансировавшие либо иначе поддерживавшие исследования организации.

В 1926–1932 гг. Евгения Георгиевна числилась в следующих учреждениях, организовывавших различные экспедиции: ГИМ, НИИ народов Востока, Всесоюзная научная ассоциация востоковедения («зачислена членом-сотрудником» 20 марта 1928 г., ассоциация существовала до 1930 г.), Осетинский НИИ краеведения [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 5. Л. 27 об., 30 об., 31 об.]. Имеющийся в личном фонде ценный документ — трудовой список, содержащий данные за 1915–1931 гг., ведшийся в ГИМ (основном месте службы Пчелиной [Осипова, 2019, с. 86]), обнаруживает пеструю «управленческую» картину ее полевых выездов на Кавказ в период с 1926 по 1931 г. [Там же. Л. 27 об.–33]:

Год, месяц, число	Трудовая деятельность	Основание
1926.VII	«Произвела работу по обследованию Юго-Осетии для составл[ения] археологич[еской] карты области по команд[ировке] Историч[еского] Муз[ея] и Иссл[едовательского] Инст[итута] по изуч[ению] яз[ыков] и этн[ических] к[ультур] нар[одов] Вост[ока] СССР»	1) мандат Главнауки Грузии от ⁶ /VII 1926 г. № 15843; 2) распоряжение Областного комитета комсомола Юго-Осетии от ⁹ /VII 1926 г. № 2347; 3) командировочное удостоверение ГИМ от ¹³ /V 1926 г. № 2799; 4) командировочное удостоверение НИИ народов Востока от ¹⁹ /V 1926 г. № 680
1927.V.31	«Командировка Гос[ударственного] Исто[рического] Музея на три месяца для производства археологических работ в Юго-Осетии»	командировочное удостоверение от ³¹ /V 1927 г. № 2799
1927.VI.11	«Командировка Иссл[едовательского] Инст[итута] нар[одов] Вост[ока] в Северную и Южную Осетию	командировочное удостоверение НИИ народов Востока от ^{II} /VI 1927 г. № 1231

Год, месяц, число	Трудовая деятельность	Основание
	для археологических работ на три месяца»	
1927. VI.25– VII.15	«Произвела раскопки в горной части Сев[ерной] Осетии (селение Лац)...»	«[командировочное] удостов[ерение] № 978 от ^{19/} _{<прзб.>} 1927 г. выдан[о] Осет[инским] Научно-Иssl[едовательским] Инст[итутом] (во Владикавказе)
1927. VII.29 – VIII.30	«Произвела раскопки в Юго-Осетии в сел[ениях] Челиат и Эдисси Рокск[ого] района...»	«[командировочное] удостов[ерение] № 20179 от ^{29/} _{VII} 1927 г. выдан[о] ЦИК'ом Юго-Осетии»
1928. V.14	«Назначена ответственным руководителем археологической экспедиции на территории прорытия Дигорского канала»	распоряжение Главнауки РСФСР от ^{14/} _V 1928 г. № 50321
1928. V.28	«Командирована Научно-Исследовательск[им] Инст[итутом] Народов Востока в Южную и Сев[ерную] Осетию для археологических работ»	[командировочное] удостоверение от ^{28/} _V 1928 г. № 1737
1928. VI.8	«Командировка от Научной Ассоциации при ЦИКе СССР для археологических работ в Сев[ерной] и Южной Осетии»	[командировочное удостоверение?] от ^{8/} _{VI} 1928 г. № 5715
1928. VI.13	«Командировка от научно-исследоват[ельского] Осетинского института краеведения для археологических работ в Северной Осетии»	[командировочное удостоверение?] от ^{13/} _{VI} 1928 г. № 453
1931. VII– VIII	«Командирована в Юго-Осетию для научных, археологических работ»	приказ [по ГИМ] № 116 п. 6

Обращает на себя внимание отсутствие записей о командировках в 1929 г. По всей видимости, Евгения Георгиевна использовала для «поля» очередной отпуск с 20 мая по 20 июля указанного года (отметим его завидную продолжительность) и отпуск без содержания с 20 июля по 20 августа [Там же. Л. 31 об., 32]. Также в документе не нашла отражения летняя командировка 1930 г., однако в архиве имеется удостоверение от 25 мая 1930 г.: «Настоящим Государственный Исторический Музей командирует действительного члена Е. Г. Пчелину в Южную Осетию для проведения там археологических раскопок, сроком с I/VI по I/IX-1930 года, для чего тов. Пчелиной выдан талон на льготный проезд № 0251143» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 62. Л. 8]. Имеется рукопись отчета о летнем полевом сезоне (с 28 мая по 5 сентября) 1930 г., посвященном главным образом делу охраны памятников и разведкам в Южной Осетии,

помещенного в документы о работе Евгении Георгиевны в Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Востока [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 64. Л. 9–12 об.]. Из отчета не следует, в какое учреждение он был сдан, иных сведений о закавказских командировках Пчелиной в указанный период в фонде не выявлено, однозначный ответ может дать только личное дело в упоминавшемся фонде 677 АРАН. Остается предполагать, что изначально отчет находился среди соответствующих документов (Е. Г. Пчелина сама подготовила свои материалы к сдаче архив), либо обработчики имели основания для подобной комплектации дела. Косвенно в пользу этого могут свидетельствовать заключительные строки текста: «Результатом этой двухмесячной работы явилось кроме того пополнение в моих этнографических заметках, которые прорабатываются мною к сдаче в печать в этом году этнографической работы по положению женщины и производственным культам осетин. За лето снято мною около 7 дюжин фотопластинок» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 64. Л. 12 об.]. Предположим, что этнографические успехи Пчелиной мало заботили руководство ГИМ (хотя была еще ВНАВ), а свои негативы Евгения Георгиевна сдавала в НИИ народов Востока.

Перечисленные в трудовом списке документы (удостоверения и пр.) в основном подтверждали полномочия либо носили разрешительный характер, содержали требования об оказании содействия со стороны властей на местах — как, вероятно, несколько экзотическое в археологической практике даже тех лет распоряжение обкома комсомола. Однако командировки от ОсНИИК и ЦИК Юго-Осетии (орган управления автономной области именовался так) могли означать и финансирование (полное ли, частичное) либо иную поддержку, при этом задания разных учреждений, надо полагать, представляли для самой исследовательницы единый комплекс работ, включающий фотосъемку по ходу движения и во всех пунктах остановки. Возможно, разыскание отчетной документации поможет точно определить учредителей каждой экспедиции или, скорее, этапа полевых исследований Пчелиной в 1926–1931 гг.; на основании известных пока сведений делать это можно лишь предположительно.

Приведенная выборка сведений из трудового списка показывает, что Пчелина получала командировки в один сезон и в один регион от разных учреждений. В целях командировок трудовой список зафиксировал работы археологического характера (быть может, для краткости, или термин «комплексный» еще не использовался в служебном лексиконе), однако вряд ли что-то мешало, к примеру, в одном селении вести раскопки (обычно недолгие и ограниченные по площади), обследовать памятники, собирать этнографический материал и осуществлять съемку. Какое из трех столичных научных учреждений (не говоря об одном административном — ЦИК Юго-Осетии) выступало главным учредителем экспедиции(-ций) Пчелиной в 1927–1930 гг., к которым относятся серии 16, 33, 47, 50, 54 по ее

списку, ставился ли сам вопрос, на основании имеющихся данных сказать не беремся. Вполне возможно, что комплексные де-факто исследования формально (прежде всего отчетно-финансово) делились на линии или сектора в соответствии с профилями поддерживавших учреждений. Так, для ГИМ первоочередную ценность, надо полагать, представляли добываемые при раскопках артефакты, будущие экспонаты²³; для НИИ народов Востока — этнографические материалы, в том числе фотографии. ОсНИИК и Юго-Осетинский НИИ Евгения Георгиевна преимущественно интересовала, вероятно, как археолог, специалист по обследованию и охране памятников. Этнографические исследования успешно проводили пусть не имевшие должной подготовки, но знающие язык и любящие родную культуру представители местной интеллигенции, с археологическими кадрами обстояло хуже (так, Л. П. Семенов и И. П. Щеплыкин, проводившие в 1920-е гг. раскопки в Северной Осетии и Ингушетии, при всей широте знаний не являлись в данной области профессионалами).

В архивных документах можно встретить отдельные указания на учреждения, финансировавшие работы Пчелиной в 1928–1929 гг. Так, отношение Научного отдела Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнауки) Наркомпроса РСФСР от 14 мая 1928 г. № 50321 в адрес Северо-Осетинского исследовательского института краеведения (г. Владикавказ, ул. Советов, д. 9) уведомляло: «Главнаука Н[ародного] К[омиссариата] П[росвещения] летом 1928 г. организует Археологическую экспедицию, на территорию прорытия Дигорского канала и окрестностей его. Экспедицией будет руководить сотрудник I-го разряда РАНИОН Народов Востока²⁴ Е. Г. Пчелина.

На проведение означенной экспедиции ассигновано Главнаукой НКП 1000 (тысяча) рублей, каковая сумма переводится в Ваш адрес. Деньги должны расходоваться исключительно на означенную экспедицию.

Руководителем и ответственным лицом перед Главнаукой назначается Е. Г. Пчелина, с которой Вам надлежит связаться по вопросу о плане экспедиционных работ и всем организационным вопросам» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 65. Л. 2, 2 об.]

Процитируем заявление в Главнауку РСФСР помощника хранителя Археологического отдела ГИМ, научного сотрудника I разряда Института народов Востока РАНИОН Е. Г. Пчелиной (Москва, 25/XI-28 г.): «На

²³ Показательно ходатайство музея от 17 апреля 1929 г. № 1722 в Главнауку, затягивавшую выдачу разрешения на работы: «Рассмотрев заявление Е. Г. Пчелиной о выдаче ей открытого листа не на разведки, а на раскопки в Северной Осетии во время экспедиции, организуемой по линии Главнауки, Правление Гос[ударственного] Историч[еского] Музея в целях надлежащих результатов работы (получения памятников) считает целесообразной выдачу Е. Г. Пчелиной открытого листа именно на раскопки» [РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 185. Л. 86].

²⁴ Так в оригинале.

основании вышеизложенного прошу Главнауку командировать меня на раскопки в Сев[ерную] Осетию... На все предполагаемые мною работы потребуются средства по прилагаемой мною смете, каковую сумму и прошу отпустить мне вместе с открытым листом на раскопки» [РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 185. Л. 67, 67 об.]. Смета на сумму 1424 руб. включала среди прочего разъезды на арбе (5 руб. в сутки), аренду верховой лошади по 3 руб. в сутки, 50 руб. на фотографический материал, оплату рабочих по 2 руб. в день, суточные специалисту-химику в размере 5 руб., суточные начальнику экспедиции — 3,5 руб. и помощнику — 3 руб. [РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 185. Л. 67 об., 68].

Отчет о раскопках летом 1929 г. в Северной Осетии Евгения Георгиевна начала так: «Вследствие некоторой задержки с получением открытого листа на раскопки весной 1929 г. я опоздала к распределению Главнаукой сумм на археологические работы и принуждена была располагать лишь 300 рублями[,] отпущенными мне Гос[ударственным] Историч[еским] Музеем» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 563. Л. 1].

Следует отметить указание в публикации организатора раскопок (и явного учредителя экспедиции) 1931 г. в Южной Осетии: «По плану работ Научно-исследовательского института Юго-Осетии, археологическая экспедиция в 1931 году должна была произвести раскопки нескольких памятников по определенному маршруту. Но недостаточность средств и рабочих в этом году не дали возможности развернуть работы[,] и пришлось ограничиться небольшими рекогносцировочными раскопками одного могильника около селения Нули» [Смирнов, Пчелина, 1933, с. 287].

Вопросы тождественности в ту пору финансирующей организации учредителю экспедиции, считалась ли среди них выделившая наибольшие средства главной, являлись ли учредителями все причастные инстанции — откомандировавшие сотрудника, ассигновавшие деньги, предоставившие материально-техническое обеспечение и работников — требуют знания предмета либо отдельного исследования, выходящего за рамки наших частных задач. Скомпилировав некоторые данные, определение учредителей экспедиций Пчелиной оставляем специалистам, быть может, самой Марине Игоревне Кравчук. Выскажем лишь частные соображения: коллекции негативов Пчелиной 1926–1930(1931) гг., в основном этнографического характера, оказались в архиве НИИ народов Востока. С 1925 по 1931 г. она являлась его сотрудником, направлялась им в экспедиции, носившие упомянутый комплексный характер, вероятно, больше за счет энергии самой Евгении Георгиевны, чем согласования планов учреждений разного профиля и даже локации. Приведем данные Н. М. Осиповой по документам указанного института: «В сводке индивидуальных заявок на экспедиции и поездки... на 1927 г. Е. Г. Пчелиной указана экспедиция в Южную Осетию для этнографических исследований...» [Осипова, 2019, с. 85]. Вероятно, эти исследования

производились по линии данного учреждения, полученные материалы описательного и изобразительного характера представлялись туда.

Коллекцию 50, снятую в Южной Осетии в 1924 г. экспедицией, достоверно организованной ЗНАВ [Предисловие..., 1924 (1925), с. IV], возможно, Пчелина сдала в архив НИИ народов Востока в следующем, 1925 г., когда стала сотрудником учреждения. Добавим, вместе с серией 53, значащейся в каталоге за Г. Ф. Чурсиным, а в записях Пчелиной — с ее авторством.

Коллекции 22–24 Г. А. Кокиева были созданы, надо полагать, также в экспедиции(-ях), организованных тем же институтом (все три связанных с этими коллекциями лица, упоминаемые в каталоге и в записях Пчелиной, являлись его аспирантами либо сотрудниками), почему и оказались так же в его архиве. ОсНИИК мог выступать соучредителем исследований.

Знакомство с исследовательской биографией Е. Г. Пчелиной, соответствующими документами и материалами позволяет лучше понять организацию ее полевых работ на Кавказе в активный период 1926–1932 гг. Экономическое образование и явно выработанное к тому времени умение выживать в любых условиях помогали ей «научно крутиться», выражаясь сегодняшним языком. По-видимому, предвосхищая работу по нескольким грантам на одном материале и финансирования близких исследований разными учреждениями, в типовом случае она ехала в Осетию с командировками и некоторыми суммами от ГИМ (на раскопки), НИИ народов Востока (для сбора этнографических материалов и фотосъемки), открытым листом и более солидными средствами Главнауки. На месте получала какие-то субсидии и кадрово-материальную помощь от НИИ и музеев краеведения для раскопок, обследования территорий, учета памятников. Далее успевала выполнить полевые планы, обработать материалы, сдаваемые в музеи, поучаствовать в налаживании их деятельности (спустя десятилетия В. А. Кузнецов писал о найденном в фондах Северо-Осетинского республиканского музея краеведения планшете с находками и фотографией — следах экспозиционных трудов Евгении Георгиевны [Кузнецов, 1980, с. 67–68]). Многие ее научные построения остались в своем времени, но как не восхититься энергией, трудоспособностью, объемом собранного материала? По-видимому, он известен даже сейчас не весь, исследователей еще ждут находки.

Данные о нужных ей сериях негативов, хранившихся в НИИ народов Востока, Е. Г. Пчелина зафиксировала, как было предположено, в середине 1930-х гг., после передачи его фондов в Центральный фотофонокиноархив. «Обобщила» она их скорее всего в 1948–1952 гг., когда работала в ЮОНИИ, поместив в описанный выше конверт. По субъективному впечатлению (особенности почерка, цвет чернил), список серий с указанием фамилий и номеров мог быть составлен тогда же, на основе имевшихся либо

пополненных данных (ей предоставлялись командировки в Тбилиси, Москву, Ленинград [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 76. Л. 21, 50, 53]).

Почему в это время? В десятилетие с 1930 по 1940 г. вышли (были подготовлены) ее основные работы по этнографии и памятникам культуры Кавказа [Пчелина, 1930, 1932а, 1932б, 1934, 1937, 1940]. Для них нужны были иллюстрации. В Северной и Южной Осетии наряду с полевыми исследованиями она занималась также музейной деятельностью, для которой равно могли требоваться наглядные материалы. Являясь сотрудником НИИ народов Востока, Евгения Георгиевна, надо полагать, имела облегченный доступ его к архиву. После передачи фотофондов в специализированное хранилище потребовалось знание его координат, что отразилось в записи адреса и телефона. На рубеже 1940–1950-х гг. в Сталинире Пчелина активно работала над докторской диссертацией о святилище Реком в Северной Осетии, снимки наверняка были желательны для этих целей, а также для выполнения служебных задач в местных НИИ и музее. Косвенно догадку может подтверждать название дела 945 описи 1 личного фонда Е. Г. Пчелиной в СПбФ АРАН: «„Официальные “Учетные списки” памятников древности по Юго-Осетии“: перечни археологических памятников и списки фотографий памятников Юго-Осетии в музейных коллекциях (Московский институт народов советского Востока, Комитет по охране памятников старины и искусства Грузинской ССР и др.)» (1920–1950-е гг.) [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 945].

Также рассмотренные материалы скорее опровергают сделанный М. И. Кравчук после знакомства с публикацией Л. Д. Бондарь вывод о том, что «Е. Г. Пчелина сдавала не сразу все свои негативы в научный архив института. Часть из них она оставляла себе» [Кравчук, 2022, с. 23]. Какую-то — вероятно, необходимую для отчетности — часть Евгения Георгиевна сдала в архив НИИ народов Востока своевременно, почему в 1934–1936 гг. вынуждена была уточнять местонахождение своих коллекций, адрес архива и фамилию его руководителя, в дальнейшем выписывать из книг учета номера серий и составлять списки нужных отпечатков. Другую часть (что не противоречило, быть может, практике тех лет, либо исходный фотоматериал приобретался за свой счет) действительно оставила у себя для будущих публикаций, к сожалению, осуществившихся далеко не в задуманном объеме. Хранившиеся у Пчелиной негативы в итоге также попали в архив, пусть другой, актуальной задачей видится их скорейшая, но тщательная обработка.

* * *

Изучение каталога М. И. Кравчук, изредка удачные попытки найти фото в электронном каталоге РГАФКД — занятие увлекательное и полезное для расширения предметных знаний в области археологии, этнографии, истории изучения Северного Кавказа. По ходу его трудно было не отметить мелкие неточности в издании. Поскольку в свете

информации, ставшей доступной после введения архива Евгении Георгиевны Пчелиной в научный оборот, каталог будет, вероятно, доработан, приведем некоторые из них. Ввиду отличий в аннотациях снимков каталога и указанного ресурса, высокой значимости материалов, необходимости привлечения внимания специалистов включение заметок в данный отзыв видится предпочтительнее отсылки напрямую автору каталога или в Архив фотокинодокументов²⁵. Далее в перечислении указываются коллекции, страницы каталога, архивные номера негативов.

Коллекции 1 и 2, привезшая их экспедиция «была продолжением первой поездки в Ингушетию в 1919 г.» (с. 12, 14) — насколько точна датировка? В 1918 — начале 1919 г. территория края являлась ареной перманентных боевых действий. 11 февраля 1919 г. Добровольческая армия заняла Назрановский округ, белая власть держалась там до марта 1920 г. [Орешин, 2015]. Фронты Гражданской войны были проницаемы, прибывших из центра ученых вряд ли тотчас расстреляла бы деникинская контрразведка или зарезали повстанцы, но в целом обстановка для исследований складывалась крайне неблагоприятная.

Коллекция 4, 1921 г., с. 21, маршрут экспедиции: «Горная Ингушетия: Владикавказ... — Сунжа...» — не касаясь споров о принадлежности г. Владикавказа в пред- и постреволюционный период, отметим: он и нынешний г. Сунжа, носивший в 1921 г. название станица Сунженской, расположены в пределах Осетинской наклонной равнины, географически относящейся к предгорной полосе.

Коллекция 7, с. 39–40, № 4-5195, 4-5412, 4-5413, 4-5415: «Дагестан АССР аул Ицари. Мечеть Михраб» — вероятно, речь идет все же не о собственном названии мечети, а элементе архитектурного интерьера (нише с аркой), тем более что в аннотациях к снимкам № 4-5314, 4-5414 указан михраб мечети.

Коллекция № 15, с. 68, территория работы экспедиции: «Горная Осетия Дигория» — даже если так значится в документах, корректнее «Горная Северная Осетия (Дигория)». Расположенная на западе Северной Осетии Дигория включает равнинную и горную части.

Там же: «сотрудник Московского НИИ по изучению культур народов Востока» — в 1927 г., насколько удастся проследить, Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов советского Востока РАНИОН; «Московский», во всяком случае официально, не употреблялось.

Там же: программа работ охватывала Санибанское, Даргавское (корректнее Даргавское) и Кобанское ущелья, относящиеся к исторической Тагаурии на юго-востоке Северной Осетии. Маршрут показывает, что экспедиция посетила Куртатинское (с. Дзивгис—

²⁵ Отдельные уточнения по просмотренным в электронном каталоге фотографиям направлены в РГАФКД, где их обещали рассмотреть.

Даллагкау–Лац) и Алагирское ущелья (с. Нузал), а лишь затем горную Дигорию (села от Галиата до Мацуты). Нестыковки особенно странны, если отчетную либо иную документацию по экспедиции оформлял уроженец Дигории Г. А. Кокиев, явно знавший территорию Осетии.

Там же, с. 70, № 3-1940: «Ула(г)конское ущелье» — Уаллагкомское.

Там же, № 3-1951: «Дигория. [Мацута]. Каменное корыто нарта Сослана» — один из памятников в с. Мацута, связываемый с героем нартского эпоса: искусственное углубление в камне, известное как рукомойник Сослана либо корыто, из которого он кормил своего любимого коня [Вольная, 2019, с. 209].

Там же, № 3-1952: «Северная Осетия. Дигория. Алагирское ущелье. Селение Нузал» — Алагирское ущелье протекает восточнее Дигории, при этом они представляют собой не просто две орографических провинции, но разные культурно-исторические области Осетии. Село Нузал находится в Алагирском ущелье.

Там же, № 3-1953, 3-1954: «Дигория. Алагирское ущелье. Селение Галиат» — с. Галиат расположено в долине р. Коминдон Дигорского ущелья; № 3-1954: «[Галиат. “Avd dzuar”]» — Авд-дзуар (Авд дзуары), небольшая средневековая церковь, превращенная в святилище (дзуар), стоит на склоне горы над Галиатом.

Там же, с. 71, № 3-1955: «Дигория.... Некрополь на перевале между Куртатинским и Алагирским ущельями» — данные ущелья расположены восточнее Дигории и не относятся к ней.

Там же, с. 72, № 3-1971: «Алагирское ущелье. Селение (П)уза(пс). Вид селения с древними укреплениями на скале» — селение Нузал с крепостью в обрывистом склоне горы (см. [ФД 3-1971 ч/б]).

Там же, № 3-1975: «Сатай-Зайбадз. [“Sathaj Zapbadz”]» — Сатай-заппадз (в русской транскрипции ранее писалось забпадз), чаще Сатай/Сатайи-обау (Сатай Обау), «склеп Сатая», легендарного основателя с. Лезгор — небольшая церковь-усыпальница в местности между с. Лезгор и Донифарс [Белецкий, 2011, с. 29].

Там же, с. 73, № 3-1987: «Аппарат для гонки араки (самогонки из аниса)» — семя аниса служит не основой, а добавкой при изготовлении блюд и напитков. Ароматизация им алкоголя исторически практикуется на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Осетинская арака традиционно изготавливается из зерен (кукурузы, ячменя и др.) без подобных «присадок».

Там же, № 3-1994: «Сел. Лац. Торжество в честь Георгия Победоносца» — для Осетии характернее именование «святой Георгий», который отождествляется с традиционным божеством Уастырджи. В 1927 г. в горном селении, вероятно, отмечался не церковный, а народный праздник чествования Уастырджи.

Коллекция 22, Даргавское ущелье, 1928 г., с. 84, № 4-44412: «сел. Даргавс. Вид „мертвого города“» — устоявшееся название известного склепового могильника «город мертвых».

Коллекция 23, Даргавское ущелье, 1928 г., с. 86, № 4-4100: «Старик-сказитель... Инарко Уарзнев» — существует осетинская фамилия Уарзиновых (Варзиновых). В аннотация РГАФКД фамилия приведена как «Гарзинов» [ФД 4-4100 ч/6].

Там же, № 4-4104, 4-4109, 4-4120; с. 87, № 4-4128: «Орджоникидзе (Владикавказ)» / «Орджоникидзе» — в 1928 г. город назывался Владикавказом (Орджоникидзе с 1931 г.).

Там же, с. 86, № 4-4107: «сел. Кобан. Вид могилы Чермена (?) около села» — Чермен Тулатов жил в первой трети XIX в. Прославился выдающимися личными качествами и борьбой против родственников-феодалов, обделивших его землей и притеснявших крестьян. Вынужденно заключив с ним мир, родственники предательски убили его. Образ Чермена воплотился в героических песнях и преданиях [Бзаров, 1993].

Там же, № 4-4118 (см. также с. 87, № 4-41312): «сел. Кобан. Вид могилы Хазби (?)» — Хазби Аликов стал героем сопротивления жителей села карательной экспедиции генерал-майора И. Н. Абхазова в 1830 г. О Хазби Аликове были сложены исторические сказания и знаменитая песня [Скитский, 2011, с. 135–137; История СОАССР..., с. 229–230].

Там же, с. 87, № 4-41312: «Селение Кобан. Дальний план на село, где происходила борьба Хазби с русским[и] войсками при завоевании ими Кавказа» — в аннотации слышен отзвук времени и историко-марксистских установок, быть может, взглядов самого Г. А. Кокиева на упомянутые события как часть антиколониальной борьбы осетинского народа [Кокиев, 2011, с. 131–135]. Осетинские общества с 1774 г. добровольно принимали формальное российское подданство, получая ряд преимуществ, в частности возможность переселяться на равнину. Введение общеимперских законов и административных порядков вызвало противодействие населения, в том числе вооруженное, переплетавшееся с традициями набегов и грабежа. Для его окончательного подавления и утверждения власти на местах в Северную Осетию (Тагаурию) была послана экспедиция генерала Абхазова. Встретив организованное сопротивление, русское командование действовало с «примерной» жестокостью, с. Кобан было сожжено летом и полностью разрушено с выселением жителей в декабре 1830 г. [Блиев, 1964, с. 165, 168–170]. Экспедиция 1831 г. небольшого отряда генерала Горихвостова в Дигорию завершилась бескровно [Там же, с. 171]. Волнения случались и позже, однако говорить о завоевании Осетии подобно Западнему и Восточному Кавказу едва ли правомерно.

Коллекция 24, с. 87, № 4-5009: «сел. Даргавс. Два сотрудника экспедиции у стены кирпичной кладки с прорезями (боевой стены времен Шамиля)» — 1. В электронном каталоге РГАФКД снимок не представлен,

об объекте трудно судить, факт использования в горной Осетии в середине XIX в. для строительства кирпича стоит уточнить. 2. Боевые действия Кавказской войны прямо не затронули Даргавс и вообще горную полосу Осетии. Равнинная часть подвергалась опасностям: так, имела место попытка штурма Гази Мухаммадом в марте 1832 г. крепости Владикавказ с отрядом, в который входили осетины [Хроника..., 1941, с. 47; Доного, 2007; Емельянова, 2003, с. 134], мюриды и сторонники имама в 1840-х гг. нападали на сунженские поселения, на моздокские станицы, где жили казаки-осетины, встречая достойный отпор [Сосиев, 1903, с. 39–40; Тотоев, 1954, с. 57–58]. В 1846 г. Шамиль двинул войска в Осетию и Кабарду, разграбив по пути с. Эльхотово, жители которого оказали активное сопротивление [Тотоев, 1954, с. 60–61]. Сам поход исследователи характеризуют как масштабный по замыслу, но желаемых результатов не принеший [Блиев, Дегоев, 1994, с. 459, 485]. Осетия занимала определенно место в планах имама, но оборот «время Шамиля» к памятникам ее горной части приложим условно.

Коллекция 33, с. 95–96, № 3-2448–3-2453: «Алагирское ущелье сел. Гелц» — не совсем ясно, о каком селе идет речь (в Дигорском ущелье есть с. Галиат).

Там же, с. 96, № 3-2459: «сел. Архон. Семья Цари Темирканова» — Уари Темирканова, на территории усадьбы которого в 1928 г. была случайно обнаружена катакомба, раскопки которой положили начало изучению аланского Архонского могильника [РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 185. Л. 46].

Там же, с. 96–97, № 3-24702–3-2481: «Алагирское ущелье сел. Урсдон. Заповедник родового святилища Михдау дзуар» — в Северной Осетии известно минимум три святилища с таким названием. Пчелина описывала целую «заповедную местность Михдау-дзуар» в Урсдонском ущелье (правобережье р. Ардон) с рядом святилищ, включая главное [РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1938. Д. 252. Л. 27–29; Пчелина, 1947, с. 149, 153 (табл. I); СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 150. Л. 27–32; СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 156. Л. 36–39]; см. также [Мамиев, 2003]. Святилище Мигдау-дзуар имеется в с. Камцо (Камсхо) Мамисонского ущелья [Тменов, 1984, с. 146; Тменов, 1996, с. 157]. Третье, «зиккуратное» ступенчатое святилище находится на восточной окраине недалекого с. Лисри [Тменов, 1984, с. 148, 269; Тменов, 1996, с. 144, 158; Салбиев, 2014а, с. 125–126].

Там же, с. 97, № 3-2482–3-2484; с. 98, № 3-2558, 3-2560, 3-2561: «Алагирское ущелье. Дзуар Сау-Барек (капище бога воров)» — дзуар Сау Барек (Саубараг, Сау бараджи дзуар), святилище покровителя разбойников — пещера в районе с. Биз [Салбиев, 2014б, с. 149], расположенного в долине р. Ардон между с. Тамиск и Зинцар, на трассе древней перевальной дороги и современного Транскама. В материалах фонда Е. Г. Пчелиной имеются снимки небольшого полуразрушенного

строения, на одном сзади ею указано: «фото Пчелиной 1928 г.», на другом: «сел. Биз, святилище Саубарег (покровителя набегов). Сев[ерная] Осет[ия] Алаг[ирское] ущ[елье]. Снято на молении 1929 г. Е. Пчелина» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 163. Л. 59, 59 об., 58, 58 об.]. На сайте РГАФКД представлен указанный снимок Пчелиной 1929 г. в зеркальном отражении с аннотацией: «Михдау Дзуар (святое место) вблизи селения (капище бога воров). Место съемки: Осетия Северная\Уредон²⁶ селение» [ФД 3-2484 ч/б].

Там же, с. 101, № 3-2648, 3-2649: «сел. Урсдон. Эльмурза Амбанов (97 лет) с женой» — существует осетинская фамилия Амбаловых.

Коллекция № 47, с. 111, № 3-3246: «сел. Джава (Дзау). Житель села Х. З. Джигоев, получивший первым в Юго-Осетии высшее образование» — очевидно, Христофор (Пора) Зурабович Джигоев (1873–1935), священник, преподаватель гимназии, редактор, основатель педагогического училища в Цхинвале, после революции один из создателей Юго-Осетинского музея краеведения. Евгения Георгиевна была с ним знакома. Он родился в с. Джава, служил и работал в Тифлисе и столице Южной Осетии. Не исключено, что имелось в виду «уроженец села Джава»; если проживание Х. З. Джигоева на тот момент в родном селе имело место, это могло быть вызвано условиями времени. Сведений о репрессиях в отношении него не выявлено.

Коллекция 50, с. 119, маршрут экспедиции; с. 120, № 3-2068, 3-2069: «Рокский район. Селение Оба» — название села, по всей видимости, Сба. Рокский район Юго-Осетинской автономной области существовал в 1922–1940 гг.

Там же, с. 120, № 3-2070: «Аул Роки. Крепость, принадлежащая русским войскам при завоевании осетинов в 1803–1830 гг.» (см. также колл. 55, с. 133, № 3-2115) — заставляет вернуться к сказанному выше о завоевании Северной Осетии. В Южной ситуация осложнялась противостоянием крестьян и грузинских феодалов, бесконтрольное владычество которых империя поддерживала в сложный период войн с Наполеоном, Турцией, Персией по недостатку ресурсов для упорядочения правления краем, восстаниями осетин против грузинских крепостников, проперсидски настроенных местных царевичей — против российской власти и пр. [Блиев, 2006, с. 45–96]. В первой трети XIX в. на территории Южной Осетии карательные экспедиции и боевые действия имели место чаще, чем в Северной, и все же о говорить «завоевании осетинов» едва ли корректно — равным образом царизм подавлял бунты российских крестьян и политическое выступление декабристов. После жесткой кампании генерал-майора П. Я. Ренненкампа в 1830 г. и введения российской администрации (правда, с грузинской знатью на ключевых

²⁶ Урсдон.

постах) градус антифеодальной и национально-освободительной борьбы удалось снизить, волнений и ответных акций стало меньше [Там же, с. 105–115; История Осетии..., 2019, с. 17–18]. Многие противоречия, однако, не нашли разрешения вплоть до отмены крепостного права, социалистической революции и, частью, даже наших дней. К характеристике снимка № 3/3-2070 добавим, что на сайте РГАФКД он датирован 1929 г. [ФД 3-2070 ч/б], а другие из этой коллекции — например, № 13/3-2080 — промежутком 1920–1929 гг. [ФД 3-2080 ч/б] либо не датированы вообще.

Там же, № 3-2208: «Дорога из Хвуче» — с. Хуче (Хвуче).

Там же, № 3-2209: «Селение Челлат „Западзи“» — видимо, с. Челиат; западзы — наземные и полуподземные склепы.

Коллекция 54, с. 127, № 2-8357: «Дигорское ущелье аул Архон» — с. Архон расположено в Алагирском ущелье Северной Осетии.

Там же, № 2-8362: «Дигорское ущелье между селениями Магомет аковский(?) и Ахсарисаром» — с. Магометановское (с 1934 г. Чикола).

Там же, с. 128, № 2-8603: «сел. Архон. Кладбище. Ряд санбадзов (?)» — очевидно, западзов (см. выше).

Там же, № 2-8604, 2-8606, 2-8607: с. Эльхотово, «минарет близ селения, воспетый А. С. Пушкиным» — Татартупский минарет на развалинах средневекового города (Верхнеджугатское городище).

Мы не привели явных ошибок вроде «инвентаря гробных раскопок» (с. 71, № 3-1956), «Г. А. Кокиев... с трупой» (с. 72, № 3-1970), искажений топонимов в аннотациях одной коллекции и пр. Стоит отметить, что текст замечательного каталога нуждается в вычитке и корректорской правке.

В заключение упомянем, что на показанных М. И. Кравчук в ходе доклада photographиях № 3-2281, 3-2284, 3-2285 коллекции 33 (1929 г., Алагирское ущелье) [Кравчук, 2020, с. 93] за расчесыванием шерсти запечатлена похожая на Пчелину, но другая женщина. На фото из коллекции 54 № 2-8610 «1928 г. Без места. Группа из шести человек славянской наружности и европейской одежде» [Там же, с. 128] вторая слева — Евгения Георгиевна. Автор, оговаривая предположительность, верно идентифицировала ее среди запечатленных на снимке лиц [Кравчук, 2022, с. 22, 23, рис. 3]. Мы позволим себе привести ниже увеличенное превью этой фотографии (рис. 3), размещенное в свободном доступе на ресурсе РГАКФД [ФД 2-8610 ч/б]. Отметим, что в указанной статье М. И. Кравчук фрагмент снимка с Пчелиной развернут зеркально — возможно, для наглядного сопоставления с фотопортретом из личного фонда в СПбФ АРАН [Там же, с. 23, рис. 3, 4]. На рис. 3 изображение приводится идентично электронному каталогу РГАКФД. Аннотация, сопровождающая там снимок, гласит: «Группа отдыхающих на Дигорском канале. Дата съемки — 1928» [ФД 2-8610 ч/б]... Что ж, экспедиции тех, молодых лет были для Евгении Георгиевны, вероятно,

своеобразной деятельной отдушиной — недаром она ежегодно выезжала на любимый Кавказ и успевала каждый раз сделать так много.

Рис. 3. Е. Г. Пчелина (вторая слева) в группе неустановленных лиц (возможно, участников археологической экспедиции).

Дигорский канал, 1928 г.

* * *

Затронув тему уточнения сведений о негативах Евгении Георгиевны, стоит коснуться фондов СПбФ АРАН, который с учетом дополнительных поступлений 2019 г. является теперь, вероятно, основным местом их хранения. На текущий момент в описи 2 ее фонда учтено всего 90 единиц хранения, в основном снятых в Северной Осетии [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2], и опыт их обработки необходимо совершенствовать, имея крупный задел работы.

Дело 30 «Раскопки в с. Лац: археологические находки» (2 негатива на стекле) датировано 1926 г. Раскопки кургана с двумя погребениями аланской эпохи в селении Лац Северной Осетии были проведены Евгенией Георгиевной и Л. П. Семеновым 6–7 июля 1927 г. [Пчелина, 1929, с. 408]. Сведений о других археологических работах там Евгении Георгиевны или других лиц в 1920-е гг. не выявлено, две фотографии находок из указанного кургана приведены в немецком варианте публикации [Ptschelina, 1928–1929, р. 147, 155] и одна — в русском [Пчелина, 1929, табл. XXI, рис. 2]. Датировку упомянутых негативов, по всей видимости, следует отнести к промежутку между раскопками и публикациями, т. е. 1927–1929 гг.

Единственный негатив с аннотацией «Садонские катакомбы: глиняный кувшин» включен в подраздел «Катакомбный могильник у

с. Архон» и датирован 1930-ми гг. [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 31]. Поселок Садон расположен в боковом ущелье левобережья р. Ардон, селение Архон — правобережья, хотя расстояние между ними, особенно измеряемое по прямой на карте, действительно небольшое. В Садоне (точнее, Нижнем Садоне) Е. Г. Пчелина раскопала единственную катакомбу, обнаруженную местным жителем [РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 185. Л. 37–39]. Материалы раскопок, в том числе рисунок и описание указанного кувшина, были опубликованы в солидном международном издании [Pčelina, 1929, p. 211–212, abb. 1; см.: Кузьминых, Салминен, 2016].

К 1936 г. отнесены негативы снимков находок из раскопок на Дигорском канале [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 33], осуществлявшихся в 1928–1929 гг. Конечно, фотографирование могло производиться позже в Северо-Осетинском республиканском музее краеведения, где артефакты должны были храниться, или на эмульсии запечатлены предметы, обнаруженные в с. Карман-Синдзикау в 1936 г. «при раскопке кургана для установки керосиновой цистерны колхоза» [СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 561]. Их опись на 1 листе обработчики включили в материалы, связанные с работами Пчелиной на Дигорском канале. Правда, указанное село лежит существенно дальше на юго-восток от магистрали канала, строительство которого закончилось в 1929 г. Вопрос нуждается в уточнении, поскольку с не меньшей вероятностью негативы могут быть отображать предметы, найденные в 1928–1929 гг. и сфотографированные в тот же период [РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 185; СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 563, 564].

Упомянем, что основная часть негативов, находившихся в фонде на момент обработки, была хрономатематически подобрана и хранилась в небольших коробках, подписанных Пчелиной. Нельзя исключить, что в приведенных случаях дат либо не имелось, либо Евгения Георгиевна указала их по памяти, допустив неточности.

В бурные 1920-е и начале 1930-х гг. отчетно-учетная документация в научных, музейных и других учреждениях подчас оформлялась и велась без надлежащей тщательности. Организации трансформировались и ликвидировались, наследство передавалось по ведомственным цепочкам, неся потери, депаспортизируясь. Архивы гибли, оказывались раздроблены, сохранились не полностью. Печальную лепту внесла война, на закате века — новая экономическая разруха. И все же накопленные богатства велики, а рассмотренные примеры доказывают: скрупулезность и профессионализм архивистов позволяют заполнять лакуны, извлекать значимую информацию из разрозненных свидетельств, что особо важно для «немых» без атрибуции фотоматериалов, совершенствовать исследовательский аппарат. Не менее ценна прокладка маршрутов в фонды и собрания с залежами исторических сокровищ. Остается надеяться, что

обновленное издание каталога «Северный Кавказ» выйдет в самом близком будущем.

Использованные источники:

1. АРАН. Ф. 355. Оп. 1. Д. 60.
2. АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 29.
3. АРАН. Ф. 677. Оп. 1. Д. 675.
4. АРАН. Ф. 677. Оп. 2.
5. АРАН. Ф. 677. Оп. 2. Д. 129.
6. АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 376.
7. АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 377.
8. АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 378.
9. АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 379.
10. АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 389.
11. АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 390.
12. АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 391.
13. АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 392.
14. АРАН. Ф. 677. Оп. 3.
15. *Абаев В. Д.* 30 лет советской власти и развитие науки в Юго-Осетии // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института Академии наук Грузинской ССР. Вып. VI. Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1948. С. 5–17.
16. *Анчабадзе Ю. Д.* Кавказовед Г. А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы. Вып. 1 / сост. Д. Д. Тумаркин. 2-е изд. М.: Восточная литература, 2002. 343 с. С. 134–151.
17. *Бабаян Д.* Красный Курдистан: геополитические аспекты создания и упразднения // 21-й ВЕК. 2005. № 2. С. 115–136.
18. *Баталин В. Н., Малышева Г. Е.* Московский период в истории Российского государственного архива кинофотодокументов (1926–1953 гг.) // Отечественные архивы. 2006. № 5. С. 11–21.
19. *Баталин В. Н., Малышева Г. Е.* История Российского государственного архива кинофотодокументов. 1926–1966 г. СПб.: Лики России, 2011. 245 с.
20. *Белецкий Д. В.* Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. 2011. № 7. С. 26–70.
21. *Бзаров Р. С.* История в осетинском предании: сюжет о Чермене. Владикавказ: ИР, 1993. 128 с.
22. *Блиев М. М.* Осетия в первой трети XIX века. Орджоникидзе: Сев.-Осет. книж. изд-во, 1964. 174 с.
23. *Блиев М.* Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. 2-е доп. изд. Владикавказ: Проект-Пресс, 2006. 416 с.
24. *Блиев М. М., Дегоев В. В.* Кавказская война. М.: Росет, 1994. 592 с.
25. *Бондарь Л. Д.* Материалы Е. Г. Пчелиной в московских коллекциях (по авторским заметкам) // Археология, этнография и языки Кавказа в

документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной: сб. ст. по материалам науч. чтений (С.-Петербург, 17–18 окт. 2019 г.) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2019. С. 88–95.

26. Вильчевский О. Материалы по истории общественных форм в Курдистане // Советская этнография. 1932. № 5–6. С. 120–140.

27. Вольная Г. Н. Историк-кавказовед — Евгения Георгиевна Пчелина (к столетию со дня рождения). Армавир: Армавир. гос. пед. ин-т, 1995. 21 с.

28. Вольная Г. Н. Отражение сюжетов нартского эпоса в почитании объектов природного и культурного наследия Северной Осетии // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. науч. тр. Вып. V. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. С. 205–212.

29. Данилов Д. [и др.]. Советская Чувашия. Национально-культурное строительство / Ком. акад., Ин-т лит-ры и искусства, Секция лит-ры СССР. М.: Соцэкгиз, 1933. 268 с.

30. Джапуа З. Д. Григорий Филиппович Чурсин (1874–1930) // Кунсткамера. 2019. С. 204–215.

31. Доного Х. М. Сверкающий газават. Имам Гази-Мухаммад: биографический очерк. Махачкала: Ахульго, 2007. 198 с. = [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gazavat.ru/history3.php?rub=12&art=173> (дата обращения 31.01.2022).

32. Емельянова Н. М. Мусульмане Осетии: на перекрестке цивилизаций. М.: РИК, 2003. 358 с.

33. Зайцев И. В. Газиз Губайдуллин и Бекир Чобан-Заде в Научно-исследовательском институте этнических и национальных культур народов Советского Востока (новые документы из Архива РАН) // Тюркологические исследования. 2019. № 2(3). С. 34–45.

34. Застрожная Е. Г. Обзорение личного фонда Е. Г. Пчелиной (№ 1017) в СПбФ АРАН // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной: сб. ст. по материалам науч. чтений (С.-Петербург, 17–18 окт. 2019 г.) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2019. С. 61–79.

35. Имена московских улиц / под ред. А. М. Пегова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Московский рабочий, 1975. 536 с.

36. Информационная система «Архивы РАН». URL: <https://isaran.ru/?q=ru/archives#tab-1> (дата обращения: 20.09.2022).

37. История московских телефонных номеров [Электронный ресурс]. URL: <https://pynop.com/istorija-telefonnyh-nomerov.htm> (дата обращения 31.01.2022).

38. История Осетии: в 2 т. Т. 2. История Осетии в XIX — начале XX века. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. 444 с.

39. История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Орджоникидзе: ИР, 1987. 529 с.

40. Калоев Б. А. Е. Г. Пчелина — ученый-кавказовед // Этнографическое обозрение. 2004. № 3. С. 98–111.
41. Книга для чтения по русскому языку для осетинской неполной средней и средней школы / сост М. Коцоева и Б. Боциев. Ч. 2: Для 6 кл. [Орджоникидзе]: Гос. изд-во Сев.-Осет. АССР, 1938. 208 с.
42. Кокиев Г. А. Очерки по истории Осетии. Ч. 1. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2011. 160 с. (Репринт изд. 1926 г.)
43. Кравчук М. И. Северный Кавказ: каталог фотоколлекций этнографических экспедиций на Северный Кавказ (1920–1931 гг.) Института народов Востока. М.: Спутник +, 2020. 148 с.
44. Кравчук М. И. Фотодокументы экспедиций на Северный Кавказ с участием Е. Г. Пчелиной (1925–1931 гг.) в фондах РГАКФД // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 3: сб. ст. по материалам науч. чтений (С.-Петербург, 25 окт. 2021 г.) / сост. Л. Д. Бондарь. СПб.: Реноме, 2022. С. 20–25.
45. Крапошина Н. В. Материалы Е. Г. Пчелиной к исследованию «Страна мертвых у осетин» // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной: сб. ст. по материалам науч. чтений (С.-Петербург, 17–18 окт. 2019 г.) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2019. С. 152–162. Ил. 58–61.
46. Кузнецов В. А. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Орджоникидзе: Б. и., 1980. С. 49–77.
47. Кузьминых С. В., Салминен Т. А. М. Тальгрэн — редактора журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua» // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): матер. междунар. конф. (Кемерово, 19–21 октября 2016 г.) / отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 40–45.
48. Куфтин Б. А. Родовое святилище жреца Иласа Гутцова; внутренность притвора. Осетины. Северная Осетия — Алания, Даргавское ущелье, селение Цагат Ламардон, октябрь 1926. Музейный номер МАЭ И 1767-1 // Кунсткамера. Коллекции онлайн. Экспонаты: общедоступная часть электронной базы данных коллекций Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). URL: <https://collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/309808> (дата обращения 31.01.2022).
49. Лазаревский институт — Московский институт востоковедения — МГИМО / МГИМО (У) МИД России; под общ. ред. А. В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2015. 385 с.
50. Лисицян С. Армяне Нагорного Карабаха: этнографический очерк / отв. ред. Л. М. Варданян и Д. С. Вардумян. Ереван: Из-во АН Армении, 1992. 239 с.

51. Мамиев М. Э. Семантика посвящения дзуара Мигъдау // Дарьял. 2003. № 5. С. 284–293.
52. Онощенко В. В. Библиография курдов Е. Г. Пчелиной: к истории неопубликованной работы // Археология, этнография и языки Кавказа. Вып. 3: сб. ст. по материалам науч. чтений (С.-Петербург, 25 окт. 2021 г.) / сост. Л. Д. Бондарь. СПб.: Реноме, 2022. С. 101–117.
53. Орешин С. А. Ингушетия под «Белой» властью: особенности государственного строительства в 1919 — начале 1920 г. // Вестник РУДН. Сер. «История России». 2015. № 2. С. 57–65.
54. Осипова Н. М. Документы Е. Г. Пчелиной в Архиве РАН // Археология, этнография и языки Кавказа в документальном научном наследии Е. Г. Пчелиной: сб. ст. по материалам науч. чтений (С.-Петербург, 17–18 окт. 2019 г.) / отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2019. С. 83–87. Ил. 39–45.
55. Предисловие [б. п.] // Труды Закавказской научной ассоциации. Сер. I. Вып. 1. Материалы по изучению Грузии. Юго-Осетия. Тифлис, 1924 (1925). С. III–IV.
56. Программа по теории советского хозяйства и экономической политике для рабфаков и техникумов / Учеб.-метод. сектор НКП РСФСР; сост. А. К. Сиотоков. М.; Л.: Наркомпрос РСФСР; ОГИЗ. Гос. учеб.-педагог. изд-во, 1931. 24 с.
57. Путеводитель по кинофотодокументам Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД). М.: Б. и., 2008. 692 с. = Путеводитель по РГАКФД [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rgakfd.ru/sites/default/files/putevoditel/files/assets/basic-html/page-I.html> (дата обращения 31.01.2022).
58. Пчелина Е. Г. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. Вып. IV. М.: РАНИОН, 1929. С. 408–426.
59. Пчелина Е. Г. Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии // Ученые записки Института этнических и национальных культур народов Востока РАНИОН. Т. II. М., 1930. С. 3–52.
60. Пчелина Е. Г. По Курдистанскому уезду Азербайджана (путевые заметки) // Советская этнография. 1932а. № 4. С. 108–121.
61. Пчелина Е. Г. Обряд гостеприимства в Осетии // Советская этнография. 1932б. № 5–6. С. 140–163.
62. Пчелина Е. Г. Крепость «Зильде Машиг» // Советская этнография. 1934. № 3. С. 87–101.
63. Пчелина Е. Г. Родильные обычаи у осетин // Советская этнография. 1937. № 4. С. 85–103.
64. Пчелина Е. Г. Армянские памятники на территории Азербайджанской ССР // Труды отдела [истории культуры и искусства] Востока Государственного Эрмитажа. Т. III. Л.: Б. и., 1940. С. 243–256.

65. Пчелина Е. Г. Урсдонское ущелье в Северной Осетии (по поводу находки сасанидского кубка) // Труды отдела [истории культуры и искусства] Востока Государственного Эрмитажа. Т. IV. Л.: Б. и., 1947. С. 133–154.
66. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 185.
67. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 791.
68. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1935. Д. 223.
69. РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1938. Д. 252.
70. Салбиев Т. К. Об архитектурных особенностях святилища Мигъдаудзуар селения Лисри // Устойчивое развитие горных территорий. 2014а. № 3. С. 125–130.
71. Салбиев Т. К. О пещере Черного всадника у осетинского горного селения Биз // Устойчивое развитие горных территорий. 2014б. № 4. С. 149–153.
72. Сиотоков Адиль Колумбатович // Жертвы политического террора в СССР: сводная база данных [Электронный ресурс]. URL: <https://base.memo.ru/person/show/2062388?ysclid=l8lr7usfg3753793652> (дата обращения: 20.09.2022).
73. Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. Владикавказ: Евразия, 2009. 201 с. Ил. 20 с.
74. Смирнов А. П., Пчелина Е. Г. Дневник археологических раскопок, произведенных экспедицией Научно-исследовательского института краеведения Юго-Осетии в 1931 году // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 1. Цхинвали, 1933. С. 287–297.
75. СОИГСИ 100 лет / под ред. З. В. Кануковой, С. Г. Кцоевой. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. 117 с.
76. Сосиев З. Станица Чернаярская // Терский сборник. Вып. 5. Владикавказ: Тип. Терского областного правления, 1903. С. 30–76.
77. Соснина Е. Л. Ян Потоцкий и его «Путешествие в Астраханские и Кавказские степи». Пятигорск: Спецпечать, 2003. 182 с.
78. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 137.
79. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 150.
80. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 156.
81. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 163.
82. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 417.
83. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 490.
84. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 515.
85. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 559.
86. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 561.
87. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 563.
88. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 564.
89. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 647.

90. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 652.
91. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 916.
92. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 917.
93. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 918.
94. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 943.
95. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 945.
96. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2.
97. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 31.
98. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 33.
99. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 65.
100. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 5.
101. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 62.
102. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 63.
103. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 64.
104. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 65.
105. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 76.
106. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 3. Д. 77.
107. Страницы отечественного кавказоведения / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. Н. Г. Волков. М.: Наука, 1992. 221 с.
108. *Техов Б. В.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси: Мецниереба, 1971. 296 с.
109. *Тменов В. Х.* Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1996. 437 с.
110. *Тменов В. Х.* Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1984. 344 с.
111. *Тотоев М. С.* Осетинский народ в борьбе против движения мюридизма и Шамиля // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1954. Т. XVI. С. 48–68.
112. *Тотоев М. С.* Выдающийся ученый-кавказовед // Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института им. К. Л. Хетагурова. 1967. Т. XXVII. Вып. I. Общественные и исторические науки. С. 237–248.
113. ФД 2-8610 ч/б // Электронный фотокаталог РГАКФД. URL: <http://photo.rgakfd.ru/photo/410188> (дата обращения 31.01.2022).
114. ФД 3-1971 ч/б // Электронный фотокаталог РГАКФД URL: <http://photo.rgakfd.ru/photo/44014> (дата обращения 31.01.2022).
115. ФД 3-2070 ч/б // Электронный фотокаталог РГАКФД. URL: <http://photo.rgakfd.ru/photo/693820> (дата обращения 31.01.2022).
116. ФД 3-2076 ч/б // Электронный фотокаталог РГАКФД. URL: <http://photo.rgakfd.ru/photo/44224> (дата обращения 31.01.2022).
117. ФД 3-2080 ч/б // Электронный фотокаталог РГАКФД. URL: <http://photo.rgakfd.ru/photo/44234> (дата обращения 31.01.2022).

118. ФД 3-2484 ч/б // Электронный фотокаталог РГАФКД URL: <http://photo.rgakfd.ru/photo/44876> (дата обращения 31.01.2022).
119. ФД 4-4100 ч/б // Электронный фотокаталог РГАФКД. URL: <http://photo.rgakfd.ru/photo/639478> (дата обращения 31.01.2022).
120. Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля [Блеск дагестанских шашек в некоторых шамилевских битвах] / пер. А. М. Барабанова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 337 с.
121. Чибиров Л. А. Научное наследие Е. Г. Пчелиной как образец междисциплинарного исследования // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 19. С. 36–47.
122. Шальва [Электронный ресурс]. URL: <https://wikimapia.org/22293405/ru/%D0%A8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B2%D0%B0> (дата обращения 20.09.2022).
123. Шнирельман В. В поисках самобытности // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 4. С. 49–166 = [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2011/4/v-poiskah-samobytnosti-u-istokov-sovetskogo-multikulturalizma.html> (дата обращения 31.01.2022).
124. Independent Türkçe [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения: 20.09.2022).
125. Pčelina E. Arxeologon kuyst Xussar Irystony // Fidiuæg. 1927. № 9–10. F. 49–50.
126. Ptschelina E. Zwei Grabfunde aus der Zeit der Alan-Chosarischen Kultur im Nord-Kaukasus // Artibus Asiae (Leipzig). 1928–1929. Vol. 3. No. 2/3. P. 144–165.
127. Pčelina E. Ein Katakombengrab der Völkerwanderungszeit in Nordossetien // Eurasia Septentrionalis Antiqua (Helsinki). 1929. Vol. IV. P. 211–213.

Сокращения:

АН — Академия наук
 АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
 АРАН — Архив Российской академия наук
 ВНАВ — Всесоюзная научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР
 ВНЦ РАН — Владикавказский научный центр Российской академии наук
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ЗакЦИК — Закавказский Центральный исполнительный комитет
 ЗНАВ — Закавказский научная ассоциация востоковедения при ЗакЦИК
 МАИ — Московский археологический институт
 МГУ — Московский государственный университет (с 1940 г. им. М. В. Ломоносова)
 НИИ — научно-исследовательский институт
 НКП РСФСР — Народный комиссариат просвещения Российской Советской Федеративной Социалистической Республики

ОсНИИК — Осетинский научно-исследовательский институт краеведения
РАН — Российская академия наук
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских
институтов общественных наук
РГАКФД — Российский государственный архив кинофотодокументов
РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института
истории материальной культуры Российской академии наук
СОИГСИ — Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных
исследований им. В. И. Абаева
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской
академии наук
ССР — Советская Социалистическая Республика
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ФД — фотодокумент
ЮОНИИ — Юго-Осетинский научно-исследовательский институт
(в настоящее время им. З. В. Ванеева)
ЦИК — Центральный исполнительный комитет
CV — curriculum vitae, жизнеописание
SPbB ARAS — St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy
of Sciences
RSDFPA — Russian State Documentary Film and Photo Archive

*Вишканич Л.
студент бакалавриата
факультет международных отношений
Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

ТИБЕТСКИЙ ВОПРОС

Аннотация: В статье анализируется затяжной конфликт в Тибете, анализируются отношения конфликтующих сторон и развитие самого конфликта на протяжении многих лет. Исследуются предмет конфликта, границы и субъекты, участвующие в конфликте. Также приведен пример попытки вмешательства мировых акторов в конфликт в Тибете. В статье разъясняются причины восстаний, самосожжения и экономических условий в Тибете. Представлен прогноз на будущее Тибета, а также основные трудности урегулирования конфликта.

Ключевые слова: конфликт, правительство в изгнании, восстание монахов, партизанская война, НОАК, Тибет.

*Vishkanich L.
Undergraduate student
faculty of international relations
St. Petersburg State University
Russian Federation, Saint Petersburg*

THE TIBETAN QUESTION

Annotation: The article analyzes the protracted conflict in Tibet, the relations of the conflicting parties and the development of the conflict itself over the years. The subject of the conflict, borders and subjects involved in the conflict are also analyzed. An example of an attempt by world actors to interfere in the conflict in Tibet is given. The article explains the causes of uprisings, self-immolation and economic conditions in Tibet. A forecast for the future of Tibet is presented, as well as the main difficulties of resolving the conflict.

Key words: conflict, government in exile, monk uprising, guerrilla warfare, PLA China, Tibet.

Актуальность конфликта

В Тибетском автономном округе расположенном на юго-западе Китая с 1950-их годов длится конфликт, который по сегодняшний день не решен. Такие сложные отношения длятся намного больше, примерно 1500 лет назад. 10 марта 2008 года тибетцы отметили 49-ю годовщину восстания

1959 года мирным протестом за освобождение заключенных монахов и монахинь. Затем китайская полиция разогнала акцию протеста с помощью слезоточивого газа и огнестрельного оружия. Беспорядки произошли в сложное время для Китая, который готовился к летним Олимпийским играм 2008 года в Пекине. Ситуация в Тибете вызвала усиление международного контроля за всей ситуацией с правами человека в Пекине, что побудило некоторых иностранных лидеров бойкотировать Церемонию открытия Олимпийских игр. Олимпийские факелоносцы по всему миру были встречены тысячами правозащитников. В этом заключается актуальность конфликта, поскольку когда-то автономный регион Тибет, сегодня не существует и ни одно иностранное правительство официально не признает тибетское правительство в изгнании. Конфликт в Тибете был выбран для данного исследования, поскольку затрагивает права человека и право исповедования религии, которые на территории Китая являются спорными вопросами.

Классификация конфликта

По сфере проявления конфликт в Тибете является смешанным конфликтом (этнический, конфессиональный и территориальный). Этнический, потому что конфликт ведётся между тибетцами и китайцами; конфессиональный, потому что правительство КНР пыталось вытеснить религиозный фактор из жизни тибетцев, поскольку религия не приветствуется в ленинско-марксистской идеологии, присущей на власти в КНР и территориальный, который тесно связан с религиозным фактором. КНР пытается вытеснить религию с территории Тибета, прекратить ее автономию и присоединить Тибет к КНР.

По области проявления, это внутригосударственный конфликт. Территория Тибета находится внутри географических и государственных границ КНР и сам конфликт ведётся между двумя этническими группами (тибетцами и китайцами).

Предметами спора являются борьба за территорию и власть, а также политический статус Тибета. Стремление правительства КНР к присоединении Тибета в состав КНР и владение этой территорией в соответствии с коммунистической идеологией составляют предмет возникновения конфликта.

По соотношению интересов сторон в случае с Тибетом, это пример конфликта с нулевой суммой. Конфликт длится уже много времени, его сложно урегулировать, поскольку стороны не готовы пойти на компромисс.

По временной продолжительности, Тибетский конфликт - долгосрочный. Противоречия начались в 640 году н.э., когда тибетский король Сонгцен Гампо женился на принцессе Вэньчэн, племяннице танского императора Тайцзуна. Он также женился на непальской

принцессе. Откровенные столкновения и первое восстание начались в 1959 году, когда восстания усиливались²⁷.

С точки зрения публичности конфликт явный. Стороны взаимодействуют, каждая с целью приобретения своих интересов. Как только тибетское правительство в изгнании вернется в Лхасу, административный центр Тибета, конфликт может обостриться и создать новые проблемы, учитывая стремление Тибета к автономии.

По статусным отношениям участников в Тибетском конфликте, он вертикальный, поскольку тибетцы являются этническим меньшинством в КНР, а правительство КНР пытается приобрести власть в данном регионе.

По масштабу распространения конфликт в Тибете региональный, потому что в какой-то степени затрагивает вопрос о пограничных регионах между Индией, Непалом и Китаем, который какое-то время являлось спорным вопросом именно между Индией и Китаем.

По соотношению сил противников, конфликт – асимметричный. Ведётся между сильным государством, у которого полномочия и силы больше, чем у национального меньшинства Тибета. Кроме того, у КНР есть легитимное право насилия, которым можно пользоваться на своей территории для решения конфликтов внутри государственных границ.

По числу участников конфликт в Тибете является двусторонним. После произошедших событий в Тибете, КНР немедленно перекрыла доступ в Тибет иностранным СМИ и туристам, чтобы ограничить вмешательство третьих сторон.

Обзор истории конфликта

Основание Китайской Народной Республики в 1949 году быстро положило конец фактической независимости Тибета. Коммунисты, как и предыдущее китайское правительство Чан Кайши, заявляли, что Тибет является частью Китая, но в отличие от этого правительства у них была военная сила, чтобы навязывать свои взгляды. Тем не менее Китай хотел большего, чем простое завоевание Тибета, - он стремился заручиться официальным согласием Далай-ламы и его правительства на воссоединение²⁸. В 1950 году Народно-освободительная армия (НОАК) новообразованной Китайской Народной Республики вторглась в Тибет. Когда впервые за десятилетия в Пекине была восстановлена стабильность, Мао Цзэдун попытался отстоять право Китая также и на управление Тибетом. НОАК нанесла быстрое и полное поражение небольшой армии Тибета, и Китай разработал проект «Соглашения из семнадцати пунктов», включающего Тибет в качестве автономного района Китайской Народной

²⁷ Kallie Szczepanski, "Tibet and China: History of a Complex Relationship", 2018, ThoughtCo., URL 19: <https://www.thoughtco.com/tibet-and-china-history-195217>

²⁸ The Center for Research on Tibet, URL 11: https://case.edu/affil/tibet/staffPub/f_affairs.htm

Республики²⁹. Правительство КНР немедленно инициировало перераспределение земель в Тибете. Землевладения монастырей были конфискованы для перераспределения между крестьянами. Коммунистические силы надеялись уничтожить базу власти богатых и буддизма в тибетском обществе. В ответ в июне 1956 года вспыхнуло восстание, возглавляемое монахами, которое продолжалось до 1959 года. Плохо вооруженные тибетцы использовали тактику партизанской войны в попытке изгнать китайцев. Приход Дэн Сяопина к власти в 1978 году породил новую инициативу по решению тибетского вопроса. Дэн пригласил Далай-ламу направить в Тибет делегации для установления фактов и сказал, что, помимо вопроса о полной независимости, все другие вопросы могут быть обсуждены и урегулированы. В ответ Далай-лама направил в Тибет в 1979-80 годах три делегации для установления фактов, но, вопреки ожиданиям китайцев, эти визиты выявили нищенские условия и сильные чувства тибетского национализма, которые укрепили уверенность изгнанников в трудный период их истории. Внешняя стратегия Пекина, направленная на то, чтобы убедить Далай-ламу вернуться, сопровождалась новой внутренней примирительной политикой в Тибете. Он состоял из двух основных компонентов. Первым был этнический аспект - придание Тибетскому автономному району (официально открытому в 1965 году) более тибетского характера в целом путем содействия возрождению тибетской культуры и религии, включая повторное открытие буддийских монастырей, разрешение набора новых монахов, более широкое использование письменного тибетского языка и замену большого числа китайских кадров тибетцами. Вторым было экономическое измерение - быстрое повышение уровня жизни отдельных тибетцев путем временной отмены налогов и квот на продажу по ценам ниже рыночных и развития инфраструктуры, позволяющей Тибету расти. Пока все это происходило, китайское правительство и Далай-лама провели секретные переговоры в Пекине, один раз в 1982 году и еще раз в 1984 году. Однако они оказались безрезультатными. Изгнанники не желали принимать решение, которое не позволяло Тибету действовать внутри страны в рамках политической системы, отличной от остальной части Китая, то есть при демократии западного образца, и, несмотря на более раннее замечание Дэна, китайцы категорически не хотели рассматривать возможность разрешения какой-либо организации, кроме Коммунистической партии, участвовать в управлении Тибетом. Ситуацию усложняло требование изгнанников о создании Великого Тибета, который включал бы в себя не только территорию, которая в наше время была

²⁹ Kallie Szczepanski, "Tibet and China: History of a Complex Relationship", 2018, ThoughtCo., URL 19: <https://www.thoughtco.com/tibet-and-china-history-195217>

политическим Тибетом, но и этнические тибетские районы в западном Китае, большую часть которых Тибет потерял в восемнадцатом веке³⁰.

Далай-лама отреагировал на провал этих переговоров, начав в 1987 году международную кампанию с целью заручиться большей политической поддержкой и рычагами влияния в Соединенных Штатах и Европе. Ключевым элементом этой новой стратегии было то, что Далай-лама впервые отправился на Запад в качестве политического лидера (предыдущие визиты были в качестве религиозного лидера). Во выступлениях в Соединенных Штатах в 1987 году и в Страсбурге в 1988 году он утверждал, что Тибет был незаконно оккупирован Китаем, и утверждал, что Великий Тибет должен стать самоуправляющимся демократическим образованием в соответствии с конституцией, предоставляющей демократические права западного образца. Этот расширенный политический Тибет будет иметь право принимать решения по всем вопросам, касающимся Тибета и тибетцев.

История и различные взгляды на то, был ли Тибет исторически независимым государством, представляют собой существенную причину внутреннего конфликта, продолжающегося и по сей день. В раннюю историю Тибет был независимым государством и часто великой империей, но с 13 века, когда он подчинился монгольскому правлению, и до наших дней Тибет пережил длительные периоды либо китайского контроля, влияния, либо эффективной автономии³¹. С наступлением монгольского периода, когда был покорен Тибет монгольский вождь 16-го века Алтан-хан назначил духовного лидера Тибета, Далай-ламу. Поскольку монголы завоевали Северный Китай после подчинения Тибета, это аргумент, который Китай использует сегодня, чтобы объяснить, что Тибет находится под его суверенитетом. Тем не менее, ситуация по-прежнему находится в руках Китая, потому что за последние десятилетия число китайцев растет все больше и больше, и не было положено никакого конца, чтобы остановить политику китаизации. Следовательно, политические репрессии продолжаются, с лагерями, пытками, особенно в отношении монахов, которые представляют сердце тибетской культуры. Многие тибетские беженцы бежали в Индию и другие соседние с Тибетом страны.

Границы конфликта

Пространственные границы конфликта обусловлены территорией Тибета, находящегося в юго-западной части КНР, внутри государственных границ КНР. Все действия, в основном восстания и вторжения китайской

³⁰ The Center for Research on Tibet, URL 11: https://case.edu/affil/tibet/staffPub/f_affairs.htm

³¹ Juliette Guittard, "Internal Conflict in Tibet (China)", International Journal of Latest Research in Humanities and Social Science (IJLRHSS), Volume 01 - Issue 08, URL 17: <https://deliverypdf.ssrn.com/delivery.php?ID=886002089031002121088001126093126073000064069010066071005099070108004018123025070112038036026000062033037024104099069086072065116075088062023080071093075112115124064007006039097102023088074089111007114027022064093006090019007004119119027090105002101118&EXT=pdf&INDEX=TRUE>

армии были проведены на территории Тибета. Временные границы конфликта положили начало еще 1500 лет назад, но современный конфликт коренится в хаотических религиозных и политических спорах конца семнадцатого и начала восемнадцатого веков. Конфликт по сей день не решен. Системные границы данного конфликта являются внутригосударственными, так как действий других государств и организаций не было, несмотря на коммуникации Далай-ламы с США и Европой.

Субъекты конфликта

Субъектами конфликта, в рамках участников, являются Тибет и Китай, точнее тибетские монахи и китайское правительство. В качестве пособников в данном конфликте можно отметить Индию, которая имеет интерес на территории Тибета, но не участвует напрямую в конфликте. Посредников в Тибетском конфликте нет из-за сложностей идеологий среди соперников, поэтому третьим сторонам было сложно принимать участие на одной стороне конфликта. На самом деле, сталкиваясь либо с Китаем, либо с Тибетом, большинство стран мира по-настоящему не вмешивались. С одной стороны, это было сделано для того, чтобы не идти против Китая, чтобы не потерять экономические интересы и диалог с ним на международной арене, с другой стороны, Тибет годами оставался изолированным от международных дел в течение двадцатого века. В настоящее время ситуация изменилась, в марте 2008 года, чтобы поддержать Тибет, все еще просящий о своей автономии, международное сообщество попросило Китай действовать с определенной сдержанностью. Более того, столкновения 2008 года между антикитайскими протестующими и властями в Тибете вызвали широкую огласку за рубежом. Действительно, в таких городах, как Лондон, Париж и Сан-Франциско прошли протибетские демонстрации и протесты. 24 мая 2012 года Госдепартамент США опубликовал доклад о правах человека в мире в 2011 году, в котором были рассмотрены все ежедневные нарушения в Тибете. В нем были выявлены случаи дискриминации, вмешательства в свободу передвижения, произвольных задержаний, пыток или исчезновений. Это исследование показало, что тибетцы знали о серии «все более интенсивных и формализованных мер контроля, которые привели некоторых к саможжению». После этого Пекин отрицал какую-либо вину, обвиняя иностранцев в дестабилизации региона и утверждая, что «Тибет переживает непрерывные экономические и социальные развитие» по данным Wall Street Journal³².

³² Juliette Guittard, "Internal Conflict in Tibet (China)", International Journal of Latest Research in Humanities and Social Science (IJLRHSS), Volume 01 - Issue 08, URL 17: <https://deliverypdf.ssrn.com/delivery.php?ID=886002089031002121088001126093126073000064069010066071005099070108004018123025070112038036026000062033037024104099069086072065116075088062023080071093075112115124064007006039097102023088074089111007114027022064093006090019007004119119027090105002101118&EXT=pdf&INDEX=TRUE>

В рамках взаимоотношений между конфликтующими сторонами проявляется коллективное насилие со стороны правительства КНР, точнее полиции на тибетских монахов, но были также случаи самосожжения на территории Тибета.

Предметное поле конфликта

Предмет конфликта обусловлен статусом Тибета. Статус Тибета долгое время оспаривался тибетским правительством в изгнании и этот вопрос всё ещё решается. Тибетцы продолжают настаивать на термине «оккупация» и требовать автономию Тибета в КНР, пока китайцы отвергают высказывания и сомнения тибетцев утверждая, что Тибет, на протяжении всей истории, был китайской территорией. Тибетский вопрос для КНР является немаловажной проблемой, поскольку затрагивает проблемы территориальной целостности, внутригосударственной стабильности, экономического развития и государственного престижа. Китаю очень важно сохранить Тибет внутри своих границ в целях безопасности и обороны, природных богатств, которыми обладает Тибет, а также в целях демилитаризации Тибета и установления контроля над религиозной жизнью, так как Тибет является центром буддизма³³.

Характеристика окружающей социальной среды конфликта

Зарождению конфликта предшествовало китайское понимание того, что Тибет принадлежит Китаю. Вышеупомянутый предмет конфликта привел к возникновению конфликта. Правительство Китая, в политическом контексте, не могло допустить автономию Тибету и не допускал внешним политическим акторам вмешиваться в внутригосударственный спор, пока в 1980-их годах тибетское правительство в изгнании не начало искать помощь западных мировых лидеров. С этого момента, западные государства начали интересоваться в урегулировании конфликта, отмечая Китай как агрессора, который нарушает права человека в Тибете. Соседние государства не оказывали особых интересов, так как у КНР были отдельные конфликты с ними, например с Индией. Одна из причин китайского стремления получить политическую власть над Тибетом, это из-за уровня экономического развития в Тибете. Тибет - это религиозная провинция, у которой по сравнению с остальными китайскими провинциями имеет очень низкий уровень жизни. Они живут скромно и покорно, как это требует религия. Их зарплаты очень низкие, и многие семьи едва выживают. Это приводит к расслоению в обществе, что является необычным явлением в государстве с марксистско-ленинской идеологией на власти. В этнорелигиозном контексте, жители Тибета очень религиозный народ, который не имеет хороших отношений с властными структурами КНР, поскольку они претендуют на упразднение религии из жизни тибетцев и подчинение их к

³³ Гулина Елена Владимировна, «Тибетский вопрос во внешней политике КНР», URL 4: <https://cyberleninka.ru/article/n/tibetskiy-vopros-vo-vneshney-politike-kr/viewer>

коммунистическим ценностям. В культурно-лингвистическом контексте в Тибете говорят по-тибетски. Это группа языков, произошедших из древнетибетского языка и в нее входят более чем 200 диалектов тибетского языка. Тибетский язык существенно отличается от китайского языка, несмотря на то что они происходят от одного общего древнего языка. Эксперты предполагают, что древний язык возник в северном Китае и распространялся на юг и запад вместе с сельским хозяйством. Тибетский язык, который является ключом к их общению, культуре, религии и национальной идентичности, неуклонно подрывался под властью Китая в течение последних шести десятилетий. Сейчас происходит критический этап борьбы за выживание одного из самых древних и сложных языков в мире, который породил замечательную литературную и религиозную культуру³⁴. В целом, то, что происходит с языком, противоречит мерам, предусмотренным в собственных законах Китая, в частности в Законе о региональной этнической автономии. Предусмотренные китайским законодательством меры по защите языка и культуры сегодня в Тибете просто не применяются. У Китая есть четкие стратегические цели в Тибете. Пекинское руководство реализует амбициозные планы по эксплуатации минеральных и природных ресурсов Тибета и в то же время по интеграции Тибета в КНР. Эта политика и ее осуществление угрожают выживанию тибетского языка, культуры и религии.

Динамическое измерение конфликта

Китайско-тибетские отношения можно проследить почти 1500 лет назад, но современный конфликт уходит корнями в хаотические религиозные и политические споры конца семнадцатого и начала восемнадцатого веков. Свержение в 1912 году династии Флин дало тибетцам возможность изгнать всех китайских военнослужащих и чиновников. С тех пор и до 1951 года Тибет функционировал как де-факто независимое государство, выполняя все правительственные функции без вмешательства Китая или какой-либо другой страны. Тем не менее его международный статус оставался неурегулированным. Китай продолжал утверждать, что Тибет является частью его территории, и западные страны, включая Великобританию и Соединенные Штаты, подтвердили эту точку зрения, отказавшись признать независимость Тибета. Китай хотел большего, чем простое завоевание Тибета - он стремился заручиться официальным согласием Далай-ламы и его правительства на воссоединение. Тибет, однако, отказался, и Китай вторгся в восточную провинцию Тибета в октябре 1950 года, чтобы вынудить тибетское правительство к переговорам. После того, как тибетская армия была быстро разгромлена, китайские войска остановили свое наступление и

³⁴ Ryan P. Smith, «The Incredible Linguistic Diversity of Tibet Is Disappearing», 2017, Smithsonian magazine, URL 22: <https://www.smithsonianmag.com/science-nature/incredible-linguistic-diversity-tibet-disappearing-180967513/>

снова призвали к переговорам. Когда ни западные демократии, ни соседняя Индия, ни Организация Объединенных Наций положительно не отреагировали на просьбы Тибета о помощи, Далай-лама направил в Пекин переговорную группу. Она неохотно подписала Соглашение из 17 пунктов о мирном освобождении Тибета в мае 1951 года. Это соглашение впервые в истории предоставило Тибету признание китайского суверенитета над Тибетом, а также признало право правительства Далай-ламы продолжать управлять Тибетом, по крайней мере, до тех пор, пока тибетский народ и лидеры не проведут реформы³⁵. В 80-е годы были проведены секретные встречи тибетского лидера и китайского правительства, однако компромисса не произошло. Только в конце 80-х Далай-лама направился на Запад и обратился за помощью к западным странам. Только тогда западные страны заинтересовались конфликтом в Тибете и начались массовые демонстрации по крупным городам западных стран. Таким образом, к 1989 году внутренняя и внешняя стратегии Пекина в отношении Тибета потерпели крах. Если Китай не был готов отказаться от прямого контроля в Тибете и принять статус доминиона, изложенный в Страсбургской речи Далай-ламы 1998 года, изгнанники, похоже, были настроены на продолжение своей международной кампании. Кампания, вероятно, спровоцировала бы новые демонстрации в Тибете и новые обвинения на международном уровне. Международная инициатива Далай-ламы изменила ситуацию с Китаем, заставив Пекин занять оборонительную позицию как на международном уровне, так и внутри Тибета.

Однако по мере того, как в начале 1990-х годов ценность Китая как торгового партнера росла, эффективность жестко сформулированных резолюций достигла своего предела. Те же правительства, которые выступали с этими осуждениями, также подписывали торговые соглашения с Китаем, и Дхарамсала начал осознавать неадекватность мобилизации через западные правительства. Начиная с конца 1990-х годов Тибетское движение провело серию стратегических кампаний против многонациональных организаций, стремящихся инвестировать в Китай³⁶. В период с 2002 по 2006 год Дхарамсала выпустила серию противоречивых обращений к тибетским правозащитным группам и общинам, призывая их не протестовать против китайских лидеров. Все, кроме немногих, прислушались к призывам. Используя Дхарамсалу в качестве невольного инструмента, Пекин смог существенно снизить объем и частоту протибетских протестов в течение этих пяти лет. В годы, предшествовавшие Олимпийским играм в Пекине в 2008 году, Дхарамсала

³⁵ The Center for Research on Tibet, URL 1: https://case.edu/affil/tibet/staffPub/f_affairs.htm

³⁶ Tenzin Dorjee, "Tibetan Strategies and Chinese Counter-Strategies, 1986-2012", 2020, A Harvard Kennedy School Student Publication, URL 1: <https://aapr.hkspublications.org/2020/02/02/tibetan-strategies-and-chinese-counter-strategies-1986-2012/>

занимала самую сильную позицию на переговорах. Желание Китая провести Олимпийские игры без протестов означало, что он будет более готов пойти на уступки, так как массовая амнистия политзаключенных или отмена запрета на изображения Далай-ламы, просто чтобы вовлечь тибетцев в диалог. Не видя уязвимости Пекина в то время, тибетцы бросились в диалог, не выдвигая стратегических условий. Диалог зашел в тупик в 2008 году и в конечном итоге прекратился в 2010 году после девяти раундов переговоров. В конце концов, Дхарамсала не только не добилась никаких успехов, но и осталась с уменьшившимся международным массовым движением, утратив четкость миссии предыдущего десятилетия. Тибетское восстание 2008 года, несмотря на обвинения Китая, укрепило легитимность Далай-ламы как бесспорного представителя тибетского народа. В отличие от протестов конца 1980-х годов, которые были ограничены Лхасой, протесты 2008 года охватили все три исторические провинции, разоблачая как фарс включение Китаем тибетских регионов Амдо и Кхам в состав китайских провинций Цинхай, Сычуань, Ганьсу и Юньнань. В отличие от протестов тибетских изгнанников в Индии или на Западе, которые Пекину было гораздо легче игнорировать, эти протесты внутри Тибета представляли собой гораздо более серьезный вызов правлению Китая.

После восстания 2008 года, после провала китайско-тибетских переговоров и на фоне волны самосожжений, которые начали захлестывать плато, Дхарамсала почувствовала растущее давление с целью разработки новой стратегии. В период с 2008 по 2012 год тибетское правительство созывало так называемые «Специальные совещания» для разработки новой стратегии движения. В ноябре 2008 года 581 тибетский делегат из 19 стран, включая ключевых правительственных чиновников, министров, тибетских парламентариев, лидеров НПО и представителей общин, прибыли в Дхарамсалу на первую Специальную встречу. За несколько дней до начала встречи сам Далай-лама заявил, что он отказался от политики Срединного пути, потому что «с китайской стороны не последовало никакого положительного ответа». Он также добавил, что теперь решение о дальнейших шагах зависит от тибетского народа, и заявил, что сохранит нейтралитет в предстоящих обсуждениях и решил не участвовать во встрече. Специальная встреча завершилась единодушным подтверждением Подхода Срединного пути.

Основные сложности и перспективы мирного урегулирования конфликта

В конце 2002 года Пекин связался с Далай-ламой и пригласил его посланников на переговоры, создав атмосферу оптимизма в Дхарамсале. За пределами Дхарамсалы некоторые тибетцы подозревали, что приглашение Пекина было продиктовано не столько искренним желанием разрешить конфликт, сколько стратегическим намерением приглушить

международную критику его политики в отношении Тибета в ходе подготовки к Олимпийским играм 2008 года. Их подозрения позже усилились, когда высокопоставленный китайский дипломат Чэнь Юнлинь дезертировал из посольства Китая в Австралии в 2005 году и описал пропагандистскую деятельность как просто тактику обмана, заявив, что с китайской стороны не было искренности³⁷. Однако из-за очевидного отсутствия альтернатив Дхарамсала согласился продолжить диалог без каких-либо предварительных условий. Для Китая простое проведение диалога было победой, поскольку они смогли использовать фотографию китайских и тибетских делегатов, сидящих вместе, чтобы заглушить международную критику его отношения к Тибету. Подтекст Пекина Западу был таков: китайцы и тибетцы разговаривают напрямую, третьи стороны больше не нужны. Чтобы усилить это, в сентябре 2002 года премьер-министр тибетского правительства в изгнании Самдхонг Ринпоче опубликовал это обращение перед визитом президента Цзян Цзэминя в Соединенные Штаты и Мексику: «В прошлом тибетцы и сторонники Тибета по всему миру использовали возможность визитов китайских лидеров, чтобы выразить свои чувства посредством мирных митингов и демонстраций. Одной из целей таких действий было побудить китайских лидеров откликнуться на инициативы Его Святейшества Далай-ламы по урегулированию тибетской проблемы путем переговоров. Теперь, когда есть признаки того, что китайское руководство, возможно, захочет начать переговоры с нами, мы могли бы воспользоваться возможностью визита президента Цзяна, чтобы проверить реакцию Китая. Я хочу призвать всех тибетцев и друзей Тибета воздерживаться от публичных акций, таких как митинги и демонстрации, во время визита Президента Цзяна в Соединенные Штаты и Мексику»³⁸.

Конфликт в Тибете может быть урегулирован путем переговоров. Шансов на приобретение автономии нет, но зато существует большая вероятность что приобретет статус кво в ближайшее будущее.

Заключение и выводы

Тибет и Китай имеют давние отношения, чреватые трудностями и переменами. Временами две страны тесно сотрудничали друг с другом. В другое время они были в состоянии войны. Сегодня нации Тибет не существует; ни одно иностранное правительство официально не признает тибетское правительство в изгнании. Тибетский вопрос остается источником конфликтов и противоречий в Китае и во всем мире. Различные точки зрения тибетцев и китайского правительства — с точки

³⁷ Tenzin Dorjee, “Tibetan Strategies and Chinese Counter-Strategies, 1986-2012“, 2020, A Harvard Kennedy School Student Publication, URL 1: <https://aapr.hkspublications.org/2020/02/02/tibetan-strategies-and-chinese-counter-strategies-1986-2012/>

³⁸ Tenzin Dorjee, “Tibetan Strategies and Chinese Counter-Strategies, 1986-2012“, 2020, A Harvard Kennedy School Student Publication, URL 1: <https://aapr.hkspublications.org/2020/02/02/tibetan-strategies-and-chinese-counter-strategies-1986-2012/>

зрения истории Тибета и доброжелательности китайского руководства — делают выход из тупика чрезвычайно трудным даже для самого просвещенного и преданного делу посредника. Эскалация конфликта между Тибетом и Китаем может вызвать большие страдания не только среди тибетцев, но и может поставить Китай на путь конфронтации с Западом, что потенциально может привести к новой «холодной войне» или даже Третьей мировой войне. Коммунистическая партия Китая использует религию в качестве «мягкой силы» для распространения своей политики, особенно буддизм, который действительно хорошо воспринимается в Западном мире.

Фундаментальная позиция китайцев сегодня заключается в том, что коммунистическое правление в Тибете, какие бы ошибки ни были допущены, было хорошо для Тибета и намного лучше, чем правление Далай-ламы. Аргумент основан на удачном сочетании идеологии марксистско-ленинской мысли Мао Цзэдуна, с одной стороны, и традиционных китайских предрассудков по отношению к тибетскому народу, с другой. Помещая Тибет в марксистские этапы исторического развития, которые прослеживаются от первобытнообщинного общества к рабовладельческому обществу, к феодализму, капитализму, социализму и, в конечном счете, к коммунизму, китайцы определили, что Тибет во время коммунистического захвата власти в 1950 году был теократическим, феодально-крепостническим государством, поэтому значительно более отсталым, чем Ханьский Китай.

Использованные источники:

- 1) Tenzin Dorjee, “ Tibetan Strategies and Chinese Counter-Strategies, 1986-2012“, 2020, A Harvard Kennedy School Student Publication, URL 1: <https://aapr.hkspublications.org/2020/02/02/tibetan-strategies-and-chinese-counter-strategies-1986-2012/>
- 2) Александр Владимирович Лукин, «Тибетская проблема Китая», 2008, *Независимая*, URL 2: https://www.ng.ru/ideas/2008-05-16/11_tibet.html
- 3) Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, «Тибетский вопрос», 2003, URL 3: https://www.fmprc.gov.cn/rus/about/zgxz/xajk/200303/t20030301_926125.html
- 4) Гулина Елена Владимировна, «Тибетский вопрос во внешней политике КНР», URL 4: <https://cyberleninka.ru/article/n/tibetskiy-vopros-vo-vneshney-politike-knr/viewer>
- 5) Генеральное Консульство Китайской Народной Республики в Санкт-Петербурге, «Национальная районная автономия в Тибете», 2004, URL 5: <http://saint-petersburg.china-consulate.org/rus/zt/zgxz/>
- 6) Гарри Ирина, «Тибетский вопрос» и тибетский буддизм в Китае: реформы и конфликты, 2016, URL 6: <https://cyberleninka.ru/article/n/tibetskiy-vopros-i-tibetskiy-buddizm-v-kitae-reformy-i-konflikty/viewer>

- 7) Elliot Sperling, “ The Tibet-China Conflict: History and Polemics“, *Policy Studies* 7, URL 7: <https://www.files.ethz.ch/isn/26098/PS007.pdf>
- 8) B.R.Deepak, “ India-China and the Tibetan Conflict: Narratives from China, India and the Tibetan Émigré“, URL 8: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-981-15-9500-4_3
- 9) Dustin Stokes, “ Conflict Over Tibet: Core Causes and Possible Solutions“, URL 9: <https://www.beyondintractability.org/casestudy/stokes-tibet>
- 10) Official site of Free Tibet, “China's lies“, URL 10: <https://freetibet.org/freedom-for-tibet/occupation-of-tibet/chinas-lies/>
- 11) The Center for Research on Tibet, URL 11: https://case.edu/affil/tibet/staffPub/f_affairs.htm
- 12) Andy Levin, “ An Important Anniversary Reminds Us: Don't Forget About Tibet“, 2022, *The Diplomat*, URL 12: <https://thediplomat.com/2022/03/an-important-anniversary-reminds-us-dont-forget-about-tibet/>
- 13) Shai Oster, Gordon Fairclough, James T. Areddy, Jason Leow, “ Tibet and China: A History of Conflict“, 2008, *The Wall Street Journal*, URL 13: <https://www.wsj.com/articles/SB120571689020540529>
- 14) Council on Foreign Affairs, Jayshree Bajoria, “ The Question of Tibet“, 2008, URL 14: <https://www.cfr.org/background/question-tibet>
- 15) Li Pan, “ Representing the Tibet Conflict in the Chinese Translation of Western News Reports“, 2017, URL 15: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-53748-1_10
- 16) Evan Towt, “ Border Conflict and Tibet: The Asian Giants and Their History of Power Struggle“, 2010, URL 16: https://digitalcollections.sit.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1883&context=isp_collection
- 17) Juliette Guittard, “ Internal Conflict in Tibet (China)“, *International Journal of Latest Research in Humanities and Social Science (IJLRHSS)*, Volume 01 - Issue 08, URL 17: <https://deliverypdf.ssrn.com/delivery.php?ID=886002089031002121088001126093126073000064069010066071005099070108004018123025070112038036026000062033037024104099069086072065116075088062023080071093075112115124064007006039097102023088074089111007114027022064093006090019007004119119027090105002101118&EXT=pdf&INDEX=TRUE>
- 18) U.S. Department of State, “ 2020 Country Reports on Human Rights Practices: China (Includes Hong Kong, Macau, and Tibet) – Tibet“, URL 18: <https://www.state.gov/reports/2020-country-reports-on-human-rights-practices/china/tibet/>
- 19) Kallie Szczepanski, “ Tibet and China: History of a Complex Relationship“, 2018, *ThoughtCo.*, URL 19: <https://www.thoughtco.com/tibet-and-china-history-195217>
- 20) Anne F.Thurston, “ The Chinese View of Tibet - Is Dialogue Possible?“, 1988, *Cultural Survival*, URL 20:

<https://www.culturalsurvival.org/publications/cultural-survival-quarterly/chinese-view-tibet-dialogue-possible>

21) Данияр Мухаметов, «Попытки формализации неявного знания как государственная интервенция: пример Тибета», 2020, *PCMД*, URL 21:https://russiancouncil.ru/blogs/dmukhametov/34974/?sphrase_id=62773814

22) Ryan P. Smith, «The Incredible Linguistic Diversity of Tibet Is Disappearing», 2017, *Smithsonian magazine*, URL 22:<https://www.smithsonianmag.com/science-nature/incredible-linguistic-diversity-tibet-disappearing-180967513/>

*Магомедова Р.М.
студент магистратуры 2 курса
специальность «История»
Научный руководитель: Джабаева Т.Ч., к.и.н.
Дагестанский государственный университет*

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена исследованию политики Российской империи на Северном Кавказе, в частности методам колонизации края для упрощения внедрения российской системы управления. Отмечается, что происходившие демографические изменения в кавказском регионе вследствие заселения края русским, армянским и немецким элементом были основаны не только на колонизационной политике Российской империи, но и на национально-освободительном движении горцев Кавказа.

Ключевые слова: Кавказ, колонизация, Российская империя, переселенцы, Кавказская война, система управления.

*Magomedova R. M.
2st year master's student
specialty "History"
Scientific supervisor: Jabaeva T.Ch., candidate of historical
sciences
Dagestan State University*

THE RESETTLEMENT PROCESS IN THE NORTH CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Annotation: The article is devoted to the study of the policy of the Russian Empire in the North Caucasus, in particular, by the method of colonization of the region to simplify the implementation of the Russian management system. It is noted that the demographic changes that took place in the Caucasus region due to the settlement of the region by the Russian, Armenian and German elements were based not only on the colonization policy of the Russian Empire, but also on the national liberation movement of the mountaineers of the Caucasus.

Keywords: Caucasus, colonization, Russian Empire, settlers, Caucasian war, management system.

Включение Северного Кавказа в административно-территориальную систему Российской империи характеризовалось «многовекторной

направленностью» - завоеванием, замирением, колонизацией и внедрением российской системы управления.

Наиболее значимой и масштабной, ввиду своеобразия решаемых задач на Северном Кавказе, были иницилируемые государством казачья и следующая за ней крестьянская (народная) колонизация. Роль государства в колонизации Северного Кавказа, всегда была значительна. Даже в ходе ранней вольно-народной колонизации, власть шла за народом, закрепляя «за собой вновь заселенные области..»³⁹.

Согласно колониальной политике Российская империя переселяет в Кавказский регион русских, армян, немцев. Таким образом, в среду кавказского населения вводился иноземный, иноэтничный, иноязычный и иноконфессиональный компонент. Переселенческая политика Российской империи на Кавказе преследовала создание себе в этом регионе этноконфессиональной базы. Исходя из выше изложенного видно, то Российская империя стремилась поглотить Кавказ в этническом, культурном и религиозной сфере для стабилизации своей власти в этом регионе.

По мнению В.М. Кабузана переселенческую политику Российской империи на Северном Кавказе можно разделить на несколько этапов:

В 1860-е гг. характеризовались заселением Кубанской области, прекращением заселения Черноморской губернии, выселением горцев в Османскую империю.

В 1870-е гг. Российская империя ограничивает переселение на Северный Кавказ. В результате увеличивается стихийно заселение территории Северного Кавказа. Также российским правительством отменяются льготы 1840-1850-х гг. для переселенцев.

В 1880-1890-е гг. российское правительство признает, что внутренние миграции крестьян полезны для империи. Однако процесс заселения территории Северного Кавказа уменьшается. Это было связано с тем, что определенная часть крестьян переселялась на территорию Дальнего Востока, Сибири и Казахстана. Следует отметить, что в Северный Кавказ переселенцы шли с территории Левобережной Украины, Новороссии, и Центрально-Земледельческого региона⁴⁰.

В Центральном Кавказе ключевую роль в переселенческой политике сыграл армянский этнос. Позиция России в отношении армян была основана на мнении, что «они по единому христианству под защитой

³⁹ Сокольский Л. Рост среднего сословия России. - Одесса, 1912. - С. 1

⁴⁰ Куваева А.А. Миграционная политика России на северо-западном Кавказе во второй половине XIX начале XX вв. [Электронный ресурс] / А.А. Куваева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2011. – №3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-rossii-na-severo-zapadnom-kavkaze-vovtoroy-polovine-xix-nachale-xx-vv>

русского правительства питают для собственного блага основательную преданность к русскому владычеству»⁴¹.

В процессе завоевания Кавказа русское правительство, заинтересованное в скорейшей колонизации этой территории переселяет на Кавказ немцев-колонистов. В связи с этим Екатериной II 27 октября 1778 г. был утвержден доклад «О переселении колонистов с луговой стороны Волги на линию, заводимую между Моздоком и Азовом»⁴². Следует отметить, что, несмотря на принятые меры русского правительства, процесс немецкой колонизации Кавказского региона происходил скачкообразно и имел спонтанный характер вплоть до середины XIX в. К началу 1850-х гг. русским правительством на территории Кавказского региона было зарегистрировано только 5 немецких колоний.

На азербайджанскую территорию правящая верхушка Российской империи предпочитала колонизировать армянский этнос. Такая политика русского правительства была основана на двух факторах. Во-первых, армяне являются христианами. Во-вторых, по мнению правящих кругов Российской империи, армянский этнос лучше всех был приспособлен к условиям жизни восточных стран. Подобная позиция русских обосновывалась на том, что армянская диаспора проживала в мусульманских странах и обладала высокой адаптацией в условиях изменения конфессиональных и политических условий жизни.

Колонизационная политика России в первой половине XIX в. в Центральном Кавказе стремилась уменьшить удельный вес азербайджанцев в этом регионе. После заключения в 1828 г. Туркманчайского и в 1829 г. Адрианопольского мирных договоров Российская империя переселила на территорию Северного Азербайджана 119,5 тысяч представителей армянского этноса. Процесс колонизации армянского населения на Центральный Кавказ продолжался до начала следующего столетия. В начале XX в. в Центральном Кавказе без учета Кутаинской и Тифлисской губернии проживало 1 208 615 представителей армянского этноса⁴³.

Только в конце XIX в. русское правительство начинает последовательно и планомерно переселять в Кавказский регион русских. Колонизация русских на Кавказ была представлена в основном православными крестьянами. Таким образом, Российская империя начала придерживаться выдвинутого тезиса: «русская государственная власть на

⁴¹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Том IV / Н.Ф. Дубровин. – СПб.: Тип. Скороходова, 1886 г. – 546 с.

⁴² Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе / Т.Н. Плохотнюк. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. – 238 с.

⁴³ Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи на Кавказе / Х.Ю. Вердиева // Кавказ и глобализация. – 2007. – том I. – №5. – С. 152-160.

Кавказе была для того, чтобы действительно быть русской». Российское правительство считало, что русская колонизация способствовала росту благосостояния и укреплению могущества Российской империи на Кавказе.

Итогом русской колонизации стало создание 89 переселенческих поселка в Муганской и Мильской степях северной части Азербайджана к началу XX в.⁴⁴. Численность русских в Центральном Кавказе в конце XIX в. составляла 350 050 человек. В целом политика Российской империи после завоевания Кавказа была направлена на проведение колонизации, русифицирования, христианизации на приобретенных территориях.

Подводя итоги колонизации, мы видим, что Российская империя на территорию Кавказа переселяла в основном русских, армян и немцев. Приоритет в колонизаторской политике Российской империи был отдан на русификацию и христианизацию. В результате такой политики на территории Кавказа произошли количественные и качественные изменения в этнической и конфессиональной структуре.

Численность русских в начале XX в. в Северном и Центральном регионе Кавказа составила 3 760 000 человек. Причем основная часть русского населения оседала на Северном Кавказе и составляла 3 492 912 человек. Приведенная статистика говорит о том, что Российская империя проводила тотальную русскую колонизацию Северного Кавказа. Численность немцев в начале XX в. в Кавказском регионе составляла 90 тысяч человек. Однако следует отметить, что этот этнос не пользовался благосклонностью в среде русского правительства.

Численность армянского населения на Кавказе в начале XX в. составила 1 400 000 человек. Основная часть армянского населения обосновывалась в Иреванской, Бакинской, Елизаветпольской губерниях являвшимися историческими территориями Азербайджана⁴⁵.

Происходившие демографические изменения в кавказском регионе были основаны не только на колонизационной политике Российской империи, но и на национально-освободительном движении горцев Кавказа.

По сведениям, приводимым В. Линденом в тот период времени около 470 000 черкесов добровольно покинули свою родину. Оставшаяся часть горцев была подвергнута депортации со стороны Российской империи. Также российское правительство переселяло кавказские этносы с гор на территорию Екатеринодарской, Майкопского и других уездов Российской империи. Эти меры были сделаны из соображений безопасности с целью окончательной ликвидации сопротивления горцев. В

⁴⁴ Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане / Х.Ю. Бердиева. – Баку, 1999. – 288 с.

⁴⁵ Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи на Кавказе / Х.Ю. Вердиева // Кавказ и глобализация. – 2007. – том 1. – №5. – С. 152-160.

результате проводимой политики Российской империей в 1915 г. в Кубанской области численность горцев составила 131 662 человек. При этом общая численность населения в Кубанской области составляла 2 598 205 человек.

Таким образом, политика, которая проводилась Российской империей, существенно изменила этнический состав Кавказского региона. В результате переселенческой политики Российской империи на Кавказе в истории региона произошли социально-политические коллизии, которые и сегодня придают «кавказскому узлу» особое значение в системе международных отношений. Так, «карабахский», «осетинский», «абхазский», «аджарский», «месхетинский» вопросы, которые являются составной частью этого узла, используются в геополитических играх ведущих государств мира, стремящихся расширить сферы своего влияния в регионе.

Использованные источники:

1. Сокольский Л. Рост среднего сословия России. - Одесса, 1912. - С. 1
2. Куваева А.А. Миграционная политика России на северо-западном Кавказе во второй половине XIX начале XX вв. [Электронный ресурс] / А.А. Куваева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2011. – №3. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-rossii-na-severo-zapadnom-kavkaze-vovtoroy-polovine-xix-nachale-xx-vv>
3. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Том IV / Н.Ф. Дубровин. – СПб.: Тип. Скороходова, 1886 г. – 546 с.
4. Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе / Т.Н. Плохотнюк. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2001. – 238 с.
5. Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи на Кавказе / Х.Ю. Вердиева // Кавказ и глобализация. – 2007. – том 1. – №5. – С. 152-160.
6. Вердиева Х.Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане / Х.Ю. Бердиева. – Баку, 1999. – 288 с.

Оглавление

ОСНОВНОЙ РАЗДЕЛ

Абдеев Т.Р., МЕТОДЫ ПОВЫШЕНИЯ НАДЕЖНОСТИ ШАРОВЫХ КРАНОВ	3
Абилов Р.К., ЛЕКАРСТВЕННЫЕ РАСТЕНИЯ И ИХ ЦЕЛЕБНЫЕ СВОЙСТВА.....	8
Айтбаев А.К., Пирлепесова И.П., ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН	11
Джура Г.С., ГРУППОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕНИНГ КАК ОТВЕТ НА УГРОЗЫ ПСИХИКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	17
Досназарова У.И., ДИСТАНЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗООЛОГИИ	21
Жиянова Ш.М., РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ В ПОСТРОЕНИИ СПРАВЕДЛИВОГО ОБЩЕСТВА В НАШЕЙ СТРАНЕ	24
Каллибеков А.С., ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН	28
Магомедова Р.М., ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	33
Сулейманова Ш.Ф., АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ МЕТОДОВ ЗАЩИТЫ ОТ КОРРОЗИИ ПОДВОДНЫХ ТРУБОПРОВОДОВ	38
Шуганова Е.Е., НЕОТЛОЖНАЯ СЕСТРИНСКАЯ ПОМОЩЬ ПАЦИЕНТАМ С НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИЕЙ COVID-19	43

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выродова И.Г., Нагаева А.А., Шкодина А.О., ПРОБЛЕМЫ ТЕХНОЛОГИИ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА	50
---	----

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Блажко А.В., К АТТРИБУЦИИ ФОТОДОКУМЕНТОВ Е. Г. ПЧЕЛИНОЙ В ФОНДАХ РГАКФД (ПО ПОВОДУ ИССЛЕДОВАНИЙ М. И. КРАВЧУК)	57
Вишканич Л., ТИБЕТСКИЙ ВОПРОС	106
Магомедова Р.М., ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА	120